

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГА

№ 6 (34). 2006

Содержание

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА		ПЕТЕРБУРГСКАЯ СЕМЬЯ	
М. П. Волкова		В. П. Шталь	
История Дворцового моста в Санкт-Петербурге	3	Судьба семьи Дитерихс-Шталь. <i>Окончание</i>	70
Н. В. Николаева		К 65-ЛЕТИЮ НАЧАЛА БЛОКАДЫ	
Об авторстве приморской дачи М. И. Воронцова	8	ЛЕНИНГРАДА	
и ее интерьерях		Три письма из блокады.	
		<i>Публикация Л. П. Белякова</i>	75
ИСТОРИЯ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ		КНИГА ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ	
В. В. Антонов	13	И. Е. Тайманова	
Аларчинская гимназия		Записки счастливого человека,	
О. И. Молкина	16	или Байки феи Карабос	80
Стихи из синей тетради			
ПЕТЕРБУРЖЦЫ И ПЕТЕРБУРЖЕНКИ		СОВРЕМЕННЫЕ МЕМУАРЫ	
А. П. Смирнов	18	М. М. Гитман	
«Ленинградское дело». Портрет поколения		Комсомольский противопожарный полк	
М. М. Галанов	23	в условиях блокады (заметки бывшего	
Митрополит Гавриил и Павел I		комиссара полка). <i>Окончание</i>	86
		К. С. Померанец	
САДЫ И ПАРКИ ПЕТЕРБУРГА		Как я заседал в райизбиркоме	90
И. О. Пащинская	27	СЛУЖИЛЫЙ ПЕТЕРБУРГ	
Петергофский Элизиум		В. М. Лурье, П. А. Калёнов	
(сад на Ольгином острове)		Командующие войсками Ленинградского	
		военного округа	91
ИСТОРИЯ – СЕГОДНЯ		РЕЦЕНЗИИ	
Л. В. Никифорова	33	С. Н. Полторак	
Ледяной дом. 1740–1888–2006		Беда не знает срока давности. Размышления	
В. Г. Бем	40	о книгах В. М. Ковальчука и А. Н. Чистикова	94
Карл и Эмилия. Проекты памятника		ЮБИЛЕИ	
		К 75-летию со дня рождения В. А. Петрицкого	97
УНИКАЛЬНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ		Декабрь 2006 года богат	
Н. Ю. Меньшенина	41	замечательными юбилеями	98
П. Я. Дашков: собиратель и меценат		Конкурс рисунка «Петербургский детский	
		альбом: исторические картинки	
МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕТЕРБУРГ		(История Петербурга – глазами детей)»	99
Н. В. Юхнёва	45	Сведения об авторах	100
Шведы в Петербурге			
НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ			
Н. Н. Лаврентьев	53		
Клянемся честью и Черновым... <i>Окончание</i>			
ИНОСТРАНЦЫ В ПЕТЕРБУРГЕ			
В. А. Бачинин	59		
О миссии лорда Г. Редстока в Петербурге			
МАЛЫЕ МУЗЕИ ПЕТЕРБУРГА			
Е. Л. Александрова	66		
Первая экспозиция музея			

Главный редактор

С. Н. Полторак, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

Л. И. Амирханов

Е. В. Анисимов, *доктор исторических наук, профессор*

Ю. С. Васильев, *доктор технических наук, профессор, академик РАН*

Б. Д. Гальперина, *доктор исторических наук, профессор*

Р. Ш. Ганелин, *доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН*

Н. К. Гуркина, *доктор исторических наук, профессор*

В. С. Измозик, *доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)*

Е. Я. Кальницкая, *кандидат искусствоведения*

А. Н. Кашеваров, *доктор исторических наук, профессор*

В. М. Лурье

Г. В. Митчелл, *доцент*

Г. В. Михеева, *доктор педагогических наук, профессор*

О. И. Молкина

Ю. В. Мудров

В. Е. Павлов, *доктор технических наук, профессор*

Р. Э. Павлова

В. Н. Плешков, *доктор исторических наук, профессор*

В. Л. Пянкевич, *доктор исторических наук, доцент*

А. А. Смирнова, *кандидат исторических наук, доцент*

Т. М. Смирнова, *доктор исторических наук, профессор*

В. П. Третьяков, *доктор психологических наук, профессор*

И. М. Триодина, *кандидат культурологии*

С. Б. Ульянова, *кандидат исторических наук, доцент*

А. Н. Чистиков, *кандидат исторических наук*

В. П. Яковлев, *кандидат исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)*

Журнал основан и зарегистрирован 20 июля 2000 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-4602

Выдано Территориальным управлением по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Учредитель С. Н. Полторак

Адрес редакции

195251, Россия, Санкт-Петербург-251, Политехническая ул., 29

Тел.: (812) 534-28-28; 335-31-00 (тональный режим (*), 4224)

E-mail: nestorklio@mail.ru

Редакция журнала принимает к рассмотрению материалы и иллюстрации в одном экземпляре объемом до 0,5 п.л. (электронная версия обязательна).

Материалы не возвращаются и не рецензируются.

Подписка на журнал «История Петербурга»

осуществляется по каталогу агентства «Роспечать»

Индекс 14244

© «История Петербурга», 2006

© Авторы публикаций, 2006

© Издательство «Нестор», 2006

Перепечатка публикаций допускается с согласия редакции журнала.

Ссылка на журнал «История Петербурга» обязательна.

На 1-й странице обложки — Павел I. *Художник О. А. Леонов. 1992 г.*

На 4-й странице обложки — Инженерный (Михайловский) замок. *Художник Г. И. Журавлев. 2000 г.*

История Дворцового моста в Санкт-Петербурге

Современный вид Дворцового моста

М. П. Волкова

Мосты, дома и прочие сооружения, как и люди, имеют свою историю, свою судьбу. У Дворцового моста длительная предыстория и несчастливая судьба по сравнению с соседями – мостом им. Лейтенанта Шмидта (бывшим Николаевским) и Троицким.

Благодаря центральному местоположению и роли в жизни столичного города он должен был стать самым красивым мостом в городе, но в силу исторических событий в России он вступил в жизнь с техническими недоделками и без архитектурного убранства. Четверть века, до 40-х годов XX века, он имел облик предшествующего наплавного моста, с такими же деревянными перилами, фонарями и непрочным деревянным настилом. И после реконструкции, которая растянулась до конца 70-х годов, он не достиг утвержденного оформления. Его история продолжается...

Название «Дворцовый мост» появилось в Санкт-Петербурге в 1856 году. Но оно относилось к наплавному мосту на плашкоутах, который ранее стоял в створе Сенатской площади – Университетской набережной, а в 1856 году перемещен к Зимнему дворцу с выходом на стрелку Васильевского

острова. В 1896 году его переместили ниже по течению Большой Невы и поставили на то место, где стоит нынешний мост.

Этот наплавной мост был оформлен по всем правилам создания мостов через широкие реки – с перильным ограждением, с фонарями (масляными), с широкой проезжей частью, по которой проходил рельсовый путь конки (а с 1911 года – трамвая), с тротуарами по обеим сторонам. Мост был деревянный.

В ту пору Большую Неву перекрывали только два постоянных моста – Николаевский (им. Лейтенанта Шмидта) и Литейный, и два плашкоутных моста – Исаакиевский и Вознесенский, которые в периоды осеннего ледостава и весеннего ледохода приходилось отводить к берегу. Парадный центр города не имел постоянной переправы, что затрудняло связь с учреждениями Торгового порта, с Биржей, находящимися на Васильевском острове. Ощущалась ос-

Наплавной Дворцовый мост. 1880-е гг.
Фото К. Буллы. Архив «Мостотреста»

трая необходимость иметь здесь постоянный мост.

В 1900 году Петербургская городская управа поручила Комиссии по строительству Троицкого моста (мост был открыт в 1903 году) разработать технические условия для международного конкурса на проектирование двух мостов через Неву – Дворцового и Большеохтинского. Они были выполнены инженером путей сообщения В. А. Берсом. Тогда же была организована конкурсная комиссия, в которую вошли помимо административных начальников ведущие инженеры: Н. А. Белелюбский, С. К. Куницкий, Г. Н. Соловьев, Н. Н. Митинский, В. Е. Тимонов; от Академии художеств – архитектор А. Н. Померанцев.

В 1901 году был объявлен конкурс на создание проекта Дворцового постоянного моста и опубликованы технические условия для составления эскизных проектов. В первые два года в конкурсную комиссию было подано 27 проектов, из которых 13 – от петербургских специалистов. Но ни один из них не удовлетворил комиссию. Конкурс продлили до мая 1904 года. Было предложено еще 19 проектов. Авторы их учитывали неудачные моменты первого тура и отдавали предпочтение устройству разводного пролета на середине моста и езде по верху; уделяли большое внимание архитектурному убранству. На этот раз из всех рассмотренных вариантов комиссия признала наиболее удовлетворяющим требованиям проект Общества «Батиньоль» (по проекту которого строился Троицкий мост). Общество запросило за все строение 5 100 000 рублей. На постройку моста Министерство финансов дало только в 3 500 000 рублей, т. е. требовалось согласие Городской думы на специальный заем в размере 1 600 000 рублей. Согласие на это было получено. Но политические и военные события того времени (Русско-японская война; революция 1905–1907 годов) прервали работу по сооружению каких-либо крупных объектов. К проблемам строительства вернулись лишь в 1908 году. Государственная дума утвердила новые технические условия для составления проекта постоянного Дворцового моста, отменив свое

постановление от 2 июня 1904 года, ограничивавшее поступление новых проектов, и назначила новый срок подачи заявок – до конца 1908 года. В 1908 году инженер путей сообщения Андрей Павлович Пшеницкий представил в конкурсную комиссию два проекта Дворцового моста, выступив от Общества Коломенского металлического завода. Один проект – для пятипролетного моста, второй – для шестипролетного. Проекту пятипролетного моста суждено было осуществиться, но этому предшествовало немало затруднений.

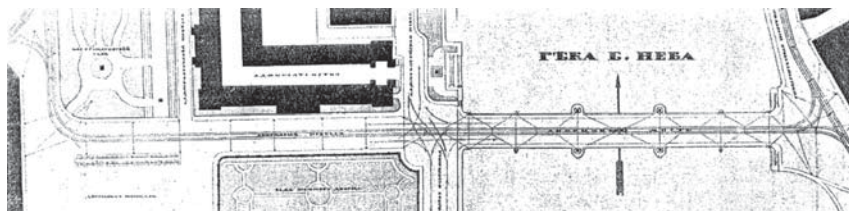
А. П. Пшеницкий разработал только инженерную часть проекта, архитектурную часть лишь ориентировочно наметил художник-архитектор высочайшего двора Роман Федорович Мельцер.

На рисунке с продольным разрезом моста, показанном при докладе А. П. Пшеницкого в Императорском обществе архитекторов, архитектурное убранство моста представлено весьма условно.

В последующие годы этими авторами продолжалась доработка совместного проекта Дворцового моста. По-прежнему соперничали с ними авторы других проектов, особенно в отношении архитектурной стороны строения. Например, комиссия рассматривала проекты, представленные правлениями обществ Коломенского, Путиловских, Сормовских заводов; архитектором Императорского двора А. Н. Бенуа, при сотрудничестве с архитектором М. М. Перетятковичем – от Санкт-Петербургского

металлического завода; проект под девизом «In corpore». Не отступало от борьбы и Общество «Батиньоль». Наконец 20 мая 1909 года Городская дума, рассмотрев доклад Городской управы «О результатах состязания на постройку Дворцового моста», постановила: «1. Сдать работы по представленному им проекту шестипролетного моста, на объявленных в докладе Городской управы условиях, за оптовую сумму в 3 990 000 рублей. 2. Представить Городской управе разработать, при участии финансовой и юридической комиссий, согласно приложенных к докладу основных положений, подробности договора на эту постройку и, по утверждении этого договора господином министром внутренних дел, заключить договор с правлением Общества Коломенского завода. 3. Включить в схему будущего городского облигационного займа недостающие на постройку этого моста 1 300 000 рублей. Весь кредит, открытый на эту постройку, равнялся 4 757 000 рублей». Но распоряжения Городской думы было недостаточно для передачи проекта в дело. Требовалось пройти еще ряд ступеней утверждения и заручиться согласием государя.

31 мая 1910 года городской голова получил сообщение от санкт-петербургского градоначальника о том, что «на всеподданнейшем докладе господина министра внутренних дел относительно ходатайства об утверждении проекта фасада предполагаемого к постройке Дворцового моста его император-

Эскизный проект внешнего вида Дворцового моста.
Худ.-арх. Р. Ф. Мельцер (Зодчий. 1915. № 46)

скому величеству угодно было начертать: «Представить мне проект фасада пятипролетного моста». Последовали дополнительные обсуждения вариантов шести- и пятипролетного моста с точки зрения финансовых затрат и общего вида его. Снова оживилась конкуренция среди авторов проектов, а комиссия снова рассматривала дела.

23 июня 1910 года Городская дума, обсудив новый доклад Городской управы, постановила: «1. Одобрить проект пятипролетного моста Общества Коломенского завода и поручить господину городскому голове представить фасад моста, в установленном порядке, на высочайшее его императорское величества благовоззрение и 2. В случае высочайшего одобрения означенного фасада, поручить Городской управе заключить с правлением Общества Коломенского завода самый договор на постройку означенного моста на основаниях, одобренных Городской думой и утвержденных господином министром внутренних дел для шестипролетного моста, на сумму всего 4 400 000 рублей». Второй пункт этого постановления – о заключении договора с Коломенским заводом – очень усложнил ход событий. Высочайшее одобрение проекта как обязательное условие для договора могло состояться только при предварительном одобрении Думой и утверждении министра внутренних дел, а этим утверждениям должно предшествовать принятие Городской управой, а изначально – Экспертной комиссией. Экспертная комиссия не принимала вариант оформления моста архитектора высочайшего двора Р. Ф. Мельцера. Государь император требовал, чтобы фасад моста был представлен «с подробно разработанными архитектурными украшениями».

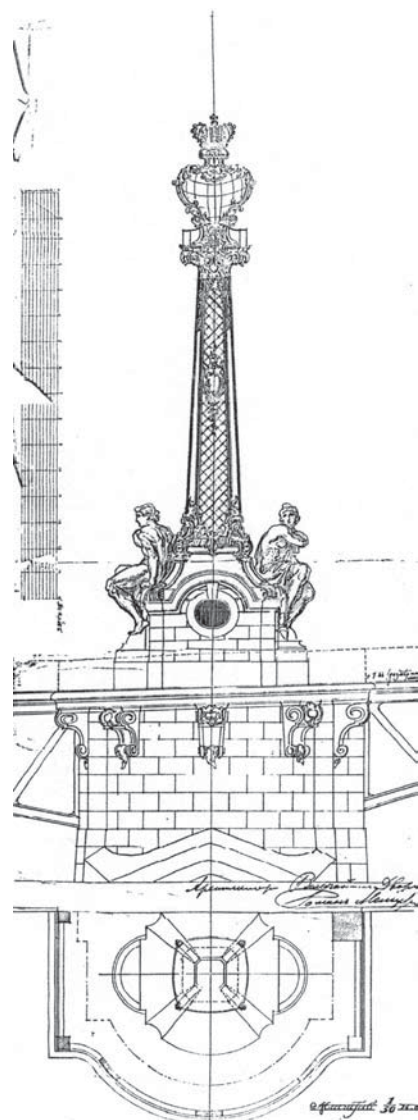
9 августа 1910 года городской голова препроводил градоначальнику «для поднесения на высочайшее благовоззрение» переработанный Р. Ф. Мельцером фасад пятипролетного моста Общества Коломенского завода. На всеподданнейшем докладе градоначальника Николаем II было начертано: «Одобрено. В Царском селе, января 15 дня 1911 года». На подлинном чертеже с общим видом моста, передан-

ном для исполнения на Коломенский завод, поставлена дата «25 октября 1911 года» и резолюция: «Найден соответственным удовлетворительным».

12 февраля 1911 года был заключен договор о строительстве Дворцового моста между Городской управой Санкт-Петербурга и Коломенским машиностроительным заводом Подмосквья: «Санкт-Петербург, 1911 года, февраля 12 дня. Мы, нижеподписавшиеся, Санкт-Петербургское городское управление в лице Городской управы – с одной стороны, и Общества Коломенского машиностроительного завода – с другой, заключили настоящий договор о нижеследующем: Общество Коломенского завода, на основании сего договора и приложенного к нему утвержденного фасада Дворцового моста, технических условий и одобренного к осуществлению эскизного проекта, принимает на себя производство всех работ по постройке постоянного Дворцового моста через реку Неву и прилегающих к нему съездов, под наблюдением и руководством Городской управы и лиц технического надзора. Все работы должны быть выполнены из русских материалов, русскими рабочими и русскими инженерами; мост должен быть сдан в эксплуатацию 15 октября 1913 года».

К договору был приложен эскиз фасада и план моста, составленный инженером А. П. Пшеницким и художником-архитектором Р. Ф. Мельцером, который был одобрен царем 15 января 1911 года. Но дискуссии по поводу архитектурного оформления моста продолжались, т. к. Экспертная комиссия отвергала мельцеровские большие фонари-башни, предлагаемые для быков № 3 и № 4 разводного пролета. Они поднимались на 14 саженей, воспринимались зримо выше окружающих зданий, включали в себя подъемную машину для людей и имели балкон вокруг фонаря. Основание фонарей украшалось сложной скульптурой.

Очень затрудняло изменение каких-либо архитектурных деталей моста то обстоятельство, что эскизный проект с такими фонарями-башнями 15 января 1911 года был одобрен императором. Требо-

Проект фонарного столба для быков № 3 и 4 разводного пролета. Арх. Р. Ф. Мельцер. 1910 г.

валось вновь получить высочайшее согласие на новый вариант, а это значило, что придется пройти рассмотрение и получить одобрение на всех предшествовавших инстанциях. Потребовались двухлетние очень сложные переговоры и переписка по поводу вариантов осветительных столбов и снабжения электричеством трамваев, которые к тому времени вытеснили конку.

Р. Ф. Мельцера вынудили переработать проект доказательством, что четыре высоких фонаря-башни, помимо нарушения размерной гармонии, не обеспечат равномерное и достаточное освещение моста и вызовут значительные дополнительные расходы. 5 ноября 1912 года в договоре с Городской упра-

вой Р. Ф. Мельцер назначил сроки исполнения исправленных проектов, чертежей, смет, а Городская управа назначила сроки и суммы выплаты ему гонорара за уже сделанную до заключения договора работу и за возлагаемые на него обязанности до полного окончания постройки моста (общей суммой 55 216 рублей).

6 февраля 1914 года член Петроградской городской управы, заведующий делом надзора за постройкой Дворцового моста сообщил Р. Ф. Мельцеру о необходимости в трехмесячный срок выполнить и представить проект моста (с чертежами) по варианту № 5, предложенному Экспертной комиссией. На больших быках предполагалось поставить такие же фонари, как и на малых. Кроме того, показать способ подвески трамвайных проводов на эти же фонари.

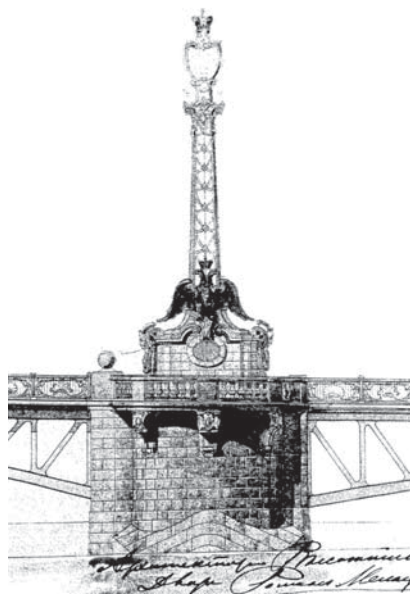
Ссылались на то, что такие фонари были показаны на проекте и «были предложены согласно высочайше одобренному проекту». Р. Ф. Мельцер категорически возражал против установки малых фонарей на толстые быки, как «совершенно неудовлетворительные в художественном отношении, потому что большие, широкие быки обязательно требуют более монументальных масс». Тем не менее им был составлен проект на вариант № 5, но было составлено еще два варианта и один эскиз большого, монументального фонаря, конструкцию и украшение которого он значительно упростил. В эскизном проекте варианта № 3 упрощенного большого фонаря скульптурные фигуры у четырех фонарей он заменил четырьмя чеканными золочеными орлами, обращенными к воде. Орнаменты под полотном моста были исключены, кроме средних пролетов. Чугунная решетка (вместо кованой) на закруглениях у фонарей была заменена каменными балюстрадами.

Для подвески проводов Р. Ф. Мельцер разработал особый способ, прикрепляя их к большим и малым фонарям, поставленным на быках и береговых устоях. Экспертная комиссия большинством голосов согласилась принять вариант № 3 архитектурного оформления моста Р. Ф. Мельцера. В заключении Общего присутствия Го-

родской управы от 24 февраля 1915 года сказано: «Рассмотрев настоящее дело и соглашаясь с заключением Экспертной комиссии о том, что и в архитектурном отношении, и в смысле экономичности, наиболее предпочтительным является вариант № 3, Общее присутствие предлагает, со своей стороны, остановиться на этом варианте, с доассигнованием требующихся 119 880 рублей, каковые отнести на IX облигационный заем, с временным заимствованием означенной суммы, с разрешения министра внутренних дел, из кассовой наличности VIII облигационного займа».

Строительство же моста началось еще в конце 1911 года по проекту инженера путей сообщения А. П. Пшеницкого, разработавшего всю техническую сторону сооружения, а архитектурная часть дорабатывалась архитектором высочайшего двора Р. Ф. Мельцером до 1915 года, пока, наконец, ни договорились остановиться на компромиссном варианте: на опорах разводного пролета установить фонари не столь грандиозные, как прежде, но и не такие, как на малых быках, а среднего размера, около 10 саженей высоты, и без скульптурного оформления.

Литые чугунные арки, изготовленные на заводе Подмосковья, прибывали водным путем и устанавливались на месте по створу моста.

Проект упрощенного фонаря для Дворцового моста арх. Р. Ф. Мельцера. 1913 г.

Установленный срок окончания строительства моста (ноябрь 1913 года) выдержать было невозможно по многим причинам (более позднее начало работ, задержка в поставке металла для арок и затруднения с доставкой готовых арок, затянувшееся решение архитектурных вопросов). Начавшаяся Первая мировая война вовсе затормозила строительство. Лишь к концу 1916 года была готова вся инженерная конструкция моста по проекту А. П. Пшеницкого. Архитектурное оформление моста даже не начиналось. Но город крайне нуждался в надежной связи двух берегов Невы в центральной части, поэтому на заседании Городской думы в октябре 1916 года решено было открыть Дворцовый мост для прохода и проезда в недостроенном виде, соорудив «временные» деревянные перила и поставив стандартные чугунные столбы для навешивания фонарей и проводов для трамвая.

17 декабря 1916 года было произведено испытание моста на прочность: 34 грузовых автомобиля, каждый из которых с грузом имел массу более 600 пудов, одновременно въехали на мост, заняв все его пролеты. Результат был благополучный. 23 декабря 1916 года Дворцовый мост открыли. Торжество было скромным, не было представителей царской фамилии. Обстановка в стране была напряженная: неудачная война, убийство Распутина, смута в разных слоях населения. Приглашенных прибыло очень мало, не пришел даже городской голова господин Делянов; ленточку разрезал его заместитель господин Демкин. Не было восторженных отзывов ни у присутствующих, ни в прессе.

Дворцовый мост создавался в крайне неблагоприятных условиях для строительства такого сложного и дорогостоящего объекта в городе, поэтому неизбежными оказались недоделки или отклонения от исполнительного проекта. Так, не выполненная гидроизоляция при кладке опор разводного устройства и применение неустойчивого к размыванию парланд-цемента стали причиной просачивания речной воды в колодцы, куда опускались противовесы при подъеме разводных крыльев моста. Со вре-

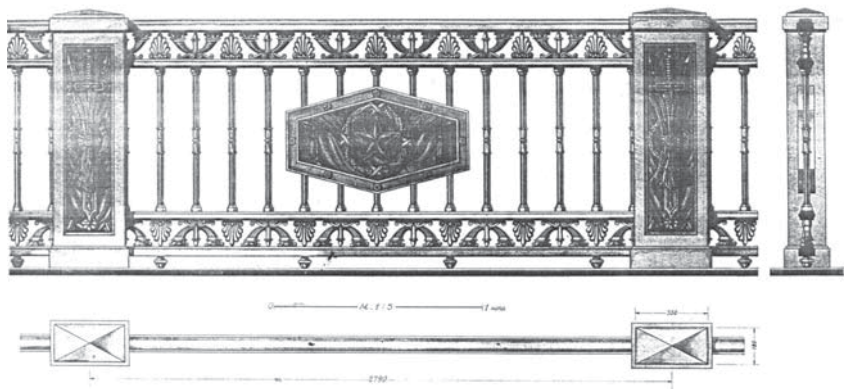
менем заполнение колодцев водой усиливалось, так что приходилось постоянно прибегать к откачивающим насосам. Фильтрация воды особенно усилилась в связи с разрушением опор разорвавшейся вблизи моста авиабомбы в январе 1943 года.

Вскоре после начала эксплуатации моста выявилась непрочность деревянного настила на мосту. Приходилось ежегодно проводить ремонтные работы, пока не стали постепенно менять дерево на асфальтобетон. Обнаружились смещение береговых устоев и деформация отдельных частей моста.

Требовалась доработка в конструкции моста, устранение дефектов и изменение внешнего вида. Созданный в сентябре 1939 года Архитектурно-строительный экспертный совет (АСЭС), в составе архитекторов Н. А. Баранова, Д. Л. Кричевского, Б. Рубаненко, предложил обязательные условия при составлении проектов реконструкции Дворцового моста (с 1920 года называвшегося Республиканским). На первом этапе преобразований по проектам «Ленмостотреста» предусматривались смена ограждения, замена фонарных столбов и светильников, перестройка павильонов управления разводкой. В 1940 году начали менять деревянные перила на чугунные, отлитые по проекту архитектора Л. А. Носкова и скульптора И. В. Крестовского. В 1941 году продолжали монтаж чугунных решеток. В военные и первые послевоенные годы была возможность делать только самое необходимое, чтобы поддержать мост в рабочем состоянии. В последующие годы, вплоть до конца XX века, постепенно исполнялась программа по улучшению состояния Дворцового моста, разработанная группой экспериментального исследования мостов НИСа ЛИИЖТа, включавшая следующие первоственные работы:

переустройство гидроизоляции моста (чтобы избежать фильтрации речной воды в колодцы опор и защитить металлические части от коррозии);

устранение деформации отдельных частей моста и береговых устоев и укрепление их сочленений;

Проект чугунной решетки Дворцового моста арх. Л. А. Носкова. 1939 г. Архив «Мостотреста»

реконструкция механизмов разводного устройства;

реконструкция опор разводного пролета;

обновление электрооборудования, в частности, освещения моста, с заменой столбов.

На протяжении всех лет эксплуатации моста в той или иной мере выполнялась работа по этим пунктам. Добавлялась работа по «текущему ремонту» (смена настилов, поребрика, окраски, подсветки, смена рельсов трамвайной линии, а в 1997 году – ликвидация трамвая).

Настало время капитальной реконструкции Дворцового моста, которая включена в генеральный план города и поставлена на очередь после реконструкции моста им. Лейтенанта Шмидта, исполня-

емой в настоящее время. Ряд проектных и научных организаций получил задание на разработку проектов реставрации этого сложнейшего объекта города. Пора позаботиться о воссоздании архитектуры Дворцового моста, подготовленной архитектором высочайшего двора Р. Ф. Мельцером, получившей утверждение Экспертной комиссии 29 декабря 1915 года и одобренной Николаем II, при котором строился мост. Сохранилось достаточно материалов по проекту архитектурного оформления моста, отвечающего задаче сделать Дворцовый мост «не только утилитарно отвечающим нуждам города, но и украшающим центр города и соответствующим красоте вблизи расположенных зданий...», как того требовала конкурсная комиссия 1908 года. ■

Литература

1. В Императорском Петроградском обществе архитекторов // Зодчий. 1915. № 46. С. 469–470.
2. О постройке постоянного Дворцового моста: (Докл. Общ. присутствия Санкт-Петерб. городской управы по отделу особых поручений от 4 декабря 1910 г.) // Известия Санкт-Петерб. гор. думы. 1910. № 44. С. 2204–2230.
3. Архив «Мостотреста». Папка № 40. Фасад пятипролетного моста, утвержденного Государственной думой 23 июня 1919 г. (строительные чертежи). 1911 год.
4. О дополнительном ассигновании кредита на художественно-архитектурное украшение постоянного Дворцового моста и его освещении по проекту, представленному архитектором по постройке моста Р. Ф. Мельцером: (Докл. Общ. присутствия Санкт-Петерб. гор. управы от 4 сент. 1913 г.) // Известия Санкт-Петерб. гор. думы. 1913. № 40. С. 271–294.
5. Об архитектурном проекте Дворцового моста: (Докл. Общ. присутствия Гор. управы по 2-му столу, ч. 11 от 24 февр. 1915 г.) // Известия Санкт-Петерб. гор. думы. 1915. № 23. С. 2335–2348.
6. Второе рождение Дворцового // Строительство и архитектура Ленинграда. 1977. № 10. С. 16–17.

Об авторстве приморской дачи М. И. Воронцова

Посвящаю мужу Виталию Семеновичу,
проработавшему в этом здании 27 лет.

Н. В. Николаева

Если ехать в Петергоф, то на 18-й версте старой Петергофской дороги, что в Сосновой Поляне, на возвышенности увидим прекрасный особняк, характерный для загородных барских усадеб XVIII века, смотрящий своим северным фасадом на Финский залив. Современный адрес: ул. Чекистов, 13. Это господский дом вице-канцлера, а затем и канцлера при дворе Елизаветы Петровны Михаила Илларионовича Воронцова. На здании висит памятная доска об охране его государством как памятника архитектуры XVIII века, созданного архитектором Антонио Ринальди. Однако в некоторых источниках звучит имя архитектора Джузеппе Трезини как автора Новознаменской дачи. Именно так она стала называться к середине XIX века последними частными владельцами Мятлевыми в память о проданной ими в 1835 году Николаю I Знаменке близ Петергофа.

Так кто все же является автором этой приморской дачи одного из лучших представителей старинного дворянского рода? Обратимся к историческим документам. Мысленно уберем восточные и западные пристройки-веранды уже 70–80-х годов XIX века, ухудшившие общий вид здания.

В начале 1750-х годов М. И. Воронцов, занимая блестящее место при дворе и сетуя, что «чин и должность по-министерски, а не по-философски жить заставляют», начал одновременно строить дворец в Петербурге (Садовая ул., 26, арх. Растрелли) и приморскую дачу на 18-й версте по Петергофской дороге, на месте обветшалого поместья действительного камергера Ф. А. Апраксина. Первым архитектором этого строительства стал Карло Джузеппе Трезини, зять Доменико Трезини, женатый на его младшей дочери.

Северный фасад дома М. И. Воронцова.
Фото Т. Н. Ладыгиной. 1999 г.

Судя по переписке М. И. Воронцова с его «домашним архитектором», это происходило в 1752 году¹. В 1753 году в письме от 19 апреля М. И. Воронцов велел ему провести некоторые работы по прорубке «перспектив» на даче: «...как и прошлого года я сделать быть намерен». Дачу огородили забором и решетками, построили ледник, погреб. В письме от 29 марта 1753 года Дж. Трезини сообщил М. И. Воронцову: «...вчерашний день я нанял на приморском дворе плотников 15 человек строить ледник». Были устроены огород, скотный двор, расчищен лес для сенокоса, прорублены и обсажены ивняком «перспективы», построены мосты, в пруды запущена рыба. 31 января 1754 года Дж. Трезини сообщил М. И. Воронцову о перевозке камня и извести из Пудости «в прибавку на строение палат на приморском дворе», а также о том, что «*чертежи палатам станем де-*

лать». Об этом было написано в начале года, а весь 1754 год Дж. Трезини еще работал у М. И. Воронцова и, очевидно, занимался уже и чертежами.

Так или иначе, но М. И. Воронцов, видимо, остался недоволен работой Дж. Трезини к 1755 году, когда тот подал в отставку «в связи с нетактичным вмешательством в частную жизнь», о чем свидетельствует ответ М. И. Воронцова графу К. Разумовскому в Малороссию, в г. Глухов, на просьбу прислать Дж. Трезини к нему: «Трезини я не говорил и не нахожу его за довольно способного для произведения хороших строений»². Письмо датировано 8 мая 1757 года.

С 1755 года у М. И. Воронцова работал А. Ринальди. 24 июня 1755 года Ф. Д. Бехтеев, домашний человек, писал М. И. Воронцову: «*Ринальди плана еще не окончил, а обещал оной вскоре изготовить*»³. В 1755–1757 годы были построены господский дом, флигеля, слу-

жебные корпуса, декоративные и утилитарные строения.

В интерьерах здания ясно просматривается рука мастера, особенно в «китайской» комнате, – всем известен живописный дар Ринальди – вспомним в это же время его работу в Китайском дворце Ораниенбаума. Исполнителями тех работ были архитектор Бартолиати, зять Растрелли, и Венерони – декоратор, которыми М. И. Воронцов остался очень доволен и рекомендовал их К. Разумовскому. 18 сентября 1757 года Анна Карловна Воронцова, в девичестве Скавронская, в письме в Глухов сообщала, что «отправляет его с известными Вам архитекторами Бартилианти и Венерони» и что они не могли раньше по причине «начатого ими нынешнего лета в приморском доме моем строении, до окончания которых не можно было им отсюда отлучиться»⁴. Как видим, осенью 1757 года дом уже был построен.

Господский дом по плану, объемному решению и деталям архитектурного и пластического декора производит двойственное впечатление на некоторых специалистов: «...в нем соседствуют элементы барочной и классической архитектуры, но классическое преобладает»⁵. Трехэтажное здание, в плане прямоугольное, композиционно симметричное относительно возвышающейся мансардной части в 3 окна. Центральный вход – южный; северный, смотрящий на залив, отличается лишь окнами четвертого, мансардного, этажа – они овальные. Первый этаж оформлен наиболее просто и строго, горизонтальная тяга отделяет его от второго и третьего этажей; углы и простенки в центральной части фасада украшены широкими филеками с гладкими полями. Наличники же первого и второго этажей украшены замковыми камнями. В центральной части фасада над полуовальными окнами карниз повторяет сложный рисунок верхней части их наличников, образуя красивую волнистую поверхность. В оформлении фасада была использована плоскостная обработка стен с едва выступающими архитектурными элементами – это и пилястры тосканского ордера, и лепные украшения.

Так кто же автор: Джузеппе Трезини или Антонио Ринальди?

Сторонники авторства Дж. Трезини полагают, что «трактовка архитектурных деталей совершенно не характерна для Антонио Ринальди»⁶ и что в общем характере и отдельных элементах архитектуры этого здания есть черты, роднящие его с Трехсвятительной церковью на 6-й линии Васильевского острова, д. 11, архитектором которой является Дж. Трезини.

Если сравнить снимки дачи и этой церкви, сделанные примерно в одном ракурсе, то действительно выявится сходство: это и восьми-

гранный стройный вытянутый цилиндр с покатым невысоким куполом, и карниз его, фронтоны входа, пилястры, обрамляющие вход в здание и углы его, форма окон (особенно первого и второго этажей) и их наличники – все говорит об одинаковом почерке автора. Необходимо отметить, что именно восьмигранный, а не шестигранный бельведер венчает эту жемчужину Петергофской дороги, как это указывается обычно в различных изданиях.

Но приморская дача – это устремленное ввысь, высокое, стройное здание с изящными пилястра-

Господский дом М. И. Воронцова с юго-запада.
Фото Т. Н. Ладыгиной. 1999 г.

Церковь Трех Святителей Вселенских

ми, бельведером и с часами в аттике (в первом варианте, до Великой Отечественной войны) – сейчас это слуховое окно – похоже и на почерк А. Ринальди (вспомним Мраморный дворец). Он словно облагородил его. Это уже прекрасный 3-этажный дворец, с возвышающейся мансардной средней частью, завершённый фронтоном с восьмигранным фонарем – бельведером. Кроме того, А. Ринальди выработал свой «канон» соотношений ордерных построений. Декоративная обработка его фасада, рисунки наличников, группировка пилястр характерны для русского зодчества, когда в недрах высокого барокко начал зарождаться классицизм.

Мы помним, что и Дж. Трезини, и А. Ринальди занимались чертежами приморской дачи. Для сторонников авторства А. Ринальди небезынтересно письмо Ванвинтелли, написанное в Казерте 11 марта 1758 года, в котором говорится о том, что одна не названная по имени «русская принцесса», сопровождаемая сестрой кардинала Джюио, очень обрадовалась, что А. Ринальди – ученик Ванвинтелли и один из авторов дворца в Казерте – строит для нее «один сельский дом с парком». Как раз в то время для М. И. Воронцова достраивалась приморская дача, и этой путешественницей могла быть более всего жена канцлера Анна Карловна⁷.

Джузеппе Трезини, как мы помним, подал в отставку в 1755 году, находясь на службе у М. И. Воронцова, «в связи с нетактичным вмешательством в его домашнюю жизнь»⁸. Дело в том, что императрицей Елизаветой Петровной была учреждена комиссия при так называемом Калинкином доме, которая не только боролась с проституцией, но и преследовала всякую «незаконную» связь. На Дж. Трезини был сделан донос, что, пользуясь отсутствием жены, он держит у себя в доме любовницу – немку Шарлотту Харбург с малолетней дочерью и сестрой. Ее хотели арестовать, но он оказал вооруженное сопротивление, и ее как иностранку, не имея возможности посадить в тюрьму, выслали. Но судно, на котором она плыла, погибло, а предьявленный для оплаты счет – своеобразную «страховку» – Дж. Трезини оплатить отказался.

Не является ли это косвенной причиной забвения первого авторства проекта господского дома М. И. Воронцова?

Как бы то ни было, но есть документы, подтверждающие работы по подготовке к строительству и проектированию приморской дачи М. И. Воронцова именно Джузеппе Трезини на начальной стадии. Но само здание в 1755–1757 годах строилось уже под руководством Антонио Ринальди.

И. Э. Грабарь, сторонник авторства проекта А. Ринальди, писал, что «в Ленинграде и окрестностях сохранились несколько памятников Елизаветинской эпохи, авторы которых неизвестны. Приписывать их по стилистическим признакам тому или иному мастеру очень рискованно, и впредь, до какой-нибудь счастливой находки, подтверждающих документов, предпочтительно оставить их анонимными»⁹.

Исходя из этого, наверное, было бы правильнее на памятной доске, установленной у главного входа южного фасада господского дома М. И. Воронцова, указать, кроме имени архитектора А. Ринальди, и его первого архитектора Джузеппе Трезини, установив тем самым историческую справедливость.

После смерти М. И. Воронцова и его дочери жена его Анна Карловна Воронцова разделила имущество, в результате чего дача в 1769 году досталась двум братьям М. И. Воронцова, Роману и Ивану. Найдено объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 19 марта 1770 года (№ 23) о продаже дачи: «Дом в длину 13, а шириной 8 сажень, о 3-х жильях, покрытых железом, в нем 21 покой со всеми удобствами и мебелью». Там же говорится о продаже 10 кресел, обитых кожей золотую с серебром, сказано, что столы дубовые, обои кожаные золотые и серебряные. Это первое упоминание об интерьерах здания.

Сменилось несколько владельцев дачи, из которых более длительное время здесь жила чета Нарышкиных – Александр Львович, обер-камергер и директор всех Императорских театров, и его жена фрейлина Мария Алексеевна, в девичестве Синявина. Именно тогда, с 1803 года, эта дача становится

самой известной и притягательной из-за широты и роскоши приемов. В 1829 году она продается уже Львом Александровичем тайному советнику, директору Ассигнационного банка П. В. Мятлеву и его жене Прасковье Ивановне, в девичестве Салтыковой, унаследовавшей богатство обоих фельдмаршалов. Мятлевым удалось не только сохранить, но и приумножить богатство, славу и популярность усадьбы. О богатстве дворца слагались легенды. Известно, что библиотека насчитывала 18 тысяч томов и располагалась рядом, в Готическом домике.

С 1888 года усадьба, проданная за 300 тысяч рублей уже внуками Мятлевым, стала фактически собственностью города, и в ней находилась больница для душевнобольных. Культурная и художественно-архитектурная общественность была обеспокоена состоянием интерьеров когда-то блиставшей роскошью и изяществом дачи.

В самом господском бывшем доме была проведена перестройка. Чтобы узнать подробнее о состоянии дома, обратимся к докладу техника С. В. Беляева, прочитанному в Императорском обществе архитекторов-художников 15 октября 1915 года¹⁰, из которого известно, что здание, особенно его интерьеры, значительно обветшало и претерпело изменения.

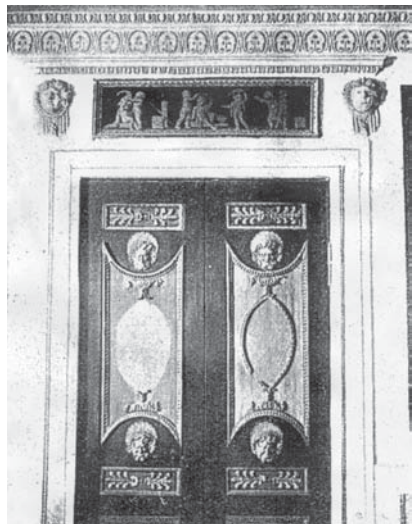
Так, непрременный атрибут входной части здания особнякового характера – трехмаршевая парадная лестница была перестроена в двухмаршевую, отделенную каменной стенкой от вестибюля.

Первый этаж еще сохранил ряд комнат «с разнообразной и весьма любопытной отделкой». Под аптеку были заняты еще отлично сохранившиеся помещения.

Стены во всю высоту были покрыты деревом с тонкой резьбой, сохранился и изящный мраморный камин; оконные притолоки, отделанные деревом, зеркальное панно и лепные плафоны в деревянных кессонах, разбитых в диагональном направлении. В другой стороне здания сохранились три смежных помещения, из которых среднее, ранее малая гостиная, служило бельевой. Эта комната представляла «выдающийся интерес»; в глубине ее сферическая ниша –

альков, декорированная двумя нарядными и высокого художественного достоинства колоннами. Росписи в нише, однако, грозило уничтожение из-за протечек штукатурки свода.

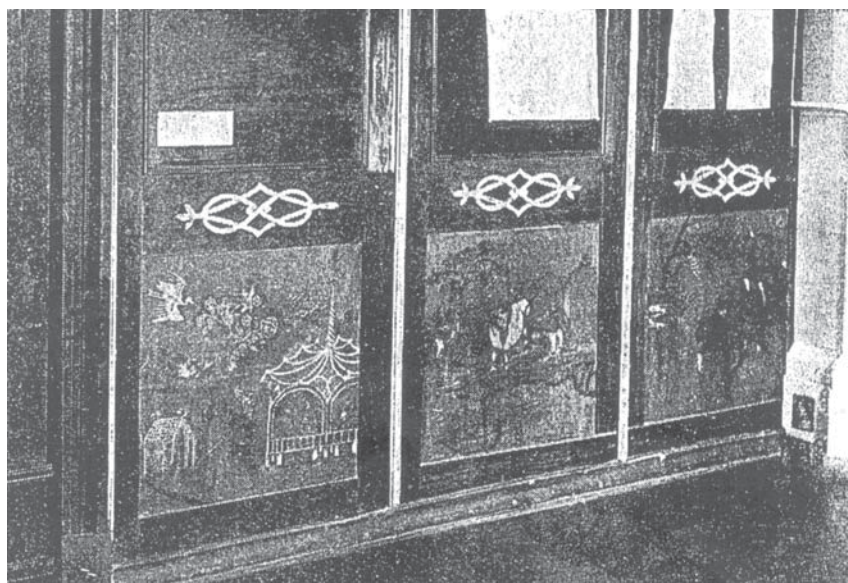
В комнате были изумительные по своей красоте двери, «одна из дверей комнаты находится в музее Старого Петербурга».

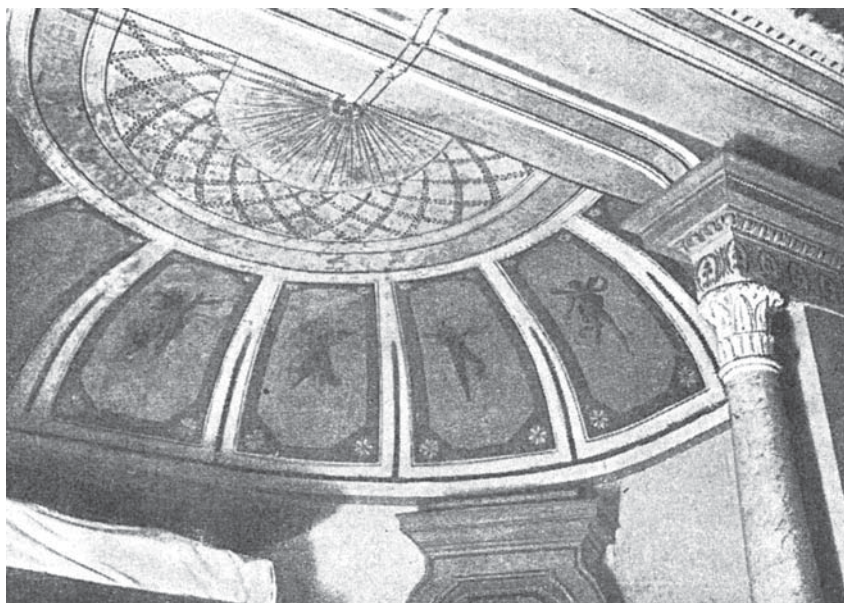
Дверь Малой гостиной.
Фото 1915 г.

С другой стороны к бельевой примыкало помещение, более просто, но изящно отделанное, со стенами из искусственного мрамора, с «деликатной» лепкой.

Рядом с бельевой располагалась китайская комната со стенами, сплошь покрытыми расписными китайскими панно на металлических листах в деревянных рамках.

Китайские панно. Фото 1915 г.

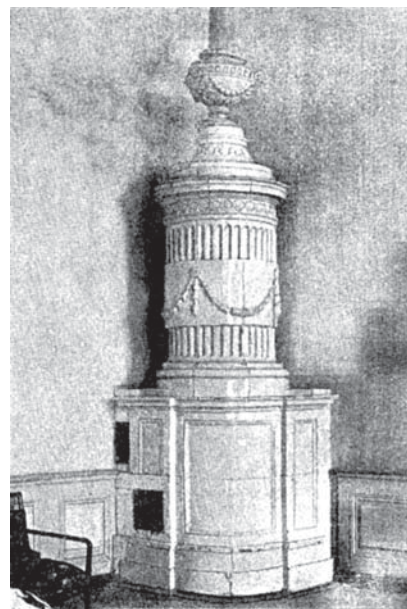
Роспись в нише Малой гостиной. Фото 1915 г.

Здесь наиболее оригинален плафон, где по расписному, изображающему небо фону «расположены причудливого, но смелого рисунка птицы и бабочки, наклеенные на плафон».

Очевидно, это уже грубые подделки более позднего времени.

На третьем этаже располагался двухсветный зал, «сохранивший свою обработку, но, к сожалению, уже в виде, близком к разрушению». Зал перекрыт большим сводом, нарядно и с большим вкусом декорированным.

В том же зале еще сохранялись в хорошем состоянии две круглые печи в стиле Louis XVI.

Круглая кафельная печь
в Главном зале. Фото 1915 г.

Кроме того доклада, было много статей представителей общественности и архитекторов, которые пытались бороться за сохранение интерьеров когда-то блиставшей роскошью и изяществом дачи.

Архитектор В. Шуко в 1911 году писал о том, что это «прямотаки драгоценный памятник старины XVIII в., где чудом уцелели внутренние отделки, даже фресковая живопись, старинные предметы»¹¹, и ходатайствовал о сохранении здания и передаче наиболее ценных вещей в «Музей Старого Петербурга». (Двери экспонирова-

Новый Главный зал. Фото Н. В. Николаевой. 2004 г.

лись на исторической выставке архитектуры как собственность музея.) Публиковались статьи А. Коробова и А. Рославлева с ходатайством, чтобы были изолированы и запгерты наиболее ценные и интересные комнаты – Малая гостиная и Китайская.

Состояние здания во многом зависит от людей, его населяющих. И, конечно, время и разместившаяся в усадьбе после революции колония для несовершеннолетних не могли его улучшить. Не надо думать, что советская общественность не боролась за сохранность здания как памятника архитектуры XVIII века.

Ставший к тому времени уже известным архитектором, В. Щуко представил в Архитектурный музей при Академии художеств в числе чертежей и акварели с плафонов. Перед самой войной был составлен акт и паспорт на охраняемый памятник и решение о производстве полной реставрации – малярный и штукатурный ремонт всех фасадов, капитальный ремонт плитных и мозаичных полов, восстановление росписи, расчистка и реставрация.

Война нанесла зданию невосполнимые потери. Уцелела лишь кладка стен и фундамент. В 1957–1960 годы главное здание бывшей дачи восстановили. Его адрес был ул. Штрамповка, 13. Улица получила такое название от искаженной

фамилии царского генерала Штрадтмана. В 1964 году она была переименована в ул. Чекистов, в честь советских пограничников, мужественно сражавшихся под Ленинградом в годы Великой Отечественной войны¹².

Восстановление господского дома велось по проекту талантливого и вдумчивого реставратора Михаила Михайловича Плотникова (1901–1992) и его учеников¹³. Были смелые планы и по восстановлению интерьеров, но средств и времени было мало.

Приморская историческая дача, дом середины XVIII века канцлера России М. И. Воронцова, в 1960 году получила второе рождение – возродилась из пепла!

В нем долгое время размещались административные службы Всесоюзного научно-исследова-

тельского института автоматизации промышленности строительных материалов «Союзавтоматстром»; там же размещалась одна из кафедр Технологического института им. Ленсовета.

В 1991 году, когда началась перестройка и потекли инвестиции из-за рубежа, первый мэр города А. А. Собчак отдал это здание для детей приезжавших инвесторов. Теперь это лучшая в городе негосударственная школа при Герценовском университете – Международная школа-пансионат, в том числе и для российских детей.

Конечно, интерьеры в доме воссоздать не удалось, но в главном зале висит люстра XIX века, любовно подобранная ГИОПом, есть красивые светильники, шторы на высоких полуовальных окнах, смотрящих на залив.

В 1995 году проводилась экспертиза зданий-памятников на участке территории усадьбы Новознаменка под руководством академика архитектуры Т. А. Славиной. Было признано, что «целостностью обладает лишь «ядро» усадьбы – господский дом М. И. Воронцова. «Готический» дом-буфер между дворцом и корпусом «Автоматстрома» должен быть сохранен по условиям градостроительства».

При этом в заключении был вынесен вердикт: «Историко-ландшафтный комплекс Новознаменки перевести в разряд *местного* значения». Увы, это дает возможности к дальнейшим перепланировкам здания.

Печально смотреть на это здание, воссозданное из пепла почти 50 лет назад и требующее сейчас нового ремонта. ■

¹ Архив князя Воронцова: В 40 т. М., 1874–1890. Т. 4. С. 197, 198.

² Там же. С. 432.

³ Там же. Т. 6. С. 194.

⁴ Там же. Т. 4. С. 436.

⁵ Антонио Ринальди. Л., 1984. С. 160, 161.

⁶ Горбатенко С. Б. Петергофская дорога. СПб., 2002. С. 176.

⁷ Кючарианц Д. А. Антонио Ринальди. Л., 1984. С. 160, 161.

⁸ Корольков М. Я. Архитекты Трезины // Старые годы. 1911. № 4. С. 17–36.

⁹ Грабарь И. Э. История русского искусства. М., 1912. Т. 3. С. 251.

¹⁰ Беляев С. В. Художественная старина Новознаменской дачи // Арх.-худож. ежегодник. 1915. № 33. С. 385–389.

¹¹ Щуко В. Редкое богатство больницы // Старые годы. 1911. С. 58.

¹² Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 1119. Оп. 1. Д. 3197. С. 48–49.

¹³ Зодчие Санкт-Петербурга. XX век.: Сб. СПб., 2000. С. 683.

Аларчинская гимназия

В. В. Антонов

В нынешнем Адмиралтейском районе до революции находились только две мужские классические гимназии: Первая и Пятая. Пятую в просторечии именовали Аларчинской, ибо у самого Аларчина моста она занимала угловой дом по адресу: Екатерингофский пр. (ныне пр. Римского-Корсакова), 73, или Английский пр., 33. В наше время в этом доме размещаются недавно открытые бизнес-центр, кафе «Аларчин мост» и магазин. Даже старожилы не помнят о том, что было в этом доме в течение многих десятилетий.

Активная застройка этой части Малой Коломны началась в середине XVIII века и была в основном деревянной. В 1806 году на месте будущей гимназии стоял деревянный дом генерал-майора Морсочникова, оцененный в 4000 рублей. Соседний дом по проспекту принадлежал его жене, но был каменным, четырехэтажным.

К 1821 году деревянным домом под № 116 владела Мария Петровна Жеванова, жена действительного статского советника. В следующем году «Санкт-Петербургские ведомости» поместили объявление: «У Аларчина моста, в доме генеральши Жевановой, продается цельного красного дерева биллиард с шарами и киями»¹.

В 1824 году на месте деревянного здания появилось «каменное жилое трехэтажное строение», начатое постройкой в 1821 году. Верхний этаж занимала владелица дома. Его оценочная стоимость выросла в пятнадцать раз. Однако уже в 1825 году Жеванова была готова продать свое владение². Ампириный фасад дома, выстроенного по проекту неизвестного архитектора, с той поры изменился, но незначительно. До сих пор над окнами первого этажа можно увидеть лепные женские маски, на закругленном углу – балкон на консолях. Стены двух нижних этажей покрыты дощатым рустом и имеют профильные тяги. Лучковые и прямые сандрики над окнами третьего этажа датируются более поздним временем.

Современное фото

Спустя два десятилетия после постройки дома началась связанная с ним история Аларчинской гимназии. В 1844 году князь Волконский, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, предложил в своей докладной записке: «Полезнее я полагал бы открыть пятую семиклассную гимназию и... назначить ее для одних учеников приходящих. Удобнейшим местом в столице для этого нового заведения признается часть города, называемая Коломною, которая значительно населена служащими и отставными чиновниками и отдалена от других здешних гимназий...». Далее попечитель добавлял: «Дом Жеванова находится в центре Малой и Большой Коломны, так что лучшего местоположения для вновь открываемого заведения найти невозможно».

В новой гимназии Волконский хотел видоизменить традиционный характер классического образования: «усилить преподавание математики и физики и ввести начертательную геометрию, механику, естественную историю всех царств и основания химии, заменив этими предметами изучение латинского и греческого языков». Подобное направление напоминает программу будущих реальных училищ.

Оно было принято, хотя преподавание латыни сохранилось.

29 июня 1845 года император Николай I утвердил штат гимназии «для одних только приходящих учеников и на сей раз ограничить ее четырьмя небольшими классами». Гимназия стала в столице пятой по счету и подчинялась директору училищ Санкт-Петербургской губернии. 2 октября того же года «пред началом учения совершено было молебствие законоучителем сего заведения, который напутствовал учеников наставительным словом». Торжественное открытие отложили до пошива формы и завершения всех приготовлений. Отличительным знаком в одежде новых гимназистов стал желтый кантик на фуражке³.

На обустройство гимназии почетный гражданин Гусев пожертвовал 2500 рублей серебром, казна добавила еще 1650 рублей. Каждый класс, зал совета, библиотека, канцелярия и приемная получили по иконе. Для зала учебного совета художник Коновалов написал большой портрет государя в золоченой раме. Вольное экономическое общество пожертвовало в школьную библиотеку более 100 книг.

В присутствии графа С. С. Уварова, министра народного просвеще-

ния, гимназия 23 ноября 1845 года была торжественно открыта в доме Жеванова, взятом в аренду сроком на пять лет. Годовая плата равнялась 1230 рублям, и граф Д. Н. Шереметев, почетный попечитель, для этой цели предоставил 15 000 рублей. Потратить их на аренду не пришлось, ибо уже через два года, а именно 13 августа 1847-го, дом Жеванова был куплен казной за 43 000 рублей. Прошло еще два года, и архитектор учебного округа И. И. Демин пристроил вдоль двора флигель и тем самым расширил гимназию. Строительство обошлось в 14 616 рублей⁴.

В гимназию принимали детей с 10 лет, умевших по-русски читать и писать и знавших четыре правила арифметики. Обучение было платным – родители платили ежегодно 20 рублей серебром, но «сироты и дети недостаточных родителей» от платы освобождались. Были приняты 112 человек, из них 85 учеников происходили из семей дворян и чиновников. Классы занимали второй этаж, на первом жили служители и торговали две лавки. Уроки продолжались с 9 до 16 часов. Первый штат включал инспектора, законоучителя, четырех старших и двух младших учителей⁵. К ним затем прибавили приходящего врача и классного надзирателя. Детей лютеран обучал Закон Божьему пастор, детей католиков – ксендз.

Табели в течение учебного года получали только успевающие и плохие ученики – «первые в виде награды... последние в виде наказания». Перед Рождеством и Пасхой школьников подвергали полугодовым испытаниям, а в следующий класс они переходили после переводных экзаменов. Из первого приема это удалось только половине учащихся. В конце года отличники и хорошо учившиеся гимназисты награждались книгами и похвальными листами. В 1846 году были введены билеты «с прописанием поведения и успехов», и в каждом классе начали вывешивать особые списки, в которых ученики распределялись согласно успеваемости. Несколько позже были установлены правила поведения учащихся вне стен гимназии. Одно из них требовало «в публичных местах бывать не иначе как с опекунами», то есть со взрослыми⁶.

19 марта 1848 года гимназию посетил Николай I, который, осмотрев ее, отметил, что «ученики имеют веселую и довольную наружность». В

следующем году гимназия стала шестиклассной, через год – семиклассной, то есть сделалась полной, ибо в то время гимназический курс длился семь лет (8-й класс добавлен в 1872 году). Число учащихся постоянно росло: в 1864 году их было 369, в 1894 году – 529 человек, главным образом дети небогатых служащих и отставных чиновников. Росла и плата за обучение: в 1874 году она составляла 50, в 1884 – 60 рублей в год. Бедные платили вдвое меньше. Существовало также несколько именных стипендий, и очень помогало возникшее в 1873 году Общество вспоможения бедным ученикам, которое за первых десять лет работы выплатило им почти 20 000 рублей.

Обучение в Аларчинской гимназии постоянно совершенствовалось. В 1850 году были введены уроки танцев, в 1861-м – гимнастика (то есть физкультура), в 1868 году – греческий язык. В 1889 году начались уроки музыки, но за дополнительную плату. Уроки церковного пения не привились, хотя одно время инспектором гимназии был Д. Н. Соловьев, известный знаток древнерусского пения. Причина заключалась скорее всего в том, что церкви в гимназии почему-то никогда не было. Имелся только молитвенный зал, где стоял киот с иконой «Христос, благословляющий детей» и висели портреты государей. Вероятно, для этого интерьер академик А. В. Снигиревский, гимназический учитель рисования, в 1879 году сделал «проект большой люстры из дерева». Перед уроками в молитвенном зале произносились молитвы Святому Духу и на учение, читалось рядовое Евангелие. Затем ученики пели молитву о Царе и Отечестве. Как во всех учебных заведениях, Закон Божий преподавали священники, большей частью из близлежащих храмов. В 1891–1895 годах законоучителем был о. Георгий Спиридонович Петров, человек талантливейший, позднее соблазнившийся левыми идеями⁷.

Хотя в гимназии упор делался на математику и естественные науки, русский язык не был в пренебрежении. Ему отводились 24–26 часов неделю. Изучался и церковно-славянский язык. Была поставлена задача «Каждого воспитанника должно приучить выражаться по-русски не только без ошибок, но и до некоторой степени с изяществом». Выпускной экзамен по

русскому языку гимназисты должны были сдавать на «четыре» и «пять». Два года (1870–1871) в его преподавании участвовал известный филолог В. И. Срезневский.

В 1849 году начались литературные беседы для старшекласников, которые проходили после уроков два раза в месяц. Один из учеников зачитывал реферат по литературе, который затем обсуждался учениками и педагогами. Лучшие рефераты хранились в особом альбоме. Кроме того, проводились читательские беседы, во время которых читались и объяснялись разные печатные статьи по гуманитарным предметам. В 1855/1856 учебном году состоялось 300 подобных бесед. В 1861 году гимназисты начали ставить школьные спектакли, и эта традиция продолжалась до самой революции. Устраивались также елки, танцевальные вечера, лекции с туманными картинками, то есть с диапозитивами.

Репутация Аларчинской гимназии утвердилась при ее директоре Александре Николаевиче Беляеве, занимавшем эту должность в 1860–1872 годах. Человек, «в высшей степени впечатлительный, нервный, всю жизнь проживший холостяком, он обладал в то же время светлым умом и теплым, отзывчивым сердцем». Строгий порядок, который А. Н. Беляев установил в гимназии, сохранялся и в дальнейшем. Во многом благодаря ему уровень обучения долгие годы не уступал другим средним учебным заведениям столицы. «Эпоха Беляева» стала гимназической легендой⁸.

В 1869 году известный педагог И. И. Паульсон получил разрешение создать в столице первые женские курсы «в объеме среднеучебных заведений». Они начали свою работу 1 апреля того же года в помещении Аларчинской гимназии. Занимались курсистки (их число достигало 300 человек) в учебных классах после окончания школьных уроков, то есть курсы были вечерними. В помещении гимназии они работали до 1875 года, после чего, претерпев несколько преобразований, дали жизнь знаменитым Бестужевским курсам.

Через четверть века после открытия гимназии в ней стало очень тесно. Администрация жаловалась, что классы «по причине тесноты бывают душны и переполнены накожными испарениями». В классах часто зани-

мались до 50 человек. В одном и том же помещении находились актовый и спортивный залы, библиотека и зал учебного совета. Требовалось срочно расширить здание. В 1878–1880 годах по проекту академика А. К. Бруни по Английскому пр., 33, подрядчиком А. Степановым был возведен двухэтажный корпус для квартир директора, инспектора и смотрителя. Вдоль двора, где размещался маленький садик, вырос флигель со спортзалом. Переделке подверглось и главное здание: на фасаде появились новые архитектурные детали, внутри – новая планировка. Были сделаны водяное отопление и вентиляция. В последующие годы перестроек не было, а делались только текущие ремонты⁹.

К сожалению, несмотря на две юбилейные монографии, вышедшие до революции, история Аларчинской гимназии до сих пор изучена плохо. Не существует даже перечня знаменитых выпускников. Это в значительной мере вызвано тем, что в наши дни нет школы, которая могла бы считаться преемницей гимназии, а ее архив осенью 1924 года почти полностью погиб при наводнении.

Одним из первых выпускников гимназии, который приобрел известность, был Вильгельм Петрович Авенариус, автор популярных детских книг. Он учился в 1850–1857 годах и, как его старший брат Михаил, тоже закончивший Пятую гимназию, посвятил себя поначалу естественным наукам, но затем стал крупным чиновником. В 1859 году он дебютировал как автор сборника стихов, но десять лет спустя стал детским писателем, пересказывая русские былины и сказки. Книги Авенариуса были рекомендованы гимназистам для внеклассного чтения. Некоторые из них были переизданы в 1990-е годы.

Из Второй гимназии в Аларчинскую в 1867 году перешел Михаил Нилович Альбов, некогда популярный, но ныне забытый писатель, мастер психологического повествования, предтеча А. П. Чехова. В 1873 году М. Н. Альбов окончил гимназию, поступил в университет, но прервал обучение и добровольцем уехал на русско-турецкую войну. Он долго жил в Полтаве, но умер в Парголово и похоронен на Волковом кладбище.

Соучеником М. Н. Альбова был Семен Афанасьевич Венгер, историк русской литературы и прекрасный библиограф. Его отец был банкиром еврей-

ем, мать – немецкой писательницей. В Пятой гимназии С. А. Венгер учился в 1868–1872 годах, после чего учился в Медико-хирургической академии и университете. Его главные труды – «История русской литературы» и «Критико-биографический словарь русских писателей» в 6 томах – до сих пор не утратили своего значения. Умер ученый в Петрограде в 1920 году¹⁰.

В 1861–1868 годах в гимназии учился Николай Владимирович Султанов, видный архитектор, представитель русского стиля. В Петергофе он возвел Петропавловский собор, в Петербурге – известный дом Мурузи, он на углу Литейного пр. и ул. Пестеля. В 1895–1903 Н. В. Султанов был директором Института гражданских инженеров. Посещал гимназию и другой архитектор – Альберт Николаевич Бенуа, который прославился, однако, прежде всего как отличный акварелист. Он долгие годы возглавлял Общество русских акварелистов.

Одним из самых выдающихся учеников гимназии был композитор Антон Степанович Аренский. Он родился и провел детство в Новгороде и уже в 9 лет стал сочинять музыку. Когда его родители переехали в столицу, мальчика в 1871 году отдали учиться в Пятую гимназию, которую он – в отличие от брата Григория – не окончил, ибо полностью посвятил себя музыке. По окончании консерватории в Петербурге А. С. Аренский долго преподавал в Московской консерватории, где его учениками были С. В. Рахманинов и А. Н. Скрябин. Композитор создал самые разные сочинения: оперы, кантаты, церковные произведения, но его лирический талант полнее всего раскрылся в фортепианных пьесах, романсах и камерной музыке.

Гимназия дала России также двух архиереев Русской православной церкви. В 1881 году ее с золотой медалью окончил Алексей Павлович Храповицкий, в будущем видный богослов Антоний, митрополит Киевский и Галицкий, который с 1921 года руководил Православной церковью в эмиграции. Через десять лет выпускником гимназии стал Валериан Бех. Он поступил на юридический факультет Петербургского университета, но в 1907 году окончил также Московскую духовную академию. В 1921 году с именем Стефан он стал епископом Ижевским, был несколько раз арестован, сидел на Соловках. В 1933 году епископ умер в тюрьме как мученик за веру Христову.

В 1901 году гимназию с золотой медалью окончил Лев Платонович Карсавин, будущий философ, историк и богослов. Карсавины жили неподалеку, на другой стороне Екатерининского канала. Л. П. Карсавин преподавал в университете, после революции эмигрировал, жил и работал в Каунасе. Умер в советском лагере, приняв причастие от католического священника.

На Крюковом канале жила семья Стравинских. Два брата: Анатолий и Вячеслав Стравинские, кузены знаменитого композитора, в конце XIX века завершили свое образование в Аларчинской гимназии.

В 1918 году гимназия была преобразована в 48-ю трудовую школу, которая затем стала средней и действовала до открытия нового школьного здания на пр. Римского-Корсакова, по другую сторону Английского проспекта. Под охрану государства здание исторической гимназии до сих пор не поставлено. ■

¹ Санкт-Петерб. ведомости. 1831. 4 нояб. № 254. Приб. С. 2289.

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 823. Оп. 1. Д. 189. Л. 70; Д. 210. Л. 80; Санкт-Петерб. ведомости. 1825. 23 июня. № 50. 1-е приб. С. 659.

³ Иванов К. А. Пятидесятилетие Санкт-Петербургской Пятой гимназии. СПб., 1896. С. 3, 13, 22.

⁴ Санкт-Петерб. ведомости. 1845. № 155; Радонежский А. Исторический очерк 5-й Санкт-Петербургской гимназии. СПб., 1874. С. 2–7, 19.

⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 24. Д. 102; Иванов К. А. Указ. соч. С. 9–17.

⁶ Иванов К. А. Указ. соч. С. 31–32, 37.

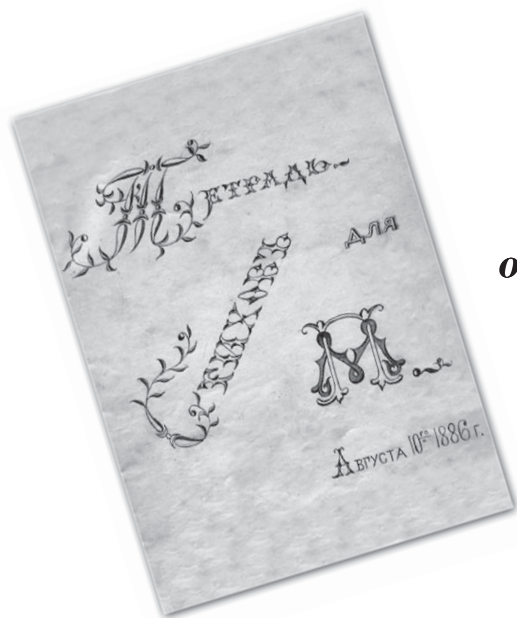
⁷ Там же. С. 43, 58–59; Отчет ИАХ. 1879/80. СПб., 1880. С. 43; Петерб. листок. 1886. № 245.

⁸ Иванов К. А. Указ. соч., С. 45, 92–94.

⁹ Там же. С. 147–150; ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3495; Архитекторы – строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века. СПб., 1996. С. 60.

¹⁰ Русские писатели. 1800–1917. М., 1992. Т. 1. С. 16–17, 53–55, 411–412.

Стихи из синей тетради

О. И. Молкина

Первая страница «Тетради стихов для Марии Поповой». Семейный архив. Публикуется впервые

Иногда среди старых бумаг, которые хранишь только из уважения к их явно почтенному возрасту, вдруг находишь что-нибудь такое, на что смотришь с удивлением: как же раньше-то не замечала? Ведь не однажды приходилось держать в руках этот листок, папку или тетрадь, раздумывая, куда их девать.

И вот я перелистываю синюю ученическую тетрадь, которую столько раз переключивала с места на место, не удосужившись как следует рассмотреть.

На обложке ничего не написано. Белая прямоугольная наклейка посередине потемнела от времени. Но обложка аккуратная, не потрепанная. Сразу можно предположить, что тетрадь принадлежала скорее всего девочке или девушке.

На первой странице красивым витиеватым шрифтом написано: «Тетрадь стихов для...» и большой вензель, состоящий из букв «М» и «П». Ниже дата: «Августа 10-го 1886 г.».

«М. П.», несомненно, означает Мария Попова. Так звали мою прабабушку. В 1886 году ей было 16 лет. Тетрадь исписана полностью. Несколько последних страниц пусты. На других – стихи, большинство из которых не подписаны. Обычная девичья тетрадь. Стихи про страстную любовь, про смерть, про луну. Все как положено в ранней юности во все времена.

Но вот одно стихотворение, название которого несколько не соответствует общему мистическо-романтическому духу записанных в тетрадь «шедевров». Стихотворение это – самое длинное во всей тетради, на целых пять страниц. Оно подписано ничего мне не

Мария Ивановна Попова.
1889 г. Семейный архив.
Публикуется впервые

говорящим именем Л. Трефолев, датировано 9 сентября 1890 года и называется «В старой школе». Не только названием, но и содержанием оно отличается от других. Это любопытный образец складно написанных наивно-иронических стихов в некрасовском стиле на вечную тему об учителях и их несовершенстве. Если учесть, что за год до появления в тетради моей прабабушки этих стихов она получила аттестат об окончании Санкт-Петербургской Коломенской женской гимназии, который давал ей «право, получить, не подвергаясь испытаниям, свидетельство от Министерства народного просвещения на звание домашней учительницы тех предметов, в коих показала хорошие успехи»*, то плоды трефолевского творчества представляются довольно любопытными. В особенности для правнучки, которая, как и ее родители, избрала преподавание своей основной деятельностью.

Прошло 116 лет. Давно нет на свете ни неведомого Трефолева, ни моей прабабушки Марии Ивановны. Но старая тетрадь вдруг заговорила. И мне показалось, что сквозь пожелтевшие страницы на меня смотрят лукавые глаза автора, который подмигивает мне, как будто спрашивая: «Ну что там у вас, в XXI веке, многое ли изменилось?..».

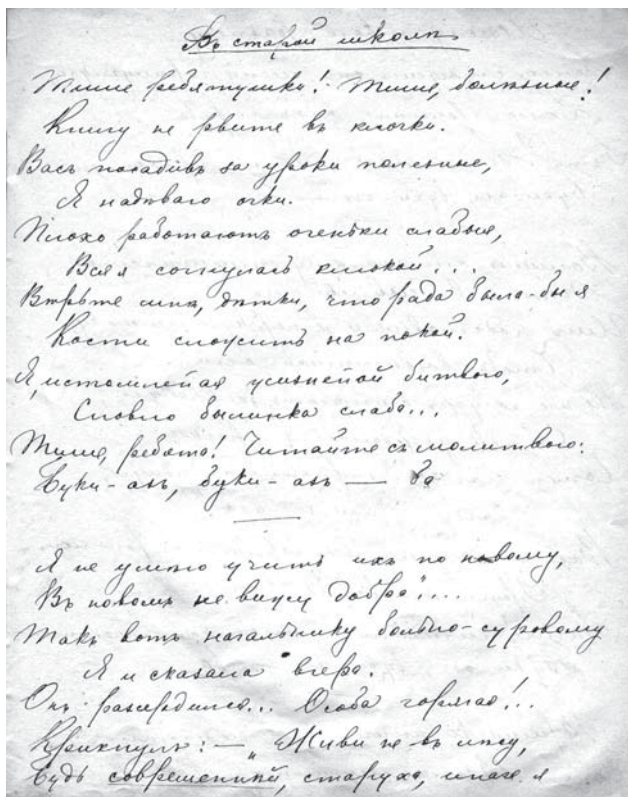
В СТАРОЙ ШКОЛЕ

*Тише, ребятушки! Тише, болезные!
Книгу не рвите в клочки!
Вас посадив за уроки полезные,
Я надеваю очки.
Плохо работают очень слабые,
Вся я согнулась клюкой...
Верьте мне, детки, что рада была бы я
Кости сложить на покой.
Я, истомившись усиленной битвою,
Словно былинка, слаба...
Тише, ребята. Читайте с молитвою:
«Буки-аз, буки-аз – ба!»*

* * *

*«Я не умею учить их по-новому,
В новом не вижу добра...»,
Так вот начальнику больно суровому
Я и сказала вчера.
Он рассердился... Особа горячая!..*

* Аттестат об окончании Коломенской женской гимназии Марией Ивановной Поповой в 1889 году. (Архив автора)

Начало стихотворения «В старой школе»
из «Тетради стихов для Марии Поповой».
Публикуется впервые

Крикнул: «Живи не в лесу!
Будь совершенной, старуха, иначе я
Школу твою разнесу!»
Долго стыдил он меня, горемычную,
Долго гремел, как труба...
Дети, затянем-ка песню привычную:
«Буки-аз, буки-аз – ба».

* * *

Вашим отцам эту самую песенку
Пела я в давние дни.
Им подставляла я первую лесенку,
Чтоб возвышались они.
Нынче ее уж считают за вредную,
С ней дождалась я грозы:
Гонят меня, бесприютную, бедную,
Гонят меня за «азы».
Вас я покину и с горем, и с ропотом,
Кроткая божья раба...
Дети! Читайте за мною хоть шепотом:
«Буки-аз, буки-аз – ба!»

* * *

Времечко нынче такое ненастное,
Вьюга шумит и гудит.
В тучу запряталось солнышко красное
И на людей не глядит...
Солнышко-ведрышко, выглянь в окошечко,
Школу мою освети!
Жалкие деревца, бедные крошечки
Сбились в потемках с пути.

Вянут от стужи зеленые веточки,
Будут плохие хлеба...
Что приуныли, родимые деточки?
Буки-аз, буки-аз – ба.

* * *

– Плачешь ты, бабушка?
– Плачу, голубчики,
Плачу о вас, о себе.
Ваня, Сережа, наденьте тулупчики –
Холодно в нашей избе.
Если дрожите от зимнего холоду,
Это еще не беда.
Хуже, когда заморозят вас смолоду
Люди из снега и льда.
Люди ужасные, люди постылые,
Мрачные, будто гроба.
Слово читайте, ребятушки милые,
Буки-аз, буки-аз – ба!

* * *

Плачу от горести, слабости, хилости,
Но и молось горячо.
Крепко надеюсь, что Бог не без милости
Даст послужить вам еще.
Новый учитель из города явится,
Парень добрейший такой.
Бабушка этому парню представится,
Молвит, рыдая, с тоской:
«Буду служанкой твоей, сторожихой,
Буду с тобой не груба...»
Дети, читайте с молитвою тихою:
«Буки-аз, буки-аз – ба».

* * *

Он не прогонит старуху безродную,
В школе мне даст умереть.
Буду отапливать школу холодную,
Буду на вас я смотреть.
Как вы «по-новому» здесь обучаетесь
В школе мне близкой, родной.
Дети, не плачьте! Зачем вы прощаетесь,
Словно навеки, со мной?
Здесь я умру подневольной служанкою.
Так порешила судьба!
Дети, смотрите, сидит за лежанкою
Буки-аз, буки-аз – ба.

* * *

Просят могилы уставшие косточки.
Жду я последнего дня.
Вы схороните, ребята-подросточки,
С честью великой меня.
Шумно, игриво, толпою веселую
Гроб мой должны вы нести,
Пусть окружусь я свободною школою
И на последнем пути!
Честь и другую мне также окажете,
Если вам бабка люба,
Вы над могилою бабкиной скажете:
«Буки-аз, буки-аз – ба!»

Л. Трефолев
9 сентября 1890 г. ■

«Ленинградское дело». Портрет поколения*

А. П. Смирнов

В октябре 1950 года в Ленинграде и Москве по так называемому «Ленинградскому делу» было расстреляно 26 человек. Еще сотни человек были приговорены к заключению в тюрьмах, лагерях и к ссылке. Историки, телевизионные и газетные журналисты продолжают искать причины фабрикации «Ленинградского дела»¹, потеряв подчас интерес к биографии репрессированных по нему людей. Однако более пристальное внимание к основным этапам их жизненного пути, создание коллективного социокультурного портрета могут продвинуть в понимании как причин фабрикации «дела», так и советской истории 1940-х годов в целом.

Среди политиков, которых сейчас называют «ленинградской группой», не так уж много было коренных жителей города на Неве. Здесь родились Михаил Никитин (1902), Александр Вербицкий (1904), Алексей Бубнов (1906), Таисия Закржевская (1908), Георгий Бадаев (1909). Но большинство горожан не имели питерских корней, поскольку рост города шел в основном за счет миграции. Например, регулярно пополняла численность северной столицы Тверская губерния. Тверяками были Филипп Михеев (1902 г. р.), Яков Капустин (1904 г. р.), Михаил Таиров (1906 г. р.), Илья Харитонов (1903 г. р.). Под Тулой жила семья Вознесенских: Александр (1898 г. р.), Мария (1901 г. р.), Николай (1903 г. р.), Валентина (1905 г. р.). Из Новгородской губернии приехали Михаил Басов (1902 г. р.), Алексей Кузнецов (1905 г. р.).

Чуть ли не все регионы представлены в биографиях репрессированных по «Ленинградскому делу». Уроженцем Владимирской области был Петр Попков (1903 г. р.), Акмолинской – Петр Лазутин (1905 г. р.), Костромской – Николай Соловьев (1903 г. р.), Псковской – Михаил

Партийные руководители Ленинграда и представитель Ставки Верховного главнокомандования Н. Н. Воронов в Смольном. 1943 г. Стоят слева направо: секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) А. Д. Вербицкий, секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Г. Х. Бумагин, редактор газеты «Ленинградская правда» Н. Д. Шумилов, референт А. А. Жданова А. Кузнецов. Сидят слева направо: генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов и второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Я. Ф. Капустин

Сафонов (1903 г. р.), Ивановской – Григорий Бумагин (1904 г. р.), Орловской – Пантелеймон Левин (1911 г. р.), Читинской – Петр Талюш (1902 г. р.), Донбасса – Иосиф Турко (1908 г. р.), Украины – Всеволод Иванов (1912 г. р.) и Петр Кубаткин (1907 г. р.) и т.д.

Прежде основной поток мигрантов в Петербург составляли главным образом крестьяне, стремившиеся найти работу. В 1920–1930-е годы эта тенденция сохранялась. Однако среди приехавших и впоследствии возглавивших Ленинград чуть ли не половина имели рабочее происхождение (Кузнецов, Попков, Турко, Лазутин, Харитонов), так же как и родившиеся в Питере. Впрочем, их, выросших в крестьянских и рабочих

семьях, объединяло то, что зарабатывать на жизнь они начали уже в ранней юности. Будучи зрелыми людьми, имея богатый житейский опыт, они входили в аудитории ленинградских вузов. Ленинград манил их возможностью получить высшее образование, культ которого зарождался во времена ликвидации безграмотности. В эпоху «индустриализации и реконструкции» образованные люди имели больше шансов найти достойное место в жизни.

Конечно, в той когорте выделяются братья и сестры Вознесенские: доктор экономических наук, академик Николай Алексеевич, доктор экономических наук, ректор Ленинградского университета в 1940-е гг. Александр Алексеевич,

* Фотографии из коллекции Государственного музея политической истории России (Санкт-Петербург).

кандидат экономических наук Валентина Алексеевна. Но были и кандидаты исторических наук В. Иванов и С. Аввакумов. Окончили Ленинградский инженерно-экономический институт И. Турко и М. Басов. В Политехническом (тогда Индустриальном) институте получили высшее образование Я. Капустин, П. Талюш, А. Тихонов. Выпускниками Горного института были П. Левин и Т. Закржевская. Среди вузов, из которых вышли будущие руководители Ленинграда, можно назвать Институт инженеров коммунального строительства (П. Попков), Холодильный институт (П. Лазутин), Электротехнический институт им. В. Ульянова (И. Харитонов), Промышленная академия (Г. Бадаев), Всесоюзный коммунистический сельскохозяйственный университет (Н. Соловьев), Институт связи (В. Иванов).

Пожалуй, это было первое поколение правящей элиты города, которое почти в полном составе имело вузовские дипломы. Для сравнения, в 1940 году, когда эти люди уже заняли высокие должности, в Ленинградской партийной организации доля коммунистов с высшим образованием составляла всего 9,8%².

Меньшинство из них пришли во власть так же, как и старшее поколение большевиков, пройдя ступени комсомольской и партийной работы (Кузнецов, Бумагин, Сафо-

нов, Вознесенская). Большинство оказались в политике иным путем, который в 1930-е годы апробировался и лишь после войны стал традиционным.

В то время идеология пронизывала все и вся и накладывала отпечаток на взгляды и жизнь. Естественно, что те люди вступали в ВКП(б), увлекались общественной и партийной работой, желая принять активное участие в строительстве нового государства. Заведующий научно-исследовательским сектором П. Попков, преподаватель политэкономии Н. Соловьев, начальник научно-исследовательского отдела В. Иванов, аспирант П. Левин являлись одновременно секретарями парткомов своих институтов. Завоевав авторитет, они попадали на освобожденную партийную работу.

Другие приходили на руководящие посты в ВКП(б) с производства. Прежде чем возглавить партийную организацию своих заводов, И. Харитонов работал инженером, а Г. Бадаев – на хозяйственной должности. Я. Капустин, до того как стал парторгом ЦК ВКП(б) на Кировском заводе, трудился там и старшим мастером, и заместителем начальника цеха, пройдя даже стажировку в Англии. До партийной работы путь от инженера до начальника отдела на заводе «Большевик» прошел М. Басов, от инженера-геолога до заместителя заведующего отделом

геологии Волгобалтстроя Гипроречтранс – Т. Закржевская, от инженера до главного инженера кабельной сети «Ленэнерго» – П. Талюш, от инженера-экономиста до директора завода «Пролетарий» – И. Турко. Некоторые и не хотели уходить с предприятий. Однако партийная дисциплина, жестко усвоенная ими в период разгрома внутрипартийной оппозиции, не позволяла отказаться от назначения на руководящую партийную или советскую работу.

Массовые аресты партийных и хозяйственных работников, начавшиеся в Ленинграде после убийства С. М. Кирова, привели к острой нехватке кадров на всех уровнях партийно-государственной работы. В небытие, лагеря и тюрьмы ушло прежнее поколение политиков – «старые большевики», солидные, немолодые, делавшие революцию и побеждавшие в Гражданской войне. Слишком упрощенными и надуманными представляются утверждения, будто на смену ленинской гвардии шла «волна рвавшихся к власти и выгодным постам нахрапистых карьеристов и мещан»³.

Освободившиеся вакансии занимала молодежь, которая отличалась и образованием, и опытом управления большими коллективами. Конечно, они участвовали в собраниях и митингах, на которых осуждались и проклинались «враги народа». Однако по своей должности лишь А. Кузнецов с 1938 года мог непосредственно участвовать в проведении террора, да и то не как организатор, а как исполнитель. Карьерное продвижение в то время несло в себе риск и опасность, приходилось беспокоиться за свою судьбу.

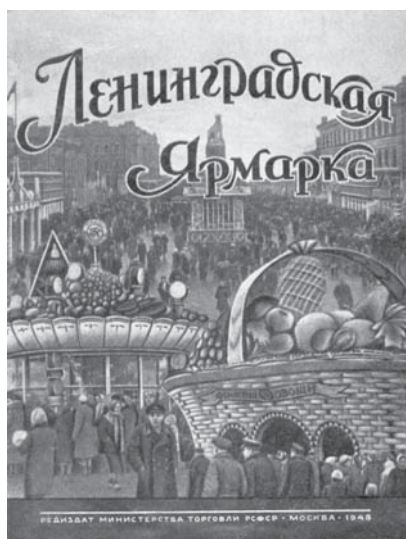
В 1937 году М. Вознесенская была арестована «как участница контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации» и сослана вместе мужем и малолетними детьми в Красноярский край. Благодаря Н. Вознесенскому и А. Жданову спустя полтора года ссылка была отменена. В связи с арестом сестры Марии «за притупление большевистской бдительности» А. Вознесенскому в феврале 1938 года был объявлен строгий выговор, а в декабре «за нереагирование на контрреволюционные

Председатель исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся П. С. Попков (второй справа) и первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Кузнецов (первый справа) на трибуне на Дворцовой площади. 1945 г.

письма бывшей жены» над ним нависла угроза увольнения с работы. Только бюро Ленинградского горкома во главе с А. Кузнецовым взяло его под защиту и сняло партийные взыскания. М. Сафонов, будущим вторым секретарем Кингисеппского окружкома ВКП(б), в 1937 году был обвинен во вредительстве, что означало скорый арест. Но бюро Ленинградского обкома признало обвинения клеветническими. В 1937 году на Я. Капустина было заведено «дело» за мнимое вредительство, его исключили из партии. Обращение старых путловских рабочих к А. А. Жданову отвело от Я. Капустина нависшую угрозу. В 1938 году Фрунзенский райком ВКП(б) разбирал донос на секретаря парткома Химико-технологического института А. Вербицкого. Ему все же удалось доказать, что он не сын белогвардейского офицера, погибшего в боях против Красной армии. В предъявленном в 1950 году обвинении В. Галкину говорилось, что в 1938 году «как троцкист» он был исключен из ВКП(б), но «с помощью Кузнецова снова пролез в партию».

Когда началась Великая Отечественная война, судьба Ленинграда во многом зависела от них. Во главе районов стояли Бадаев, Бубнов, Левин, Закржевская, Турко, Харитонов, во главе города и области – Кузнецов, Капустин, Попков, Соловьев, Лазутин, Басов, Вербицкий, Талюш. Они решали вопросы мобилизации в ряды Красной армии, строительства оборонительных укреплений, эвакуации предприятий и населения в глубь страны, формирования отрядов народного ополчения, перестройки промышленности на военный лад. Конечно, цена победы в Ленинграде была непомерно велика. Но упреки в адрес руководства, что оно не подготовило город к длительной осаде, вряд ли правомерны. Воспитанные в духе сталинской пропаганды о войне малой кровью на территории агрессора, они и в страшном сне не могли предвидеть блокаду. Их заслуга в том, что в час трагического прозрения, осознания лживости предвоенных лозунгов⁴, они не поддались разочарованию, не отступились, а взяли на себя организацию обороны Ленинграда и победили.

Обложка брошюры о проведении четвертой Ленинградской осенней ярмарки

В блокаду с этим поколением произошла серьезная метаморфоза. Военные неудачи заставили многих пересмотреть свой духовный багаж, и даже мировоззрение. В годы блокады они пришли к пониманию не только промышленной значимости, но и культурной уникальности города на Неве. Прежде вряд ли это поколение осознавало всю ценность петербургской культуры. Исторический материализм требовал отдавать приоритет экономике и пренебрегать духовной сферой. Кроме того, для приезжих из других регионов и уроженцев питерских рабочих районов культура в немалой степени отождествлялась с представителями бывших господствующих классов.

«Опыт жизни в блокадном городе, опыт выживания, опыт взаимопомощи, оборона и восстановление города – весь тот опыт социального единения способствовал осознанию и созданию единой региональной идентичности ленинградцев»⁵. Лишь сломав социальные барьеры внутри Ленинграда, можно было одолеть врага у стен города. А с другой стороны, революционная фразеология обнаружила пропагандистскую неэффективность, приходилось искать другие слова и аргументы из арсенала прошлого. При создании журнала «Ленинград» ставилась задача «рассказывать защитникам Ленинграда, воинам фронта о том, какой город они защищают», «раскрывать ве-

личие и значение города русской славы, огромного культурного и экономического центра страны». В годы войны ленинградские руководители учились словам любви к городу и Родине, к русской истории и культуре.

В конце войны любовь к родному городу пропагандировалась из Москвы по всей стране⁶. Но в Ленинграде городской патриотизм имел более плодородную почву и стал ядром региональной идентичности. В марте 1944 года, выступая на V сессии Верховного совета РСФСР, председатель исполкома Ленинградского горсовета депутатов трудящихся П. Попков говорил: «Мы залечим раны города, сделаем его еще прекраснее, еще могущественнее. Ленинград засверкает всеми своими гранями, как драгоценный бриллиант, среди русских, советских городов»⁷. Русской Тролей называл город А. Кузнецов и призывал жителей гордиться им и беречь. «Это – город, положивший начало расцвету и развитию отечественной науки и культуры... город Ломоносова, Менделеева, Павлова, Попова, Суворова, Кутузова, Чернышевского, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Чайковского, Глинки и многих других корифеев»⁸.

Из Москвы шла пропаганда идеей о «великом русском народе» и о РСФСР как «руководящей силе Советского Союза», «самой обширной и самой могучей экономически и культурно из всех советских республик»⁹. В условиях, когда сам И. В. Сталин говорил о «выдающейся русской нации», естественно, что в Ленинграде возникала мысль поднять статус города и Российской Федерации. В первую годовщину окончательного снятия блокады секретарь Ленинградской партийной организации А. Кузнецов в газете «Правда» писал: «Ленинград надо восстановить как крупнейший промышленный и культурный центр страны, как *столичный город*»¹⁰. В первой половине 1945 года он не раз называл Ленинград *столичным городом*. Но позже ему, очевидно, пришлось отказать в публичных речах от словосочетания «столичный город». Концовка того же предложения в его выступлениях звучала иначе: «восстановить Ленинград как круп-

нейший промышленный и культурный центр страны, как образцовый социалистический город».

В годы войны в обществе ясно давали знать о себе новые веяния. Правящая верхушка страны не исключала возможности использования опыта НЭПа для восстановления народного хозяйства. Уже с лета 1944 года газета «Ленинградская правда», рупор местной партийной организации, призвала снижать себестоимость, укреплять хозрасчет. На страницах газеты с экономическими разъяснениями выступали такие ученые, как, например, декан экономического факультета ЛГУ Виктор Рейхардт. Большой интерес у читателей вызвала его статья «Хозрасчет, себестоимость, цена и прибыль в социалистическом хозяйстве»¹¹. (В 1949 году он погиб на допросах у следователя, став первой жертвой «Ленинградского дела».) Пленум Ленинградского горкома в июле 1945 года принял решение о необходимости «внедрения и укрепления хозяйственного расчета повсеместно, широким фронтом» и призвал коммунистов глубже изучать экономику.

Сформировавшиеся новые качества у ленинградцев могли пригодиться и в мирной жизни. Выступая в июле 1945 года, секретарь Ле-

нинградского горкома ВКП(б) Я. Капустин заявлял: «Задачи, стоящие перед ленинградской партийной организацией, перед работниками ленинградской промышленности, очень велики. Справиться с этими задачами могут лишь такие руководители, которые не страшатся трудностей, умеют мобилизовать людей на их преодоление, такие руководители, которые глядят вперед, видят перспективу развития, смело, самостоятельно принимают ответственные решения. Это должны быть прогрессивно настроенные люди, не боящиеся новшеств, а, наоборот, охотно их применяющие»¹².

Передовая «Ленинградской правды» в январе 1945 года отразила и другую тенденцию – настроения в партийных рядах в пользу демократизации политической системы. «Как известно, блокадный период принес в практику партийной организации не только положительный опыт, который нужно сохранять, развивать и дальше. Блокадный период породил и серьезные недостатки в методах работы: это нарушение внутривнутрипартийной демократии, нарушение требований устава ВКП(б), администрирования и т. д.»¹³.

Новой политикой можно назвать и поворот к нуждам людей. А. Кузнецов в июле 1945 года говорил: «В ходе войны для обеспечения победы, указывал товарищ Сталин, советские люди отказывали себе во всем необходимом, шли сознательно на лишения, чтобы дать фронту больше вооружения, обмундирования, продовольствия и т. д. Сейчас положение коренным образом изменилось... Сейчас стоит задача – быстрее восстановить народное хозяйство, улучшить материально-бытовое положение населения. Теперь уже ни чем не вызывается необходимость для трудящихся идти на серьезные материальные лишения. Наоборот, сейчас нужно делать все для того, чтобы население почувствовало – не только духовно, но и материально, – что война закончилась, что нами одержана великая победа... Для того чтобы улучшить материальное положение населения, надо, прежде всего, дать ему больше товаров широкого потребления»¹⁴.

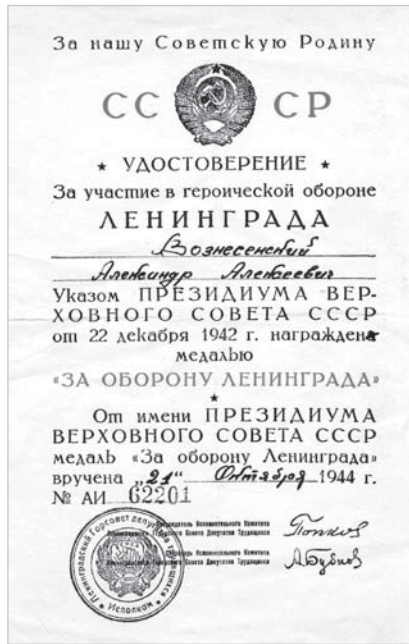
Заголовки передовых статей ленинградских газет 1945–1946

годов «Больше заботы об улучшении бытовых условий трудящихся», «Выпускать больше товаров широкого потребления», «Быстрее восстанавливать жилые дома», «Больше пряжи, тканей, ниток», «Голос советского потребителя», «Усилить темпы жилищного строительства» свидетельствуют о том, какие вопросы стояли на повестке дня у местной власти.

Перемены в Ленинграде отражали новые акценты в политике Кремля. Н. Вознесенский и А. Жданов, возглавлявшие разработку новой редакции Программы и Устава ВКП(б), стремились усилить демократические элементы в советской системе, а в экономике ускорить восстановление и развитие отраслей, связанных с удовлетворением материальных запросов населения¹⁵.

Постановление ЦК ВКП(б) 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград» ударило по стремлению ленинградского руководства к возрождению уникального культурного и индустриального центра и было воспринято очень болезненно¹⁶. Тем не менее оно укладывалось в суть той политики. Как для В. И. Ленина при НЭПе, так и для И. В. Сталина в первые послевоенные годы, допущение самостоятельности в экономике должно было сопровождаться уничтожением любого проявления свободы в духовной и политической сфере. Разнос ленинградской творческой интеллигенции дал импульс усилению идеологической работы и партийного контроля с целью восстановления идейно-политического каркаса системы, давшей в войну трещины.

Тон газет менялся, но продолжалась речь о хозрасчете, себестоимости и инициативе. Передовая статья «За инициативу в хозяйственной работе» давала установку: «В период блокады Ленинграда хозяйственным руководителям приходилось сталкиваться с самыми неожиданными затруднениями, со сложными проблемами, решать которые необходимо было оперативно, незамедлительно. Известно, что ленинградцы в этих условиях, как правило, находили выход из положений, которые прежде казались безвыходными... Проявить инициативу – значит

Удостоверение к медали «За оборону Ленинграда» ректора Ленинградского университета А. А. Вознесенского

сделать больше, чем предусмотрено заданием, выйти за пределы обязательного, сказать свое самостоятельное слово... Партийные организации должны воспитывать инициативу в каждом хозяйственном руководителе, в каждом командире производства и требовать у них смелости, самостоятельности, творческого подхода к решениям всех вопросов практической работы»¹⁷. С яркой речью на Общегородском совещании экономистов выступил В. Рейхардт: «Теоретическая робость, боязнь взять на себя ответственность при решении той или иной современной проблемы... – основной порок. Отсюда начетничество, подмена серьезного исследования подбором всем известных цитат... Необходимо повести суровую борьбу с так называемыми молчаливниками. Из боязни как бы чего не вышло – они либо ничего не пишут, либо занимаются отвлеченными историческими исследованиями»¹⁸.

Правда, уже в 1947 году слова «хозрасчет», «прибыль» исчезли с газетных страниц, нарастала словесная трескотня о готовности советского человека принести любую жертву, преодолеть любые трудности во имя отчизны, о самоотверженности, энтузиазме, о социалистическом соревновании. В условиях начавшейся холодной войны И. В. Сталин отбросил лозунги о хозрасчете и заботе о нуждах простых людей.

Однако, наверное, ему требовались управленцы, способные использовать ограниченные ресурсы разрушенной страны как для восстановления в быстрые сроки народного хозяйства, так и для жесткого противостояния СССР западным державам. Еще с 1944 года в регионы направлялись ленинградские кадры с уникальным «блокадным» опытом. После того как А. Кузнецов стал секретарем ЦК ВКП(б), начальником Управления ЦК по кадрам, эта политика приобрела более зримые черты.

Председатель Ленинградского облисполкома Н. Соловьев был назначен первым секретарем Крымского обкома ВКП(б). Секретари Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) работали первыми секретарями Новгородского обкома (Г. Бумагин), Псковского обко-

Единственный в стране мемориал жертвам «Ленинградского дела» на кладбище Донского монастыря, где были захоронены останки расстрелянных в Москве 27–31 октября 1950 г. 17 государственных и общественных деятелей

ма (Л. Антюфеев), Ярославского обкома (И. Турко), вторыми секретарями ЦК КП(б) Эстонии (Г. Кедров), Мурманского обкома (А. Вербицкий). Заведующие отделами Ленинградского горкома П. Талюш и П. Кузьменко получили посты третьего секретаря Саратовского обкома и второго секретаря Рязанского обкома. Заместители председателя Ленинградского облисполкома М. Сафонов и А. Бурилин возглавили соответственно Новгородский и Калуж-

ский облисполкомы. Начальник Управления НКВД П. Кубаткин занял такую же должность в Горьковской области, а затем недолгое время проработал заместителем председателя исполкома Саратовского облсовета.

Группа ленинградцев была переведена в Москву. А. Вознесенский стал министром просвещения РСФСР. Заместитель председателя Ленинградского горисполкома М. Басов был назначен председателем Госплана РСФСР и заместителем председателя Совета министров РСФСР. Редактор газеты «Ленинградская правда» Н. Шумилов работал ответственным секретарем редакции газеты Коминформа «За прочный мир, за народную демократию». Первый секретарь Куйбышевского райкома ВКП(б) в Ленинграде Т. Закржевская получила пост заместителя заведующего отделом партийных органов ЦК ВКП(б), а первый секретарь Ленин-

градского комсомола В. Иванов занял место второго секретаря ЦК ВЛКСМ. Ленинград в те годы действительно был кузницей кадров.

Социальная модернизация «патриархального» советского общества в 1930–1940-е годы неизбежно вела к появлению автономной личности, не нуждавшейся во внешнем контроле и способной самостоятельно направлять свою жизнь¹⁹. «Ленинградцы» оказались в авангарде того процесса. Их сознание еще было наполнено догма-

ми сталинской эпохи. Сформировавшиеся в государстве тоталитарного типа, они не помышляли об уничтожении той системы. Однако их поведение, внутренний мир все более выходили за ее пределы. Сыграли роль и обновляющая сила образования, и созидательная культурная среда города на Неве. Сталинский режим инстинктивно

учуял в том социальном слое угрозу для своего существования.

Среди расстрелянных по «Ленинградскому делу» свыше 90% имели высшее образование. Если учесть погром в Ленинградском университете, ликвидацию Музея обороны города, аресты среди хозяйственных руководителей Ленинграда, то становится ясно, что

нельзя сводить «Ленинградское дело» к борьбе за власть в Кремле. К 1950 году в Ленинградской партийной организации снизилась доля коммунистов с высшим образованием, что случилось лишь однажды в годы войны²⁰. Нет, не борьба за власть шла в 1949–1952 годы, а борьба тоталитарного режима И. В. Сталина за свое выживание. ■

¹ Жирнов Е. «Во вражеской группе готовился перенос столицы в Ленинград» // Коммерсант. Власть. 2000. 6 сент.; Костырченко Г. Маленков против Жданова. Игры сталинских фаворитов // Родина. 2000. № 9; Кутузов В. А. «Ленинградское дело»: к вопросу о количестве репрессированных // Петербургские чтения, 98–99: Материалы энцикл. 6-ки «Санкт-Петербург 2003». СПб., 1999; Кутузов В. А. «Ленинградское дело»: реабилитация // Университетские Петербургские чтения: 300 лет Северной столице: Сб. ст. СПб., 2003; Пыжиков А. В. Ленинградская группа: путь во власть (1946–1949) // Свобод. мысль – XXI. 2001. № 3.

² Ленинградская организация КПСС в цифрах. 1917–1953. Л., 1974. С. 80.

³ Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 78.

⁴ «Ленинградское дело». Л., 1990. С. 226; Афанасьев А. В. Победитель // Они не молчали. М., 1991. С. 388–408.

⁵ Рабжаева М. В. Петербургская идентичность в прошлом и настоящем // Политическая история России: Сб. науч. тр. СПб. Выпуск 4. С. 143.

⁶ Любить свой родной город // Правда. 1944. 29 марта.

⁷ Ленингр. правда. 1944. 4 марта.

⁸ Там же. 1946. 20 янв.

⁹ Руководящая сила Советского Союза // Правда. 1945. 5 июля; Великая Российская Федерация // Правда. 1946. 30 нояб.; Славная Российская Федерация // Правда. 1947. 21 июня.

¹⁰ Правда. 1945. 27 янв.

¹¹ Ленингр. правда. 1945. 3 февр.

¹² Там же. 15 июля.

¹³ Там же. 31 янв.

¹⁴ Кузнецов А. Важнейшие задачи Ленинградской партийной организации // Ленингр. правда. 1945. 3 июля.

¹⁵ Данилов А., Пыжиков А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2002. С. 227–254.

¹⁶ Из личных бесед автора с О. Н. Ивановой и В. В. Тихоновой, репрессированными по «Ленинградскому делу» вместе с мужьями В. Н. Ивановым и А. Я. Тихоновым.

¹⁷ Ленингр. правда. 1946. 29 авг.

¹⁸ Там же. 25 окт.

¹⁹ Вишневецкий А. Серп и рубль. М., 1998. С. 182–184.

²⁰ Ленинградская организация КПСС в цифрах. С. 80.

Митрополит Гавриил и Павел I

М. М. Галанов

Выдающееся место в истории Русской православной церкви по праву занимает митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (1730–1801). Его многогранная деятельность на благо православной паствы и Российского государства нашла свое отражение в трудах Т. В. Барсова и Ф. В. Благовидова¹. Гавриилу посвящено специальное исследование Б. В. Титлинова². Среди ученых возникали разногласия по поводу некоторых аспектов его жизнедеятельности. Так, И. Знаменский писал, что Гавриил пользовался расположением Пав-

ла I, а И. Смолич, наоборот, утверждал, что император не выносил Гавриила как любимца своей матери³.

Гавриил родился 18 февраля 1730 года в семье П. Ф. Шапошникова и был наречен Петром Петровым⁴. 28 июня 1758 года он постригся под именем Гавриила и вскоре стал ректором Троице-Сергиевой семинарии⁵. С 19 сентября 1761 года Гавриил – ректор Московской духовной академии⁶, а с 17 мая 1763 года – член Св. синода⁷. 29 октября⁸ (по другим данным – 6 декабря⁹) 1763 года Синод по-

ручил ему епископскую кафедру в Твери. В 1767–1768 годах Гавриил был одним из депутатов от духовенства в Уложенной комиссии. В качестве свидетельств той работы он оставил 125 листов различных бумаг – заявлений, черновики, выступлений и проектов¹⁰.

22 сентября 1770 года Гавриил стал архиепископом Петербургским, а 1 января 1775 года – и Новгородским¹¹. Екатерина II поручила ему общее руководство реконструкцией Александро-Невского монастыря. 18 ноября 1774 года она писала: «Преосвященный архи-

епископ Санкт-Петербургский Гавриил! Как строение Невского монастыря вам известно по вашему пребыванию и начальству в том монастыре и требует оно надзирания ближайшего, то мы, ведая вашу к тому способность и усердие к трудам для славы храмов Божиих, поручаем вам отныне навсегда главную дирекцию строения сего монастыря и с находящеюся для производства оного конторою... Мы охотно желаем, чтобы ваше преосвященство труд сей, к благолепию Церкви Божией служащий, на себя приняли, и пребываем к вам благосклонны»¹².

17 февраля 1776 года Гавриил представил план и смету на строительство соборной церкви по проекту архитектора И. Е. Старова. 26 февраля императрица утвердила необходимые документы. Смета составляла 268 162 рубля 90 копеек¹³. 22 сентября 1783 года Гавриил получил сан митрополита¹⁴. Для увековечения исключительной деятельности Гавриила по сооружению Свято-Троицкого собора Екатерина II повелела Академии художеств высечь из мрамора бюст митрополита и поместить его в соборе¹⁵. В 1796 году Гавриил поставил свою подпись под актом отстранения великого князя Павла Петровича от престола в пользу его сына Александра, но после смерти Екатерины II 6 ноября 1796 года он первым подал голос в пользу Павла¹⁶.

Внешний вид и некоторые свойства личности митрополита Гавриила описала жившая в Санкт-Петербурге в 1795–1801 годах французская художница Элизабет Виже-Лебрен: «Во все время моего пребывания в Петербурге мне часто доводилось слышать о высоких достоинствах тогдашнего Санкт-Петербургского митрополита; однажды многие из моих знакомых собрались посетить его и предложили мне присоединиться к ним... Во всю жизнь мне не приходилось встречаться с человеком, коего вид был столь внушителен. Митрополит был роста высокого и величественен; его прекрасное лицо, с удивительно правильными чертами, отличалось непередаваемым выражением кротости и в то же время достоинства, а длинная белая борода, которая спускалась на грудь,

Гавриил (Петров),
митрополит Новгородский
и Санкт-Петербургский.
Портрет конца XVIII – начала XIX в.

придавала еще более почтенный вид этой превосходной голове. Одежда его была проста и благородна, а походка, манеры и взгляд, одним словом, вся его наружность сразу внушала к нему уважение... Митрополит был личностью замечательной: он был очень умен и при том весьма просвещенный человек, говорил на многих языках и прекрасными качествами и добротой своей снискал уважение и любовь к себе всех приближенных»¹⁷.

18 января 1797 года последовал именным императорским указ, данный на имя митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Гавриила, о том, чтобы на коронации в Москве присутствовать самому Гавриилу, митрополиту Московскому Платону, архиепископу Казанскому Амвросию, архиепископу Тверскому Иринею, духовнику государя Благовещенскому протоиерею Исидору, гвардейского Преображенского собора протоиерею Лукьяну. В Петербурге тем же указом оставлялись архиепископ Псковский Иннокентий и Новоспасский архимандрит Анастасий¹⁸.

5 апреля 1797 года в Успенском соборе Гавриил одел на Павла Петровича, бывшего в мундире, даматик из малинового бархата – древнюю одежду византийских императоров. Войдя в алтарь, Павел не принял даров из рук архиерея, а причастился над престолом

сам, как причащаются архиереи и священники, совершающие литургии. Причащался он без шпаги, а во время коронации имел ее при себе. Императорская корона, которую Павел надел на себя, была принята им из рук Гавриила, получившего ее, в свою очередь, не от всех архиереев, как обычно, а от канцлера графа А. А. Безбородко*¹⁹.

Гавриил активно участвовал в работе Св. синода в качестве его «первоприсутствующего члена». 12 ноября 1796 года адмирал Г. Г. Кушелев направил ему письмо, в котором сообщал, что «император повелеть соизволил, дабы Преображенского полка церковь была собором всех лейб-гвардии полков»²⁰. 24 декабря 1796 года вице-канцлер граф И. А. Остерман попросил Гавриила передать из Синода в Коллегию иностранных дел богослужебные книги, которые понадобились бы для открытия при дипломатической миссии в Лондоне новой православной церкви²¹.

10 июля 1797 года Павел I получил донос от иеромонаха Киево-Печерской лавры Дометиана на Киевского архиепископа Ерофея, который, согласно той информации, не служил благодарственный молебен по случаю вступления на престол Павла и растратил 25 000 рублей на покупку «токайских вин и английских пив». Император через статс-секретаря Д. П. Троцинского передал донос Гавриилу, и тот вынес его 17 июля на рассмотрение Синода, потребовавшего от Ерофея объяснений. 4 сентября, обсудив объяснительную Ерофея, Синод представил Павлу доклад о ложности доноса²².

17 июля 1797 года Д. П. Троцинский сообщал Гавриилу, что в г. Кола не строится церковь, на которую еще в 1783 году было отпущено 8000 рублей, и просил разобраться. После вмешательства митрополита строительство было возобновлено²³. 21 сентября 1797 года Д. П. Троцинский писал Гавриилу, что император, получив прошение священника Насеткина с жалобой на преследование его полковником кн. П. И. Багратионом за помощь в написании двумя вахмистрами доноса на имя императора, повелел Синоду «разобраться» со священником, чтобы было «неповадно» вмешиваться в чужие дела²⁴.

Когда Павел I узнал, что в г. Киле православная церковь пришла в разорение и упадок, он 14 июня 1798 года повелел Гавриилу «снестись» с А. А. Безбородко для исправления ситуации. 16 июня митрополит отправил иеромонаху Досифею в Киль письмо с просьбой описать все, чего не хватает церкви. Только 30 марта 1799 года был получен его ответ. Дело тянулось до января 1800 года, когда император повелел закрыть церковь «за ненадобностью»²⁵.

В конце ноября 1798 года генерал-прокурор П. В. Лопухин направил Гавриилу письмо с просьбой рассмотреть жалобу кн. Е. П. Гагариной на Московскую консисторию, которая развела ее с мужем кн. П. И. Гагариным. 4 декабря 1798 года Гавриил отправил дело на пересмотр, но консистория осталась непреклонной, т.к. развод оказался результатом высочайшего повеления дать жене удовлетворение за промотанное мужем ее имение²⁶.

17 августа 1799 года Св. синод ассигновал Гавриилу как архимандриту Александро-Невской лавры 1000 рублей ежегодного жалования. Это было вызвано тем, что монастырь в Санкт-Петербурге

приравняли по статусу к Киево-Печерской и Троице-Сергиевой лаврам²⁷. В 1798 году на греческом языке была издана написанная Гавриилом еще в 1792 году книга «Об обрядах православной грекороссийской церкви» (127 рукописных листов) и в том же году вышедшая в свет на русском языке под заглавием «О служении и чинопочтениях православной Грекороссийской церкви»²⁸.

Императорский указ от 18 декабря 1797 года о создании в Санкт-Петербурге Духовной академии и семинарии был подготовлен при непосредственном участии Гавриила. Ему в руки государь отдал главное руководство духовным просвещением²⁹. В развитие идей указа Гавриил обратился с запиской в Св. синод. «Поелику академия, – писал он, – учреждается наипаче для образования учителей, как для своей, так и для прикосновенных (близлежащих. – М. Г.) епархий, то оную нужно разделить на две части, т. е. низшую и высшую; к низшей отнести предметы общие для всех семинарий, а к высшей те особливые, которыми академии отличаются от семинарий и которые нужны для образо-

вания хороших учителей. По сему к высшей части принадлежат: 1 – полная система философии и богословия; 2 – высшее красноречие; 3 – геометрия и тригонометрия. Все прочие... относятся к низшей части академии»³⁰. На основании записки Гавриила 3 октября 1798 года Св. синод принял указ «О порядке учения в Духовных академиях и семинариях»³¹.

Представляет безусловный интерес отношение Гавриила к расколу. Оно ярко раскрывается в письмах митрополита к другому церковному деятелю – Амвросию (Подобедову). В одном из них (15 апреля 1800 года) Гавриил перечислил признаки раскольников: не признают икон, официального крещения, не соблюдают праздников и постов, не считают это за грех, отвергают исповедь и причастие, не признают за святых угодников Божиих³². В письме, отправленном 22 апреля того же года, митрополит четко выразил свое отношение к таким людям: «Нынешних иконоборцев и беспоповцев не должно считать раскольниками, а злодеями государю и государству... И так оные требуют больше светского, чем церковного рассмотрения»³³.

Следующее письмо Гавриила к Амвросию (10 мая 1800 года) представляет собой программу церковно-государственного наступления на раскол. Он писал: «...но как раскол не только против благосостояния церкви, но и государства, то должно и государственное положение об них сделать. Церковь есть хранитель союза между государем и народом. Дозволять раскол есть пренебрегать священный оный союз... Итак, нужно: 1) всякий пункт их разврата оговорить, с какой стороны он терпим и с какой нетерпим; 2) как нетерпимые в государстве мысли воздерживать; 3) нужно, когда лошади взбесятся, кучеру дать вожжи в руки... Советую и прошу поприлежнее о сем деле подумать, а не спешить, да и о каждой секте особое положение сделать»³⁴.

Несмотря на деловую переписку, личные отношения Гавриила и Амвросия оставляли желать лучшего. По мнению обер-прокурора Св. синода в 1800–1803 годах А. А. Яковлева, еще в 1795 году, приехав из Казани в Санкт-Петербург (став членом Синода), Амв-

Троицкий собор Александро-Невской лавры

* В день коронации Павла I А. А. Безбородко получил княжеское достоинство, был награжден орденом Св. Андрея Первозванного и стал членом Государственного совета. – *Ред.*

росий «задумал о занятии Гавриилова места. Он на первых же порах не поладил с Гавриилом, а по кончине Екатерины, заметив охлаждение императора Павла к Гавриилу, стал искусно и неутомимо интриговать против этого почтенного и всеми уважаемого старца...»³⁵.

В составе Синода только Феофилакт (Русанов) оказался предан Гавриилу, остальные сделали ставку на Амвросия. Феофилакт и Гавриил поддерживали деятельность обер-прокурора кн. В. А. Хованского, пытавшегося навести порядок в церковном ведомстве. Против них объединились Амвросий Казанский, Ириней Псковский и Павел Ярославский, которые «устроили» донос императору через генерал-прокурора кн. А. Б. Куракина. В итоге Феофилакт был отправлен епископом в Калужскую епархию, а Хованского отстранили от должности. Новый обер-прокурор Д. И. Хвостов не имел собственного мнения и смотрел на все глазами Амвросия, а А. Б. Куракину император запретил иметь дела с Гавриилом³⁶.

К интригам «соратников» по Синоду добавились болезни. Осенью 1797 года Гавриил взял отпуск и не появлялся в столице до лета 1799 года. Однако авторитет и влияние иерарха не позволили его уволить сразу. 16 октября 1799 года император разделил своим указом должности Гавриила и на Санкт-Петербургскую епархию назначил Амвросия³⁷. Через два дня Синод оформил это постановлением «О бытии синодальному члену преосвященному Амвросию, архиепископу Казанскому, Санкт-Петербургскому, а Гавриилу, митрополиту Новгородскому, оставаться Новгородским и Олоонецким»³⁸.

19 декабря 1800 года Гавриила окончательно уволили в отставку императорским указом, а Новгородская епархия была передана в ведение Амвросия³⁹. На следующий день Св. синод издал постановление «По именным высочайшим указам о увольнении митрополита Новгородского Гавриила от управления сей епархией и о ведении оной архиепископу Амвросию Санкт-Петербургскому»⁴⁰. Через месяц с небольшим, 26 января 1801 года, Гавриил скончался⁴¹.

Погребение Гавриила состоялось 31 января в Софийском соборе г. Новгорода в пределе св. Иоанна Предтечи. Отпевание и погребение было совершено викарием, епископом Старорусским Антонием (Знаменским)⁴². Еще через месяц, 27 февраля, генерал-прокурором П. Х. Оболяниновым было сообщено Сенату именное

объявление о том, что «пожалованную 13 октября 1785 года покойному Гавриилу, бывшему митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому, Богородицкую мызу в Шлиссельбургском уезде... принять в ведомство казенное»⁴³. Так была поставлена последняя точка в истории взаимоотношений митрополита Гавриила и Павла I. ■

¹ Барсов Т. В. Святейший Синод в его прошлом. СПб., 1895; Благовидов Ф. В. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и первой половине XIX столетий: Опыт церков.-ист. исслед. Казань, 1900.

² Титлинов Б. В. Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Пг., 1916.

³ Знаменский И. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880. С. 61; Смолич И. К. История русской церкви (1700–1914). М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. С. 207.

⁴ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 1.

⁵ Там же. С. 19; Филарет, архиепископ Черниговский и Нежинский. Обзор русской духовной литературы (1720–1858). Чернигов, 1863. Кн. 2. С. 143.

⁶ Филарет, архиепископ Черниговский и Нежинский. Указ. соч. С. 143; Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 29.

⁷ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 43.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Списки архиереев иерархии всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего правительственного синода. СПб., 1872. С. 15.

¹⁰ Описание 432-х рукописей, принадлежащих Санкт-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое собрание / Сост. А. Родосский. СПб., 1893. № 415. С. 358–360.

¹¹ Филарет, архиепископ Черниговский и Нежинский. Указ. соч. С. 143; Списки архиереев... С. 15.

¹² Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра. 1713–1913 гг. СПб., 1913. С. 711.

¹³ Там же. С. 712.

¹⁴ Филарет, архиепископ Черниговский и Нежинский. Указ. соч. С. 143; Списки архиереев... С. 15.

¹⁵ Рункевич С. Г. Указ. соч. С. 712.

¹⁶ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 395–397.

¹⁷ Госпожа Виже-Лебрен в России (1795–1801) // Древняя и новая Россия. 1876. № 12. С. 397–398.

¹⁸ Указы, распоряжения и резолюции императора Павла (1796–1801) // Русская старина. 1873. Т. 7. С. 497–498.

¹⁹ Карнович Е. Коронация государей // Русский архив: Альманах. М., 1990. С. 58.

²⁰ Рескрипты Павла I Гавриилу // Русский архив. 1869. № 10. С. 1640.

²¹ Там же. С. 1639.

²² Благовидов Ф. В. Указ. соч. С. 302–303.

²³ Рескрипты... С. 1632–1633.

²⁴ Благовидов Ф. В. Указ. соч. С. 301–302.

²⁵ Рескрипты... С. 1593–1596.

²⁶ Там же. С. 1647–1649.

²⁷ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Царствование Павла I. Пг., 1915. № 403. С. 452–456.

²⁸ Описание 432-х рукописей... № 109. С. 139–140.

²⁹ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 799.

³⁰ Там же. С. 805–806.

³¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 25. № 18726. С. 426–443.

³² Письма Гавриила к Амвросию. № 16 // Православное обозрение. 1876. Март. С. 494–496.

³³ Там же. № 17. С. 496–497.

³⁴ Там же. № 18. С. 497–498.

³⁵ Записки обер-прокурора А. А. Яковлева // Русский вестн. 1874. № 3. С. 459.

³⁶ Там же. С. 460–461.

³⁷ Барсов Т. В. Указ. соч. С. 315; Списки архиереев... С. 15.

³⁸ Полное собрание постановлений и распоряжений... № 411. С. 479–480.

³⁹ Барсов Т. В. Указ. соч. С. 317.

⁴⁰ Полное собрание постановлений и распоряжений... № 538. С. 675–676.

⁴¹ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 1191.

⁴² Рункевич С. Г. Указ. соч. С. 827.

⁴³ Указы, распоряжения и резолюции императора Павла... С. 634.

И. О. Пазинская

Петергофский Элизум (сад на Ольгинном острове)

Ольгин остров. 2006 г. Фото автора

Колонистский парк с большим прудом и двумя павильонами на островах – один из замечательных дворцово-парковых ансамблей, созданных в Петергофе в годы царствования Николая I (1825–1855). Благоустройство части Петергофа к югу от Верхнего сада началось созданием Александринской немецкой колонии в 1832–1833 годах. Дома и поля колонистов стали южной границей будущего парка. По приказанию Николая I в 1837 году углубили Охотное болото, создали пруд с островами и парк вокруг него. Один из островов был поначалу передан В. И. Трувеллеру. На втором, подаренном императрице, был возведен павильон в «помпеянском» стиле (1842–1844, арх. А. И. Штакеншнейдер) и устроен сад. И остров, и павильон стали называться Царицыными.

Ансамбль Царицына острова неоднократно становился предметом описаний и исследований. Совсем по-другому складывалось изучение Ольгиного острова. До настоящего времени единственной исследовательской работой о нем является историческая справка Г. К. Старицыной¹. Автор ввела в научный оборот значительный объем архивных документов хозяйственного характера по созданию острова и сада, строительству павильона. В данной работе используются материалы этой рукописи, а также другие архивные источники.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ САДА НА ОЛЬГИНОМ ОСТРОВЕ

Инженер, капитан корпуса путей сообщения, хозяин нового острова Вильгельм (Василий Иванович) Трувеллер (1810 – ок. 1870) строил в Петергофе шлюзы Бумажной фабрики, лагерь военно-учебных заведений, составлял карты города, прорезал новые улицы, участвовал в сооружении Никольского домика. На северном берегу Охотного болота в 1834 году ему, по его просьбе, был выделен обширный участок. Здесь Трувеллер выстроил два каменных дома и бани,

позже купальню на берегу Ольгиного пруда, а затем и деревянное здание гостиницы «Самсон»².

Остров на Большом (так он поначалу назывался) пруду стал частью его быстро растущей усадьбы. Трувеллер построил на его юго-западном берегу Швейцарский домик. Дом имел в плане сложную крестообразную форму³. Его длина составляла чуть больше девяти метров, ширина – почти восемь метров, высота – 5⁴. Деревянное сооружение на каменном фундаменте имело подвальный этаж, в который вели четыре двери, а верхняя часть была украшена фонарем высотой два метра, с цветными стеклами⁵.

План острова на Большом пруду. Фрагмент. Чертил В. Трувеллер. Сер. 1840-х гг. Архив ГМЗ «Петергоф»

Владелец собирался возвести еще один дом на юго-западной оконечности острова, с лестницами, ведущими к воде. В 1845 году для него уже был сделан фундамент и «высочайше утвержден» проект. На острове хозяин соорудил две деревянные пристани и устроил сад: посадил плодовые и «простые» кусты и деревья, сделал набивные дорожки из гравия, устроил грядки, из них – 60 с клубникой и земляникой. План острова, выполненный В. Трувеллером, дает представление о его планировке, о расположении всех существовавших построек и о месте планируемого дома.

В мае 1845 года В. Трувеллер изъявил желание безвозмездно вернуть остров в казну – ему стало известно, что император пожелал выкупить остров у владельца⁶. Николай I подарка не принял. Первая комиссия по оценке острова и всего, что на нем находилось, определила его стоимость в 4005 рублей. Император посчитал эту цену завышенной. Повторная оценка составила 2160 рублей. В конечном счете владельцу было уплачено 3000 рублей⁷.

23 июня 1845 года (в день оформления покупки острова) архитектору А. И. Штакеншнейдеру было приказано «на малом острове, принадлежащем г. Трувеллеру в Петергофе, построить павильон, соображаясь в архитектурном отношении с фасадом такого павильона на Царицыном острове, но в меньшем размере»⁸.

Уже через три дня управляющий Петергофским дворцовым

Ольгин павильон. Открытка нач. XX в.

правлением С. М. Лихардов сообщил архитектору, что императору приятно было бы иметь к 11 июля «понятие о предполагаемом павильоне». Лихардов просил архитектора, «если можно, доставить к тому времени хотя бы эскизы проекта для поднесения государю императору»⁹. 11 июля – день тезоименитства великой княжны Ольги Николаевны (1822–1892). Императорская чета готовила подарок дочери.

5 июля Лихардов еще раз просил архитектора «доставить его [нового павильона] план постройки и фасад к нему сколь возможно поспешнее, и если можно, сего же дня к вечеру, ибо государю императору угодно иметь таковые чертежи с возвращением и доставлением плана из Чертежного правления»¹⁰.

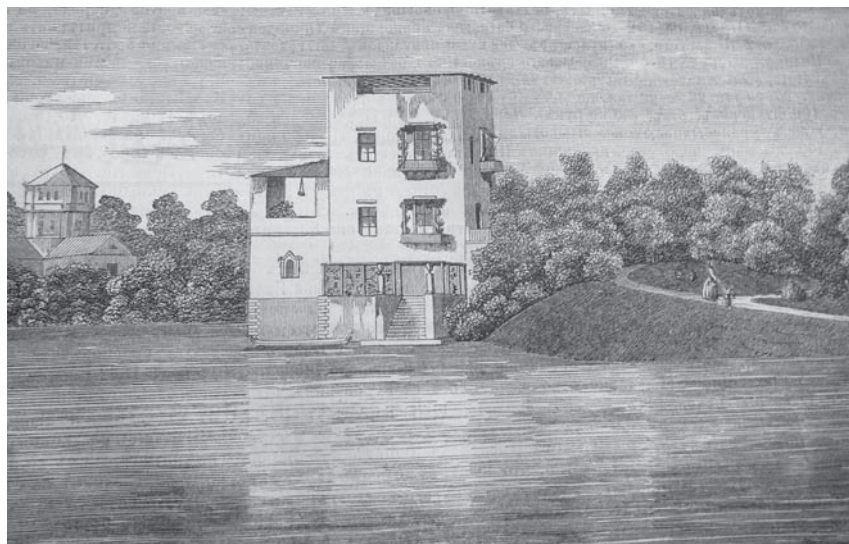
Но представленный архитектором проект не удовлетворил заказчика.

8 июля Адлеберг сообщает в Петергофское дворцовое правление: «Государь император изволил находить проект павильона на Трувеллеровском острове, составленный господином Штакеншнейдером, непомерно великим и не соответствующим тому, что его величество предполагал построить и что г. Штакеншнейдеру было изустью приказано... По предложению великой княжны Марии Николаевны, оставить его окончание г. Штакеншнейдеру и неудачу проекта сохранить в тайне»¹¹.

Архитектор продолжил работу над проектом. Второй вариант был послан находившейся тогда в Палермо императрице. 29 марта 1846 года Штакеншнейдер получил обратно его утвержденным¹². Архитектору было приказано тотчас составить смету и начать работы, с тем чтобы к приезду Ольги Николаевны – к 1 июня 1846 года – павильон был «окончен черне и подведен под крышу»¹³.

РАБОТЫ ПО УСТРОЙСТВУ ПАРКА ОЛЬГИНОГО ОСТРОВА В 1846–1848 ГОДАХ

Пока разрабатывался и утверждался проект павильона, на острове под управлением главного садового мастера П. И. Эрлера (1793–1857) велись работы по устройству парка¹⁴.

Ольгин павильон. Из журн. «Иллюстрация», 1858 г. 30 июля

Швейцарский домик В. И. Трувеллера и пристани были разобраны. С мая по ноябрь 1845 года были выкопаны деревья и кустарники, сняты дорожки, сделаны новые горизонтальная и вертикальная планировки острова¹⁵. Остров был подсыпан землей, вынутой из пруда так, что создавался плавный уклон в сторону Царицына острова.

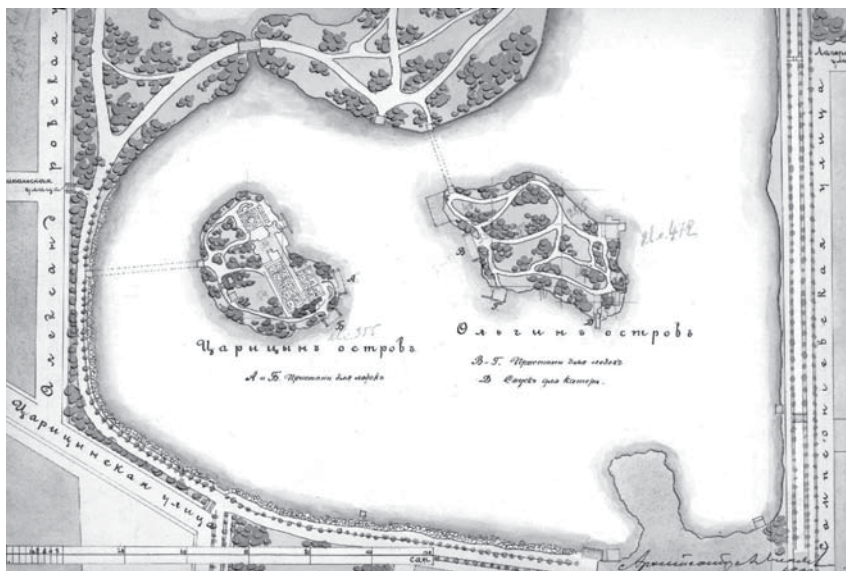
В то же время из пруда вытаскивались камни, самые большие закапывались в его дно, берега укреплялись и выстилались камнем на «медвежьем» мху и делались очень низкими, так, чтобы остров казался плавно выступающим из воды¹⁶.

На острове были высажены «отборные садовые растения, вышиной от 6 до 8 аршин, толщиной в окружности от 6 до 8 вершков»: липы, дубы, ясени, клены, тополя – по шесть деревьев. И те же деревья, меньшие по размеру – «вышиною 6 аршинов, толщиной от 4 до 6 вершков», сажались по 25 штук каждого вида. Высаживались и «отборные садовые кусты», высотой до 2 1/2 аршина – сирень белая и синяя, самбукус (бузина), жимолость, «корнус» – по 50 кустов. Кроме того, в документах указывалось на необходимость посадки «прочих разноцветных кустов 100 шт. и вдобавок к оным сколько потребуется разных садовых кустов»¹⁷.

Примечательно, что на Ольгином острове не высаживались, в отличие от Царицына, экзотические деревья и кустарники¹⁸.

Для работ были подготовлены 390 кольев, веревки и береста для подвязки растений¹⁹. Для посадок выкапывали ямы: «для отборных деревьев – 30 ям глубиной 1 аршин, шириной в диаметре 1 1/2 аршина; для прочих кустов и деревьев – 475, глубиной 12 вершков, шириной 1 аршин»²⁰. Разрастаясь, деревья и кусты должны были создать густой полог, под которым бы вились тропинки и располагались лужайки. Судя по планам острова, составленным в конце XIX века, наиболее густо была засажена его северная часть.

Для устройства клумб, рабатов и цветочного сада на остров завозили «черную землю»²¹. Были сделаны «11 кустовых клумб и 6 цветочных с насыпкою земли до 1/2 аршина» и дорожки общей дли-

План островов на Ольгином пруду. Арх. А. Миняев.
1909 г. Архив ГМЗ «Петергоф»

Дуб на Ольгином острове.
2006 г. Фото автора

ной 244 сажени, шириной 2 аршина²². Для устройства дорожек использовался «гравий сеяный средний и мелкий из бугров, хрящ желтый грохоченный»²³ и битый кирпич²⁴. Дорожка шла вдоль берега, повторяя его очертания, смыкаясь у стоящего на краю острова павильона. Вдоль дорожек с двух сторон была посажена «английская земляника», клубника, малина и смородина. Для этих посадок выкапывались «канавки шириной и глубиной 8 вершков с насыпью черной земли и устройством рабатки длиной 520 погонных сажений»²⁵.

Дорожки «выделяли» обширный луг в южной части острова. На острове укладывали «луговой казенный дерн» (1000 кв. сажень)²⁶, чем создавалось разнотравье.

Цветы для посадки и установки на острове приобретались у садовых мастеров Алверта и Липольта (последний работал на даче секретаря императрицы Шамбо). Это были розы, анютины глазки, вербены, немofilлы, флоксы, петунии, лилии и другие. У павильона и на его верхней площадке были посажены вьющиеся растения²⁷.

Устройство сада было в основном закончено в июне 1846 года.

Император принимал активное участие в устройстве сада. Так, именно им были «высочайше указаны» места, где необходимо посадить «отборные» деревья. Крашенные колышки, по-видимому, были вбиты в этих местах в его присутствии.

При посещении острова 14 августа 1846 года Николай I указал: «...от домика откос к воде по одну и другую сторону засадить ивовыми кустами так, чтобы концы оных висели в воду». Уже в документе за этот день упоминается о том, что на острове планировалось посадить Дуб (так и написано!), но это решение позже отменилось, и Николаем было предложено на это место поставить «хорошую вазу»²⁸. «Большой кронистый дуб», привезенный из «казенных лесов», был посажен чуть позже – в 1848 году²⁹.

Посадки взрослых растений, формирующих пейзаж, практиковались в европейском садовом искусстве того времени. Этим приемом активно пользовались и в Петергофе³⁰.

По указанию императора павильон в 1848 году был обсажен хмелем³¹.

Отделочные работы в павильоне, которые не успели выполнить к свадьбе Ольги Николаевны, продолжались в 1847–1848 годах, тогда же заканчивались и работы в саду. В 1847 году на Ольгином острове были высажены по 50 штук лип, дубов, ивовых кустов, 70 кленов, 40 берез, 60 ясеней и один большой ивовый куст (высотой три аршина), в общей сложности еще 320 деревьев и кустов³².

По окончании работ, 15 августа 1848 года, П. И. Эрлер составил смету на ремонтное содержание сада на Ольгином острове, в которую включил затраты на «поновление» дорожек, зеленого лугового дерна, клумб, посадку вместо «выпавших дерев» лип, дубов, ясеней, кленов, садовых кустов, учитывая, что на острове будут работать четверо чернорабочих, нанятых на шесть месяцев, и четверо поденщиц в течение четырех месяцев (общее количество рабочих дней – 1170)³³.

Каким был парк в первый период своего существования?

И. Шарлемань точно передает романтическое настроение этого уголка Петергофа.

Ольгин остров. И. Шарлемань

В акварели Д. Кerpеля видны мягко изгибающиеся дорожки, обширная лужайка, группы кустов, свободно посаженные, еще невысокие деревья, разбросанные на зелени газонов цветочные клумбы. На лужайке – скульптура «Венера» И. П. Витали на круглом пьедестале. Богиня плодородия, весны, садов, красоты и любви прекрасно дополнила мир сада на острове, подаренном императорской четой дочери к свадьбе.

Сад был устроен так, что с него можно было увидеть даль Колониистского и Лугового парков. И наиболее выигрышный вид на остров открывался из Царицына павильона и с южного берега пруда. Не

случайно именно с южным берегом соединила остров паромная переправа. Она видна на акварели неизвестного автора, хранящейся ныне в Театральном музее им. А. А. Бахрушина. Автор изобразил вид на остров от горки на южном берегу. Эта «горка длиной 13 сажень, шириной 10 сажень, квадратных сажень 130, вышиною в середине 2 аршина»³⁴ была насыпана одновременно с устройством островов. На ее верхней площадке в 1848 году А. И. Штакеншнейдер установил гальванопластическую копию скульптурной группы «Сатиры и Нимфа» (ск. П. А. Ставассер)³⁵. Рядом была сооружена «круглая скамья»³⁶. Около горки расположился «цветочный садик»³⁷. На многочисленных открытках и фотографиях хорошо видна скульптура над гладью пруда: между Ольгиным и Царицыным островами – «Русалка» (ск. П. А. Ставассер), на крупном валуне у Ольгина павильона – «Нарцисс» (ск. К. М. Климченко)³⁸.

ХАРАКТЕР И ПРОГРАММА САДА НА ОЛЬГИНОМ ОСТРОВЕ

Остров сразу по приобретении в казну стал называться в честь великой княжны Ольги Николаевны. Павильон в хозяйственных документах дворцового правления именовался поначалу «итальянским домиком», члены же императорской семьи называли его Оливуцца³⁹. Это название местечка близ

Ольгин остров. Неизвестный художник.
Центральный государственный театральный музей им. А. А. Бахрушина

Палермо, где располагалась вилла княгини Бутера⁴⁰. Именно в этом доме провели несколько счастливейших месяцев своей жизни императрица с дочерью и было принято решение о будущем браке Ольги Николаевны. Созвучие имени великой княжны, которую в семье звали Олли, и местности под Палермо – Оливуцца казалось удивительным и не случайным⁴¹.

Не только название напоминало о памятном путешествии в «страну мечты». Сам павильон был создан в виде типичной для южной Италии башни с лестницами, ведущими к воде и на второй этаж, с окнами-дверьми, выводящими на балконы. Плоская крыша с площадкой для обзора окрестностей, обвитая вьющимися растениями, также напоминала о типичных строениях Сицилии. И совсем не случайно этот павильон был выстроен на острове.

Еще в античной литературной традиции острова часто рассматривались как оторванные от реальной жизни миры счастья и гармонии⁴². Восприятие островной жизни как утопии не прерывалось в европейской культуре. Жизнь на острове всегда воспринималась как символ выхода из привычной реальности, чаще всего чуда⁴³.

Острова южных морей, ярко и талантливо описанные путешественниками XVIII–XVIII веков Л. А. Бугенвиллем (1729–1811), Г. Форстером (1754–1794), Р. Вальтером, стали литературными образами идеального мира. Эти образы воплощались в реальности в островах загородных усадеб и имений. Так, для Александры Федоровны и ее родных Павлиний остров близ Потсдама был местом идиллической жизни, устроенной согласно идеям Ж.-Ж. Руссо⁴⁴.

Нет сомнения в том, что создатели островов в Петергофе следовали общеевропейской традиции, в которой острова воспринимались как миры счастья, удаленные и оторванные от реального мира.

Сад всегда – целостный мир, память о рае и рай памяти. Его растения и сооружения – цитаты географические, исторические, литературные и мифологические.

Сухие хозяйственные документы и акварели дают возможность увидеть сад на петергофском

острове подобным знаменитому Элизиуму, саду героини романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». Позволим себе обширную цитату: «Я... нигде не нашел ни экзотической растительности, ни индийских плодов, а лишь местные растения, но расположенные в таком сочетании, что они производили наиболее веселое и приятное впечатление. Зеленый низкий газон, расстилавшийся плотным ковром, был перемешан с богородничной травкой, бальзамино, тимьяном, душицей и другими благоухающими травами. Тут блистало красой множество полевых цветов, и среди них глаз с удовольствием различал некоторые садовые цветы, казалось, естественно выросшие среди полевых... В самых открытых местах я увидел разбросанные в беспорядке, без всякой симметрии, густые кусты роз, малины, смородины, целые заросли сирени, орешника, бузины, жасмина, дрока, трилистника, украшавшие землю и придававшие ей вид первозданной целины. Я бродил по извилистым кривым дорожкам, окаймленным этими цветущими кущами, под сенью красивых гирлянд плюща, дикого винограда, хмеля, повилики, брионии, ломоноса и других вьющихся растений, среди которых утомлялись переплетать свои ветви жимолость и жасмин». Этот сад герой романа

Сен-Пре при первом взгляде сравнивает с южными островами Тиниан и Хуан-Фернандес⁴⁵. Юлия отмечает, что многие гости видят это сходство.

Ж.-Ж. Руссо описанием сада Юлии открыл эпоху формирования и развития ландшафтного стиля в садовом искусстве.

Но от многих романтических садов Ольгин остров отличался необычными и яркими деталями. Вдоль всех дорожек с двух сторон были высажена «английская» земляника, клубника, малина и смородина. Именно плодовые кусты малины и смородины описывает Ж.-Ж. Руссо в саду Юлии. Земляника же в античной мифологии – райская ягода. О ней упоминает Овидий в первой книге «Метаморфоз», описывая Золотой век, когда на полях Элизиума без ухода и заботы людей вырастала и созревала пища. Райскими ягодами считались плоды земляники и позднее, в христианской мифологии природы⁴⁶.

Ж.-Ж. Руссо отмечал, что сад Юлии и его название отражали до некоторой степени внутренний мир женщины, чуждый душевному смятению. Возможно, сад на острове был своего рода пожеланием и отсутствием дочери, вышедшей замуж и покидавшей родину. Он создавался как прямая аналогия с литературным первоисточником, с

Ольгин остров. Октябрь 2005 г. Фото О. Полозовой

учетом характера местности и климатических условий⁴⁷.

Это не первый пример воплощения членами семьи Александры Федоровны образов, связанных с идеями Ж.-Ж. Руссо. В Тиргартене в Берлине в 1810 году был со-

здан остров памяти королевы Луизы, по аналогии с островом Руссо (Тополиным островом) в Эрменонвилле⁴⁸.

Александра Федоровна и Николай I принесли традицию материального воплощения образов

Ж.-Ж. Руссо в любимый Петергоф, создавая «райский остров» для дочери, покидавшей родину, место, которое Ольга Николаевна, позже ставшая королевой Вюртемберга, всегда помнила и куда приезжала вновь и вновь. ■

¹ Старицына Г. К. Ольгин павильон на Ольгином острове в Петродворце: Ист. справка. 1986. Рукопись (Архив проектно-сметной документации ГМЗ «Петергоф»).

² См. подробнее: Гуцин В. А. От Верхнего сада до платформы Фонтаны. Петергоф, 2001. С. 10–13.

³ Сохранившийся фундамент дома выявлен в ходе работ на Ольгином острове в 2004 г.

⁴ Старицына Г. К. Указ. работа. Л. 16.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 490. Оп. 2. Д. 1760. Л. 29.

⁶ Старицына Г. К. Указ. работа. Л. 75.

⁷ Там же. Л. 15. Именно документы этой комиссии позволяют нам представить, каким был остров при первом владельце.

⁸ Старицына Г. К. Указ. работа. Л. 16.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 17; РГИА. Ф. 490. Оп. 2. 1846 г. Д. 1888. Л. 1. В тайне это, судя по всему, сохранили от Ольги Николаевны.

¹² К сожалению, этот проект пока не обнаружен.

¹³ РГИА. Ф. 490. Оп. 2. 1846 г. Д. 1888. Л. 5, 13. Хозяйственные документы свидетельствуют о напряженной строительной работе, в результате которой здание было сооружено, как и желал император, за два месяца. Но отделочные работы не успевали закончить ко дню свадьбы Ольги Николаевны, и Николай I приказал затянуть стены изнутри и снаружи холстом и разрисовать их. Таким увидели подарок молодожены. Отделочные работы продолжались еще в течение двух лет и были закончены в 1848 г.

¹⁴ Старицына Г. К. Указ. работа. Л. 18, 19. Они начались еще до приобретения его в казну.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГИА. Ф. 490. Оп. 2. 1846 г. Д. 1832. Л. 10.

¹⁷ Там же. Оп. 2. 1845. Д. 1821. Л. 12 об. Возможно, «подсказать», о каких кустах идет речь, может инвентаризационная опись 1959 года. В ней зафиксировано, что на острове в середине XX века росли сирень, жимолость, барбарис Тундерега, дерен белый и красный, круглолистная ирга, спирея Гумбольта, чубушник пушистый и малина (Старицына Г. К. Указ. работа. Л. 46).

¹⁸ На Царицыном острове сажали каштаны, ильмы (вязы), спиреи, акации, плющи, виноград, воздушный жасмин, каприфолии, китайскую и персидскую сирень. Часть этих растений была помещена во внутреннем садике, над которым на зиму сооружалась оранжерея (РГИА. Ф. 490. Оп. 2. 1844. Д. 1574. Л. 9, 24).

¹⁹ Там же. Оп. 2. 1845. Д. 1821. Л. 12 об.

²⁰ Там же. Л. 13.

²¹ Там же. Оп. 2. 1846 г. Д. 1832. Л. 14–14 об.

²² Там же. Л. 9 об.

²³ Там же. Л. 6.

²⁴ Там же. Л. 10.

²⁵ Там же. Оп. 2. 1845 г. Д. 1821. Л. 12.

²⁶ Там же. Оп. 2. 1846 г. Д. 1832. Л. 10.

²⁷ Там же. Л. 16.

²⁸ Ольгин павильон в Петергофе: Выписки из архив. источников / Сост. А. А. Алексеев, А. Г. Леонтьев. Рукопись. СПб., 1993. Л. 17 (Архив проектно-сметной документации ГМЗ «Петергоф»).

²⁹ РГИА. Ф. 490. Оп. 2. 1849 г. Д. 2135. Л. 31.

³⁰ В документах николаевского времени встречаются упоминания о пересадке «больших кронистых дубов» по повелению императора на указанные им места (из палисадника около Марли в Александрию). (РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2384. Л. 3).

³¹ Старицына Г. К. Указ. работа. Л. 46.

³² РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 1898. Л. 87 об. – 88 об.

³³ Ольгин павильон в Петергофе... Л. 33.

³⁴ РГИА. Ф. 490. Оп. 2. 1846 г. Д. 1832. Л. 9 об.

³⁵ Там же. Ф. 472. Оп. 14. Д. 847. Л. 1.

³⁶ Гейрот А. Ф. Описание Петергофа. Петергоф, 1868. С. 99.

³⁷ РГИА. Ф. 490. Оп. 2. 1846 г. Д. 1832. Л. 9 об.

³⁸ Это были, так же, как и «Венера» Витали, гальванопластические копии, выкрашенные белой краской. Мраморная статуя «Нарцисс» украшала фонтан на Царицыном острове.

³⁹ Дневник великого князя Константина Николаевича. 21 июля 1846 г. (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 84. Л. 10).

⁴⁰ Урожденная княгиня В. П. Шаховская, вдова князя Бутера, посла Неополитанского короля в России.

⁴¹ Ольгиным павильон стал называться позже.

⁴² См. подробнее: Чернышев Ю. Г. Была ли у римлян утопия? // Вестн. древней истории. 1992. № 1. С. 53–72.

⁴³ Сванидзе А. А. Сказка-ложь, да в ней намек... // Знание–сила. 2000. № 11.

⁴⁴ Seiler M. Pfaueninsel, Berlin. Tubingen/Berlin, 1993. S. 17.

⁴⁵ Острова, описанные Р. Вальтером в книге о кругосветном путешествии адмирала Джорджа Ансона (1697–1762). См. примеч. к роману Ж.-Ж. Руссо.

⁴⁶ См. подробнее: Heilmeyer M. The language of flowers. Symbols and Myths. Prestel. Munich, London, New York, 2001. P. 28.

⁴⁷ Так, здесь не было возможности устройства многочисленных ручейков, которые наполняли сад Юлии в романе Ж.-Ж. Руссо.

⁴⁸ См. Krosigk K. von. Der Grosse Tiergarten im Spiegel von Malerei und Grafik // Gartenkunst. 2003. Heft 2. S. 249.

Л. В. Никифорова

Ледяной дом. 1740—1888—2006

Ледяной дом накануне открытия. 8 февраля 2006 г.

В январе–феврале 2006 года на Дворцовой площади был построен Ледяной дом, за основу были взяты гравюры из книги г. Крафта «Подлинное и обстоятельное описание... Ледяного дома...» (1741)¹. Сто с лишним лет назад, в 1888 году, в Петербурге по тому же образцу построили Ледяной дом в саду «Аквариум». В тех попытках воссоздания легендарного и эфемерного памятника много общего,

но много и отличного – за каждым из них стоит своя эпоха, свой подход к истории.

Тогда, в конце XIX столетия, был силен интерес к веку XVIII, а царствование Анны Иоанновны и бироновщина представлялись его самыми мрачными и зловещими страницами. Стареющая больная императрица, интригующие друг против друга придворные, несчастные шуты – благодаря писателям

и историкам события, развернувшиеся вокруг Ледяного дома, были известны как ученому читателю, так и обывателю. Ледяной дом, обреченный на гибель самой Природой, стал своеобразным символом мрачного десятилетия.

В 1888 году московский антрепренер А. И. Александров предложил петербургской публике «great attraction», «здоровое общественное зрелище» – «точную ко-

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX ЦѢНА ЗА ВХОДЪ 1 Р. ДѢТИ 50 К. XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX	<h1>САДЪ „АКВАРИУМЪ“.</h1> <p>Съ 19-го Января 1888 г., ежедневно можно обозрѣвать</p> <h2>ИСТОРИЧЕСКІЙ ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ 1740 г.,</h2> <p>построенный по достовѣрнымъ рисункамъ ледянаго дома, строившагося въ 1740 г., въ СПб., съ сохраненіемъ полного фасада и всѣхъ размѣровъ.</p> <p>Ледяной домъ имѣеть гостинную, кабинетъ и спальную съ обстановкою изъ льда.</p> <h3>КАМИНЪ СЪ ГОРЯЩИМИ ДРОВАМИ ИЗЪ ЛЬДА.</h3> <p>Начало обозрѣнія ледянаго дома съ 1-го часу дня до 1-го часа ночи.</p> <p>ЦѢНА ЗА ВХОДЪ 1 руб. съ персони. — Дѣти 50 коп.</p> <p>Готовится большая процессія-пантомима «СВАДЬБА ШУТА ВЪ ЛЕДЯНОМЪ ДОМѢ ВЪ 1740 г.»</p> <p>ВЪ САДУ УСТРОЕНЫ ЛУЧШІЯ ВОЛЬШІЯ ЛЕДЯНЫЯ ГОРЫ.</p> <p><small>1) Извѣст. разрѣш. 18-го Января 1888 г. СПб. Градонач., Генерала-Лейтенанта Гроссера. № 6 (2 Февраля 1888).</small></p>	XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX ЦѢНА ЗА ВХОДЪ 1 Р. ДѢТИ 50 К. XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
--	---	--

Типографія Императорскихъ СПб. театровъ (Эдуарда Готье), Вознесенскій пр., № 28.

Афиша «Исторического Ледяного дома», открытого в саду «Аквариум» в январе–феврале 1888 г.

пию» знаменитого Ледяного дома 1740 года². Газета «Неделя» сообщила, что публике будет представлена «точная копия со знаменитого ледяного дома императрицы Анны Иоанновны, столько раз описанного историками и романистами и рисованного художниками»³. В последнем случае имелся в виду В. Якоби, а также иллюстраторы многократно переизданного романа. Из газет следует, что пока работал Ледяной дом, роман И. Лажечникова хорошо раскупали, а букинистам от Лажечникова было «не отбиться»⁴.

Известно, что г. Александров хлопотал о выделении ему участка на льду Невы напротив Летнего сада, но эта просьба была отклонена. Просил разрешить постройку в Михайловском саду или Румянцевском сквере, в качестве вероятных мест называли Марсово поле и Зоологический сад⁵. В результате Ледяной дом открылся в саду «Аквариум» 18 января 1888 года в 5 часов вечера. Афиши обещали процессию-пантомиму «Свадьба шута в Ледяном доме 1740 года», намеченную на тот день, когда она действительно состоялась – 6 февраля (18 по старому стилю), газеты писали о приезде самоедов⁶. Сообщения о готовящейся постройке Ледяного дома опубликовали все газеты. В «Петербургской газете» в день открытия на первой полосе поместили подробные описания Ледяного дома и шутовской свадь-

бы 1740 года, обнаружившие знакомство журналиста с историческим очерком С. Н. Шубинского из «Русской старины» за 1873 год.

Информацию о Ледяном доме поначалу печатали в рубриках «Хроника», «Театр и музыка» («Санкт-Петербургские ведомости», «Новое время»). В ожидании открытия исторического зрелища рассказывали о том, что в Петербурге «лет двадцать назад» уже строился Ледяной дом на аристократическом катке у Николаевского моста. Еще раньше, в начале 1860-х годов, был сооружен Ледяной дом в увеселительном заведении И. Излера⁷, но в уменьшенном виде. Одновременно с Ледяным

домом в саду «Аквариум» в 1888 году был построен такой же в Москве в Зоологическом саду, «как, впрочем, и три года назад»⁸. Сам А. И. Александров писал, что зрелище было благосклонно встречено прессой и пользовалось огромным успехом у публики – за месяц его посетили 15 000 человек.

Антрепренер слегка приукрасил. Сразу после открытия Ледяного дома тон газетных сообщений изменился, а сами они из центральных газет скоро исчезли. В других изданиях сведения переместились в «Заметки празднующающегося» («Петербургская газета»), «Городские анекдоты» («Петербургский листок»), фельетонные обозрения

В. Якоби «Свадьба в Ледяном доме». 1878 г.

Эскиз декорации А. Я. Головина к опере А. Н. Корещенко «Ледяной дом» на либретто М. И. Чайковского. 1900 г.

(«Неделя»). Из них следует, что народу на открытии было мало, многие, узнав цену на билет (2 рубля), уходили. «Было довольно уныло, и публика бродила, повесив носы». Утешал только буфет «с приличными ценами»⁹. Если в Ледяном доме 1740 года было тесно, то Ледяной дом 1888 года «пуст, как после посещения судебного пристава»¹⁰. Последнее замечание касалось не только количества публики, но и того, что предметов в интерьере было маловато.

Иронию вызвали многочисленные исторические несоответствия разрекламированной «точной копии». В спальне Ледяного дома не оказалось знаменитого камина – его установили в сенях, и он ужасно чадил. Не было ледяного полога, чепцов и тапочек, зато

стояла «какая-то ледяная табуретка». Сени превратили в гостиную и поставили там ледяные стулья, вазы, шкаф. Не хватало пушек на фасаде и скульптур на фронтоне.

Относительно публики газеты сообщали, что в первый день пришло всего 132 человека, во второй – 230. Самым удачным был день 21 января, когда продали 500 билетов¹¹. Цену пришлось снизить до одного рубля (детям – 50 копеек). Это обычная практика. То же самое происходило, скажем, на «Выставке освещения» в Русском техническом обществе, подробные отчеты о которой регулярно помещали газеты в январе–феврале 1888 года. Но в случае с осветительными приборами материалы о самой выставке явно перевешивали историю с ценами. В сюжете с Ледяным домом репортеров больше всего занимало, окупится ли затея г. Александрова, которая обошлась ему в 4–5 тысяч рублей, или он «на ледяном доме обожжется»¹².

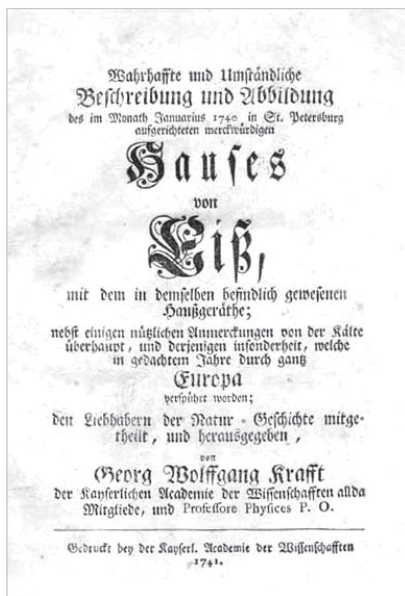
Фельетонисты вдоволь порезвились над «оборотистым» антрепренером. «Праздношатающийся» из «Петербургской газеты» утешал г. Александрова: вот погода станет потеплее, публика и повалит. Александров сокрушался – ведь тогда и «зрелище» растет. В другом анекдоте говорится, будто бы в Ледяном доме состоялось собрание театрально-литературного кружка (о нем действительно писали газеты):

«– Бог с вами, кружок обедал в ресторане Эрнеста «Медведь».

– Но почему же говорят, что в Ледяном доме?

– А это потому, что Эрнест не истопил своего заведения и артисты кутались во что попало»¹³.

Названные Александровым 15 тысяч посетителей, вероятно, преувеличение. «Санкт-Петербургские ведомости» помещали статистические обзоры, где указывали, сколько зрителей побывали за месяц в различных театрах и зрелищных заведениях: от 20, а то и 30 тысяч, посетивших Мариинский театр, до 75 человек в музыкальной школе. Сад «Аквариум» посетили за весь январь 8 тысяч человек, в феврале примерно столько же, и это не означает, что все они были посетителями Ледяного дома. На каток, скажем, бра-

Титульный лист книги Г. В. Крафта «Подлинное и обстоятельное... описание... Ледяного дома». Изд. на нем. яз. (1741)

ли отдельный билет (40 копеек). К тому же зрелище было открыто не больше месяца. Но, вероятнее всего, затея окупилась и даже принесла доход, поскольку через два года Александров устроил нечто подобное в Риге¹⁴.

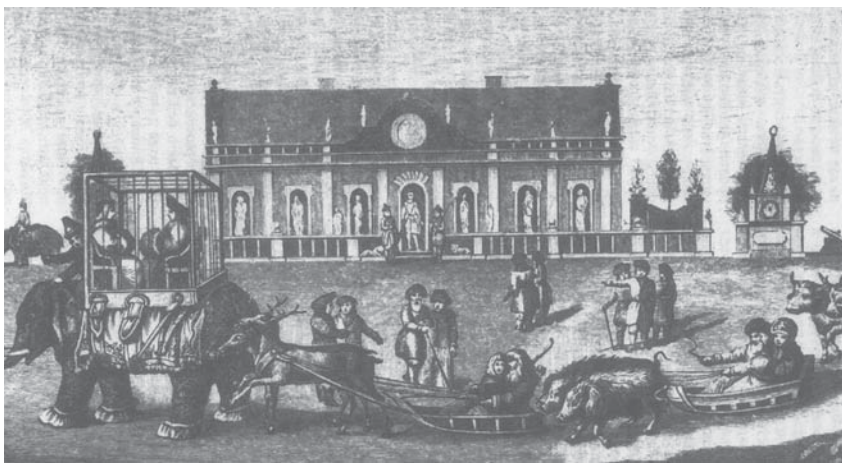
Непонятно, состоялась ли обещанная историческая пантомима. «Праздношатающийся» «подглядел», как господин Александров катался перед Ледяным домом в упряжке, запряженной медведями, – не то репетировал, не то впал в детство. И все. Неизвестно, сэконобил антрепренер на шутовской свадьбе или репортеры ее проигнорировали. Со свадьбой или

без, но ожидавшееся «дворцовое зрелище грозного бироновского времени»¹⁵ превратилось в фарс.

От Ледяного дома тогда много ждали. Он должен был быть прекрасен, «как будто... из одного куска сапфира...», и зловещ. Однако на самом деле Ледяной дом, построенный в саду «Аквариум» зимой 1888 года, освещенный электричеством и бенгальскими огнями, был «эффектен»¹⁶, но не более. Даже если перед ним и разыграли шутовскую свадьбу силами цыган, самоедов и детей, которые должны были изображать карликов, вряд ли это было страшно. Трагический накал страстей, пережитый читателями романа, был доступен в лучшем случае драматической сцене, но не балаганному зрелищу. И в 1900 году на сцене Мариинского театра была поставлена опера «Ледяной дом» (композитор А. Н. Корещенко, либретто М. И. Чайковского, художник А. Я. Головин). Как знать, возможно, это была попытка реабилитировать образ, разрушенный «историческим зрелищем».

Надо заметить, что поразительная устойчивость мрачных красок в изображении Ледяного дома из самих исторических источников не следует. Сейчас, когда парализующее воздействие романа ослабло, они читаются иначе.

В Ледяном доме 1740 года нет ничего страшного – это барочный курьез, ученая потеха, зрителя удивляют, но готовы тут же растолковать «чудо» и объяснить его «законами естества». Именно так описан Ледяной дом академиком

Маскарадное шествие перед Ледяным домом. С гравюры из книги С. Н. Шубинского «Исторические очерки и рассказы» с пометкой «редкая гравюра того времени»

Петербургской академии наук, профессором математики и физики Г. Крафтом. Собственно описание Ледяного дома составляет лишь часть книги, все остальное – рассуждения естественнонаучного порядка. Дом, «учиненный большим количеством ледяной материи», по идее мог бы стоять в одном ряду с «итальянскими опытами» Э. Торричелли и Б. Паскаля, «магдебургскими полушариями» О. фон Герике, с придворными токарнями петровского времени, которые ценились не только как мастерские, но и как само зрелище машины – «театрум махинарум»¹⁷.

Маскарадное шествие к Ледяному дому, поставленное с участием *всех* народностей, населявших империю – «всего государств различнотинцев и разноязычников»¹⁸, тоже было устроено по научной программе. Маскарадная комиссия во главе с А. П. Волынским, занимавшаяся «составлением проекта маскарадного для оного церемониала и всеми к тому приготовлениями»¹⁹, действовала в соответствии с результатами последних научных экспедиций В. Беринга, Г. Миллера, С. П. Крашенинникова. То было тщательно организованное зрелище, поражавшее зрителя не только разнообразием, но и тем, что «нимало во установленном порядке помешательства не было»²⁰. Перед Ледяным домом – театром экспериментальной физики – было разыграно зрелище этнографии и географии.

Только отчаянно модернизируя ситуацию, можно считать придворные зрелища XVIII века пустыми забавами и беспечной тратой денег. Из XIX века, когда существенно изменилась роль науки в обществе и способы ее организации, когда изменился статус научной деятельности и ученых профессий, когда физические опыты вошли в программу школьного образования, придворные забавы Анны Иоанновны показались странностью.

Забвению оказался предан еще один важный момент. Ледяной дом 1740 года и шутовская свадьба с маскарадным шествием были частью празднования Белградского мира. В программе празднования были торжественные приемы во дворце, раздачи наград и подар-

ков, фейерверки, итальянская опера. Как вспоминал В. А. Нащокин, «все походные штаб и обер-офицеры были трактованы во дворце богато за убранными столами и по два дни обедали и потчеваны до вольно». Для всех горожан тоже было приготовлено угощение – жареный бык и бочки с вином, установленные перед дворцом, императрица наблюдала за этим с балкона и бросала вниз золотые монеты. Ледяной дом также был частью всенародного празднования и решал определенную эмблематическую задачу.

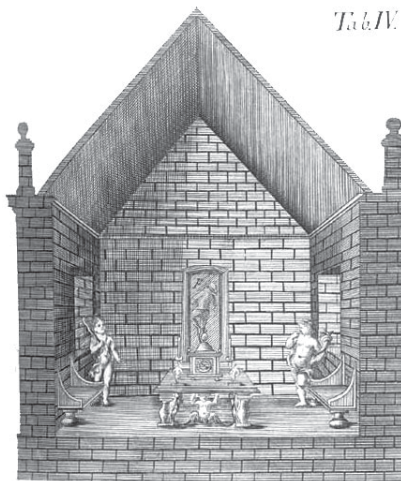
Войска, шедшие торжественным маршем через весь город к дворцу императрицы, были увенчаны кокардами из настоящего лавра, «ибо в древние времена римляне, с победы, входили в Рим с лавровыми венцы»²¹. Славные «римляне» маршировали мимо Ледяного дома, потехи исключительно северной, нигде более невозможной²². Если римский триумф представлял собой универ-

так важен образ контраста – тепло и холод, лед и пламень, образ пространства, где встречаются цивилизация и варварство²³. По словам графа де Сегюра, Петр Великий победил природу, «распространив над этим вечным льдом живительное тепло цивилизации»²⁴. Похваля Северу стала специфическим мотивом национальной поэзии: «Немало зрю в округе я доброт: // Реки твои струи легки и чисты // Студен воздух, но здрав его есть род» (В. К. Тредиаковский). Тема укрощения Севера стала поводом для особой гордости, аспектом национального достоинства: «Где снега вовек не тают // Там науки процветают» (А. В. Сумароков). Северная держава уподоблялась древним и прославленным царствам юга: «Но Бог меж лидыстами горами // Велик своими чудесами: // Там Лена чистой быстринной, // Как Нил народы напоет // И бреги, наконец, теряет, // Сравнившись морю шириной». И даже превосходила их: «Небесной синевой одеян, // Павлина посрамляет вран» (М. В. Ломоносов).

Огонь, извергавшийся из ледяных фигур, ледяные окна, освещенные огнями свечей, ледяные деревья вперемежку с живыми, померанцевыми, – весь этот «лед и пламень» был устроен как воплощенная метафора.

Маскарадное действо в рамках викториальных торжеств – традиция Петровской эпохи. А. М. Панченко считал, что шутовские действия были, по замыслу Петра, «школой веселья», в которой формально соединились и западные образцы всешутейного собора, и скомошеские площадные зрелища²⁵. Из записок В. А. Нащокина видно, как похожи «курьезная свадьба» князя-папы П. И. Бутурлина, входившая в программу празднования Ништадского мира, и курьезная свадьба Голицына в дни празднования Турецкого мира. Но если свадьба князя-папы П. И. Бутурлина представляла собой секуляризованную и европеизированную скомошью потеху, то свадьба Голицына явно эволюционировала в сторону ученой забавы.

Турецкий мир принес России сомнительную выгоду: «...такого постыдного смешного договора, как белградский 1739 г., ей заклю-

Гостиная в Ледяном доме.
С гравюры из книги Г. Крафта

сальную традицию, универсальную в том смысле, в каком античный Рим считался колыбелью всего цивилизованного человечества, то Ледяной дом олицетворял триумф Севера.

Юг и Север – понятия, наделенные в XVIII веке не только географическим, но метафорическим смыслом – это цивилизация и дикость. Поэтому, как показал Л. Вульф, в путевых заметках иностранцев XVIII века о России был

чать еще не доводилось и авось не доведется», – писал В. О. Ключевский²⁶. В свете же побед Екатерининского времени та победа окончательно поблекла. Постепенно Ледяной дом оказался словно вырванным из целостной программы празднований, которая охватывала *все* общество, была устроена по последнему слову науки и принципиально включала национальные сюжеты. Все это для XIX века было несущественно, поэтому «опустевший» образ наполнился новым романтическим содержанием, с которым и не удалось совладать в 1888 году А. И. Александрову.

В 2006 году на Дворцовой площади Петербурга был построен новый Ледяной дом силами арт-центра «Ледовая студия». В прессе был ощутим легкий аромат скандала в связи с тем, что 6 февраля – день намеченного открытия, он же день исторической шутовской свадьбы – совпало с днем поминовения св. Ксении Блаженной²⁷. Открытие Ледяного дома перенесли на два дня. О нем написали все газеты и сообщили все телеканалы. Билеты стоили недешево: за двадцатиминутный осмотр нужно было заплатить 150 рублей, за фотосъемку еще 50 рублей, ночью соответственно 300 рублей и 150; были льготы – пенсионеры могли осмотреть ледяное величие бесплатно, но только по понедельникам и вторникам с 9 до 10 утра. Особые условия были созданы для новобрачных. Согласно прейскуранту, фотосессия для них стоила 5000 рублей. По слухам, участие в «специальных мероприятиях» – от 300 до 1000 евро. Публика шла, у входа толпилась очередь.

Собственно, главное, чем Ледяной дом 2006 года похож на свой исторический прототип – это лед, строение изо льда в любом случае выглядит необычно и эффектно. В остальном историческая достоверность соблюдена лишь в самых общих чертах, хотя при современных технологиях можно было бы добиться большего соответствия. Особенно нахально выглядели искусственные растения с ярко-розовыми цветами, изображавшие, вероятно, фантастический сад 1740 года, в котором стояли ледяные деревья попеременно с живыми.

Была обещана свадьба. Проект предусматривал «военный парад, венчание и шествие свадебных пар в национальных костюмах, отобранных в результате конкурса и представляющих различные регионы России и зарубежья, – все эти мероприятия дадут наиболее полное представление об историческом событии»²⁸. Уже после открытия пресс-служба губернатора разъяснила, что церемонии бракосочетания в Санкт-Петербурге проводятся исключительно во Дворцах бракосочетания и в районных отделах загса²⁹. «Ледовая студия» согласилась: будет только шествие свадебных пар и чествование новобрачных³⁰. То, что получилось, и отдаленно не напоминало «представление об историческом событии».

Понятно, что целью устройства новейшего Ледяного дома было зрелище. Но какое? Не историческое. По крайней мере, историческая достоверность легко приносилась в жертву обстоятельствам. Вряд ли работникам арт-центра близок символ обреченной на гибель деспотической власти и поправленного человеческого достоинства, каким так долго был Ледяной дом.

С трагическим и зловещим образом Ледяного дома пришлось «поработать» – были предприняты усилия по его реабилитации. Когда А. И. Александров предлагал публике хорошо известный образ, он надеялся на собственные силы. В создании Ледяного дома 1888 года не было замечено участия архитекторов, реставраторов или историков. «Ледовая студия» решила внести существенные коррективы в содержание образа и привлекла для этого науку. С результатами теоретических изысканий можно ознакомиться на сайте арт-студии.

Удачным следовало бы назвать материал, посвященный маскарадной свадьбе³¹. Шутовскую свадьбу и курьезный подклет новобрачных «вернули» в программу празднования мирного договора с Турцией, показали державный пафос маскарадного действия и научный характер его подготовок. Тем самым шутовская свадьба перестала быть пустой и бесчеловечной прихотью невежественной

императрицы, и одна из романтических опор оказалась поколеблена. Однако ценность этого раздела существенно умаляет недостаток ссылок и анонимность явно авторской интернет-публикации. Нет возможности повторить путь исследователя, некого поздравлять, не с кем и спорить, если найдутся желающие. Если же вернуть этому тексту признаки научности, он может существовать самостоятельно. Ему не нужен реконструированный Ледяной дом со своими пластмассовыми цветами и китайской пиротехникой.

Описание шутовской свадьбы, вынесенное в раздел «История трагикомическая», вызывает недоумение³². Вновь без комментариев была пересказана повесть Ю. Нагибина «Квасник и Буженинова» (1986). Надо заметить, что романистов, писавших о времени Анны Иоанновны, мало интересовали чувства героев шутовского действия, несмотря на то, что русская литература давно «открыла» маленького человека. Ю. Нагибин был первым, кто подошел к своим героям словно от лица всей русской словесности, с ее особой поэтикой страдания и жертвенности. Он одарил Голицына временным сумасшествием, тот просто не понимал происходившего, а значит, не чувствовал позора. Буженинову, напротив, наделил особым достоинством и мудростью, позволившими ей сохранять внутреннее благородство в самых уязвимых для самолюбия ситуациях. Писатель, без сомнения, модернизировал психологию людей середины XVIII века, но по существу он довел до конца ту работу, которую не выполнили его предшественники, озабоченные судьбами героев истории и равнодушные к статистам. Нагибинская повесть как раз продолжает и завершает романтическую традицию Лажечникова, от которой считают себя свободными создатели нового Ледяного дома. На интернет-сайте пересказ повести Ю. Нагибина выглядит веселым и пряным. Тем же новобрачным, кто читал саму повесть, отождествлять себя с героями захочется разве что в дурном сне.

К откровенным натяжкам относится и «сенсационное» заявление о том, что архитектором Ле-

дяного дома является П. Еропкин, а кроме него «приложили руку» к созданию исчезнувшего памятника Д. Трезини, К. Бланк, Л. Каравак, И. Вишняков³³. Историки XIX века, уважительно относившиеся к источникам, писали о соблазнительности такой версии. П. Еропкин был «конфидентом» А. Волынского, главы маскарадной комиссии, был казнен вместе с ним и погребен рядом. Но никаких новых свидетельств в пользу авторства Еропкина или кого-то из названных деятелей до сих пор не обнаружено.

От интернет-материалов можно было бы отмахнуться. Но виртуальное пространство, с его принципиальной мозаичностью, неразборчивостью в средствах, отсутствием ответственности, как нельзя лучше соответствует тому отношению к истории, которое реализовано в проекте 2006 года – отношению утилитарному, коммерческому. Здесь истории не больше, чем в «исторических» телесериалах последних лет. Это не постмодернизм, если считать, что тот декларирует равноправие исторических смыслов, умеет их реконструировать и иронически переосмыслить. Это артефакт индустрии развлечений, для которой история не более чем яркая упаковка, повышающая цену товара. Основная цель проекта Ледяного дома-2006 – прибыль, отсюда безразличие и к науке, и к просветительству, и к профессионалам, и к обычным зрителям.

Постройка Ледяного дома, по идее устроителей, лишь этап долговременной программы, направленной на развитие ледового искусства и на активизацию туризма. Программа заявляется как патриотическая и осуществляется как коммерческая. Никакого противоречия в этом создатели Ледяного дома-2006 не видели. Напротив, они полагали, что таковы «новые формы использования культуры для формирования имиджа России, для утверждения ее новой роли и места в мировой цивилизации». Цитата из выступления В. В. Путина на заседании Совета по культуре и искусству 5 марта 2002 года является эпиграфом к главной странице интернет-сайта «Ледовой студии»³⁴. На деле по-

лучается профанация истории и бойкая торговля историческими образами.

В Павловске за границей парка есть живописный ресторан «Подворье», стилизованный под деревянные хоромы, в сенях стоит чучело медведя с рюмкой водки на подносе. На территории ресторана пару лет назад установили огромную деревянную горку и зимой заливают каток, куда может

прийти любой желающий. Посетители ресторана (а это в основном иностранные туристы, приезжающие целыми автобусами), наслаждаясь блинами с икрой, могут наблюдать зимние забавы туземного населения. Особую пикантность этому зрелищу должно придавать соседство с европеизированными императорскими резиденциями. Не на этот ли опыт ориентировались руководители «Ле-

довой студии», называя свой проект «инициативой, направленной на утверждение новой философии жизни, объединяющей полет творчества и гармоничность физического развития»?

Известно, что история свершается как трагедия, а повторяется как фарс. Печально, что следом приходит менеджер, готовый извлечь звонкую монету из того и другого. ■

¹ Крафт Г. Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге в генваре месяце 1740 года Ледяного дома и всех находившихся в нем домовых вещей и уборов с приложенными при том гридоровальными фигурами, также и некоторыми примечаниями о бывшей в 1740 году во всей Европе жестокой стуже, сочиненное для охотников до натуральной науки через Георга Вольфганга Крафта Санктпетербургские императорские Академии наук члена и физики профессора. СПб., 1741.

² Исторический Ледяной дом. Сооружен под наблюдением А. И. Александрова. Открыт в «Аквариуме» 18 января 1888 г. СПб., 1888. С. 2.

³ Неделя. 1888. 17 янв. № 3. С. 106–107.

⁴ Петерб. газ. 1888. 17 янв. № 16.

⁵ Санкт-Петерб. ведомости. 1887. 16 (28) дек. № 346.

⁶ Там же. 1888. 18 (30) янв. № 18.

⁷ Там же. 1888. 20 янв. (1 февр.). № 20.

⁸ Там же. 1888. 27 янв. (8 февр.). № 27.

⁹ Там же. 1888. 19 (31) янв. № 19.

¹⁰ Петерб. газ. 1888. 21 янв. № 20.

¹¹ Санкт-Петерб. ведомости. 1888. 22 янв. (3 февр.). № 22.

¹² Петерб. газ. 1888. 20 янв. № 19.

¹³ Там же. 1888. 3 февр. № 33.

¹⁴ Исторический Ледяной дом. Сооружен под наблюдением А.И. Александрова. Открыт в Верманском парке. Рига, 1890.

¹⁵ Петерб. газ. 1888. 18 янв. № 17.

¹⁶ Санкт-Петерб. ведомости. 1888. 17 (29) янв. № 17.

¹⁷ Подробнее: Никифорова Л. В. Ледяной дом как эпизод экспериментальной науки // История науки и техники. 2006 (в печати).

¹⁸ Нащокин В. А. Записки В. А. Нащокина // Русский архив. 1883. Кн. 2. Вып. 4. С. 288.

¹⁹ Краевский А. А. Записка об Артемии Вольнском. М., 1858. С. 7.

²⁰ Нащокин В. А. Указ. соч. С. 288.

²¹ Там же. С. 286.

²² Напомним, кстати, что в январе 2006 г. Москва и Лондон обменялись «сувенирами», об этом сообщали все газеты и телеканалы. В Москве был установлен ледяной Биг-Бен, а в Лондоне – собор Василия Блаженного. Ледяной собор не простоял в Лондоне и нескольких дней ($t + 11^{\circ}$), он растаял, несмотря на специальные установки, обдувавшие его холодным воздухом. <http://www.vz.ru/news/2006/1/11/18438.html>

²³ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании европейцев эпохи Просвещения. М., 2003.

²⁴ Цит. по: Вульф Л. Указ. соч. С. 59.

²⁵ Панченко А. М. Скоморохи и «реформа веселья» Петра I // Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 355–368.

²⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1989. Ч. IV. С. 277.

²⁷ Горелик А. Православные против Ледяного дворца. Верующие разглядели кощунство в морозной забаве // Комс. правда. Санкт-Петербург. 2006. 10 февр.

²⁸ <http://icestudio.ru/project.html>

²⁹ http://www.interfax.ru/r/B/sz/172.html?menu=32&id_issue=11463303

³⁰ Горелик А. Организаторы Ледяного дома в Петербурге предлагают новобрачным после ЗАГСа посетить потешный комплекс // http://www.interfax.ru/r/B/sz/172.html?menu=32&id_issue=11463303

³¹ Мир с Турцией, день рождения императрицы, Ледовый дом и «забавная свадьба» // <http://www.icestudio.ru/history3.html>

³² Забавная свадьба // <http://www.icestudio.ru/history5.html>

³³ <http://www.icestudio.ru/history2.html>

³⁴ <http://www.icestudio.ru/enter.html>

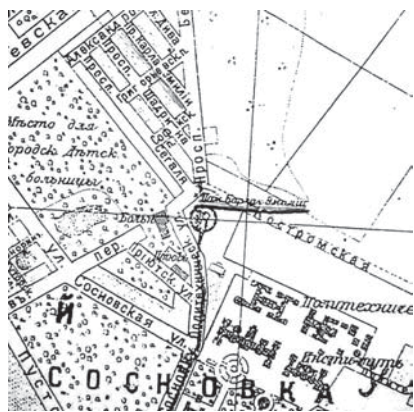

Карл и Эмилия. Проекты памятника

В. Г. Бем

В прошедшем году была опубликована статья Н. В. Лаврентьева «Карл и Эмилия. Легенда и быль»¹. Безусловно, такая любовь достойна увековечения. Подобные памятники существуют как в Европе, так и в других городах России. Журналист Сергей Глезеров писал о некоторых из них². Памятник влюбленным установлен в небольшом сквере в бельгийском городе Бридже; в Челябинске – в парке; в Саратове – на набережной Волги...

На плане Петрограда и его окрестностей 1917 года памятник Карлу и Эмилии обозначен за Политехническим институтом, на пересечении Политехнической улицы, проспектов Бенуа (ныне Тихорецкий пр.) и Сегалья (проезд Раевского). Проспект Карла и Эмилии шел параллельно пр. Сегалья и соединял пр. Бенуа и Александровский (ныне Светлановский пр.). Памятник представлял собой могилу с металлическим крестом и стихотворной надписью на двух языках – русском и немецком.

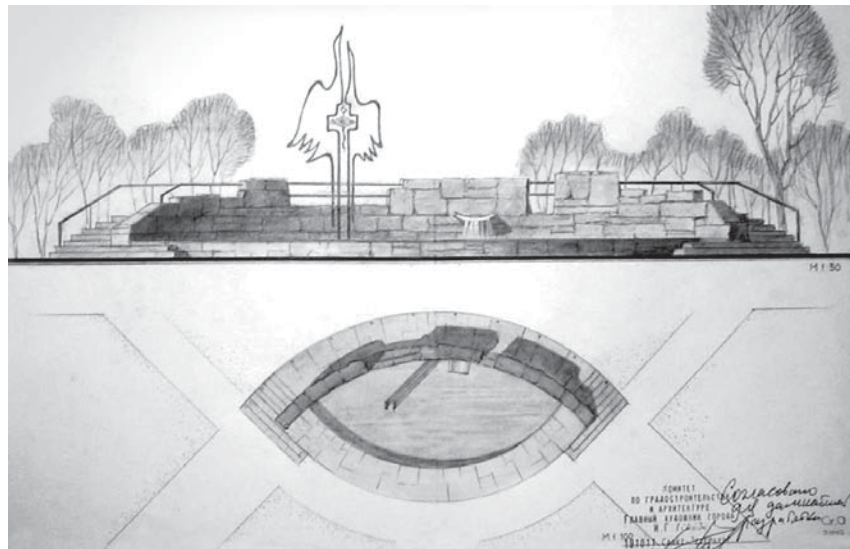
В 1998 году возродился интерес к петербургским Ромео и Джульетте. Появились идеи памятника:

от скромного креста – памятного знака на месте могилы (у здания Института цитологии) до создания острова на Ольгинском пруду с романтической скульптурной группой в стиле Родена, цветными парусами-крыльями, цветомузыкой, как место встреч молодежи и ритуального поклонения новобрачных... Член Союза архитекторов Станислав Одновалов осуществил концепцию знака в виде взлетающих из озера лебедей. Идея была одобрена главным художником Санкт-Петербурга Иваном Ураловым.

В 2002 году было согласовано новое место установки памятника – на Тихорецком проспекте, за трамвайным кольцом. Станислав Самохвалов подготовил новый проект, который также был согласован с И. Ураловым. Проект представлял собой сооружение из розового гранита размером 10x5 метров и высотой около 2 метров. В передней части памятника созда-

собрание жителей близлежащих кварталов Выборгского и Калининского районов. Собравшиеся поддержали идею создания памятника петербургским влюбленным, был выбран общественный комитет. К сожалению, дальнейшая ра-

валось стилизованное озеро из серого гранита. Из озера вверх устремлялась пара лебедей (общая высота 6 метров). Из стенки на слегка наклоненную поверхность озера стекали струйки воды...

6 марта 2003 года состоялось

собрание жителей близлежащих кварталов Выборгского и Калининского районов. Собравшиеся поддержали идею создания памятника петербургским влюбленным, был выбран общественный комитет. К сожалению, дальнейшая ра-

бота была приостановлена из-за болезни руководителя проекта.

Кто возьмется продолжить это важное для людей дело? ■

¹ История Петербурга. 2005. № 5.

² Глезеров С. Нет повести печальнее на свете... // Смен а. 2003. 14 февр.

П. Я. Дашков: собиратель и меценат

Н. Ю. Меньшенина

В конце XIX – начале XX века дом на Михайловской площади¹, 5, в Петербурге современники называли не иначе как «Михайловская старина», что наиболее точно передавало царившую в нем атмосферу и дух его хозяина, Павла Яковлевича Дашкова, высокообразованного аристократа, страстного коллекционера гравюр и документов по русской истории. Многие историки, художники, любители старины стремились побывать в том доме.

Дашков принадлежал к древнему дворянскому роду. Его дед, Андрей Яковлевич Дашков (1777–1831), женатый на баронессе Евгении Осиповне Прейсер (1783–1881), в 1809 году был определен генеральным консулом в Северо-Американские Соединенные Штаты, где с 1811 по 1817 год занимал пост чрезвычайного посланника и полномочного министра². Отец Павла Яковлевича, Яков Андреевич Дашков (1803–1872), с 1852 года являлся чрезвычайным посланником и полномочным министром при дворе короля шведского и норвежского³. Мать П. Я. Дашкова, Павла Ивановна Бегичева (1817–1887), увлекалась живописью и, живя в Стокгольме, состояла в шведском Обществе любителей искусства.

Двоюродным братом отца был директор Румянцевского музея Василий Андреевич Дашков⁴. Во время его директорства при Румянцевском музее открылся публичный музей, который было принято называть Дашковским, так как он своим открытием и существованием был обязан главным образом В. А. Дашкову.

Дядей отца П. Я. Дашкова являлся известный государственный деятель, министр юстиции, переводчик, литературный критик, прозаик Дмитрий Васильевич Дашков (1788–1839)⁵, ставший в 1812 году одним из основателей литературного общества «Арзамас»⁶.

Павел Яковлевич Дашков,
действительный член
Императорской академии
художеств (1903–1910).
Публикуется впервые.
Из частного архива

П. Я. Дашков родился 28 января 1849 года. В 16 лет он был определен в Императорский Александровский лицей, который окончил в декабре 1869 года⁷ и связь с которым сохранил до конца жизни. Он состоял товарищем председателя Пушкинского лицейского общества с момента его основания. По окончании лицея П. Я. Дашков был зачислен на службу в Государственную канцелярию, сверхштатным чиновником которой, дослужившись до чина действительного статского советника кодификационного отделения, числился до самой смерти.

В семье было пятеро детей: Павел, Андрей, Дмитрий, Евгения и Анна. Они получили прекрасное домашнее образование в России и в Швеции. Старшие мальчики продолжили его в Петербурге, где большое участие в их воспитании принимала сестра матери Анна Ивановна Колзакова⁸. Павел успешно справлялся с

учебой в Императорском лицее и на каникулах обычно ездил к родителям в Стокгольм.

К наследию прадедов и отцов Дашковы всегда относились бережно и тщательно сохраняли. Гордостью семьи были серебряный ковш с надписью о пожаловании царем Алексеем Михайловичем Андрею Яковлевичу Дашкову; собрание русских монет; серебряный столовый сервиз франко-американской работы, в стиле «empire», подаренный Андрею Яковлевичу Дашкову по окончании дипломатической службы. В семейном архиве хранились его воспоминания того периода, автографы президентов – Вашингтона, Франклина, а также картины, изображавшие Новый свет, приобретенные Андреем Яковлевичем одновременно с теми, которые отсылались для Александра I. И кроме того – старые американские гравюры, первые ассигнации, газетные объявления и пр. Отец П. Я. Дашкова также оставил воспоминания и множество рисунков, гравюр, литографий, фотографий с видами Стокгольма и окрестностей.

С юношеского возраста П. Я. Дашков стал приобретать «все то писанное и печатное, гравированное и рисованное, что содержало в себе хоть некоторое историческое значение и имело цену для истории русской жизни, к какой бы эпохе не относилось»⁹. Основную часть его собрания составляли материалы, относившиеся к XVIII–XIX векам (рукописей более ранних в нем почти не было). Интересы П. Я. Дашкова были очень разнообразны, но сосредотачивались преимущественно на русской гражданской и военной истории и истории русской литературы. Помимо документов из частных архивов России, он покупал автографы и гравюры в различных городах Европы: Берлине, Лейпциге, Дрездене, Лондоне, Кракове, Риге, Париже и Амстердаме. В Петербурге

Дашков был частым покупателем в магазине эстампов Фельтена (у Полицейского моста в доме Голландской церкви) и в книжном магазине И. Г. Мартынова (на углу Вознесенского пр. и Большой Морской)¹⁰. Все приобретенное им было разбито на две части: одна хранилась в имении Дашковых «Надбелье» Лужского уезда на границе Петербургской и Новгородской губерний¹¹, где он проводил каждое лето и часть осени, занимаясь разборкой и систематизацией коллекций, а другая – в квартире собственного дома на Михайловской площади. П. Я. Дашков подготавливал материалы по истории России и русской культуры. Тут были и мемуары, и переписка, часто интимная, такая, которой появиться в печати было, быть может, даже не суждено. Он вчитывался, вдумывался, вглядывался... в бумагу, в почерк, в ряд штрихов и деталей, ускользающих от человека, знакомящегося с документами бегло. Его коллекциями было удобно пользоваться, так как, обладая обширными знаниями, П. Я. Дашков мог систематизировать материал по событиям и эпохам.

По мере накопления коллекции имя П. Я. Дашкова стало широко известно в кругах коллекционеров, издателей, любителей старины, и, главным образом, историков, искавших материал для своих иссле-

П. Я. Дашков. Петербург. 1900-е гг.
Публикуется впервые.
Из архива П. Я. Дашкова ИРАИ
(Пушкинский Дом) РАН

дований. Обращаясь к нему, они находили не обычного собирателя-чудака, а высокообразованного ценителя, имевшего свое видение истории, великолепно знавшего многие детали и факты, скрытые от других. В. Боцяновский отмечал: «Было бы большой ошибкой думать, что Дашков был интересен как коллекционер, что интересна была его коллекция, а сам он никого не мог интересовать. Я иногда его представлял себе в виде Нестора нашего времени, летописца. Правда, он ничего не писал. Но он мог бы написать бесчисленное количество. Он сам был воплощенная живая летопись»¹². Утренние часы П. Я. Дашкова «часто сплошь заняты были обучением являвшейся к нему ученой молодежи, даже весьма зрелого возраста. Целыми днями трудился он для совершенно незнакомых ему лиц, приезжавших со всех концов России, пересматривая свои сокровища и добывая нужные для них материалы. «Я не могу быть спокоен, пока не отпущу его домой, – говорил Дашков, – не могу видеть его лица равнодушно, зная, что он должен жить в Петербурге, пока я буду откладывать его дело»¹³. «Умилительно было наблюдать, – вспоминает Б. Б. Глинский, – как этот пожилой и усталый человек порою возился с каким-нибудь молоденьким офицером, откомандированным своею частью для составления истории полка, для работы над таким трудом, создать который у него не было ни научной подготовки, ни знаний, ни технической сноровки. Дашков входил в рассмотрение и обсуждение далеко не одной внешней стороны и техники выполнения, он вникал в дело по существу вопроса и часто поучал, наводил автора работы, объясняя ему и освещая перед ним разные моменты из событий, входивших в содержание изложения»¹⁴. П. Я. Дашков повлиял на характер исторических исследований, на их технику и, как отмечал Н. О. Лернер, «приучил исследователей к работе по первоисточникам, внушил им стремление к точности и достоверности»¹⁵. Начиная с 1880-х и вплоть до 1910-х годов в Петербурге появился ряд иллюстрированных изданий по истории России, а также книг, приуроченных к той или иной дате многочисленных юбилеев начала XX века.

П. Я. Дашков. Петербург. 1900-е гг.
Публикуется впервые.
Из архива П. Я. Дашкова ИРАИ
(Пушкинский Дом) РАН

Иллюстративный материал большинства из них был заимствован из дашковского собрания. «Вообще, надо сказать, что П. Я. Дашкова следует считать родоначальником всех иллюстрированных изданий последнего двадцатилетия», – констатировал И. Н. Божерянов в предисловии к изданию «Санкт-Петербург в Петрово время»¹⁶. При непосредственном участии П. Я. Дашкова были составлены и изданы истории полков: Кавалергардского (в 4 т. СПб., 1899–1912), Лейб-гренадерского (1906), ее величества Уланского (в 2 т. СПб., 1903), его величества Кирасирского (Т. 1. СПб., 1902; Т. 2. СПб., 1904), Морского кадетского корпуса¹⁷ и т. д. Дашкова благодарили составители изданий, посвященных юбилею Петербурга, 50-летию реформы отмены крепостного права (1911), 100-летию Отечественной войны 1812 года (1912), 300-летию дома Романовых (1913). Его богатейшим собранием пользовались исторические журналы («Русская старина», «Древняя и новая Россия», «Исторический вестник», «Былое», «Минувшие годы», «Всемирная иллюстрация»), издательства Суворина, Вольфа и др. Во всех изданиях, в подготовке визуального материала которых участвовал

П. Я. Дашков, иллюстрации были подобраны с учетом их историчности, т. е. современные описываемому событию или эпохе.

Помимо деловых посещений в доме П. Я. Дашкова происходили так называемые «Дашковские завтраки», одним из участников которых, оставившим о них самые яркие воспоминания, был знаменитый художник Александр Бенуа. Он вспоминал: «Не скрою, что, отправляясь к такому знаменитому и заслуженному лицу, с такой “исторической” фамилией, я несколько робел... Но эта робость сразу миновала, как только я переступил порог дашковской квартиры. Вся его обстановка оказалась совершенно не такой, какой я ее себе представлял. Бог знает почему я ожидал, что, войдя в этот снаружи издавна знакомый мне дом на углу Михайловской площади, в двух шагах от Михайловского театра, я окажусь в подлинно барских хоромах, с массой картин на стенах и с великолепной “дворцовой” мебелью. На самом деле эти комнаты были самыми обыкновенными, в гостиной висел всего один портрет, кресла и диваны покрыты чехлами... Что же касается самого хозяина, то я увидал вовсе не какого-либо важного вельможу, а передо мной предстал подвижной и прямо-таки юркий, сухонький, сидящий господин, с коротко стриженной бородкой, с волосами ежиком, и уж окончательно неожиданным было то, что этот господин препетешно заикался, а речь его, хоть и была безукоризненно правильной, однако в ней слышался как бы намек на иностранный акцент. <...> О, эти чудесные, эти пьяные завтраки за дашковским столом. Как не упомянуть о них добром и восторгом. Какие то были удивительно занимательные, разнообразные собеседования. Какое они мне доставляли наслаждение, сколько интересных людей я за ними перевидал и переслышал. Постоянные гости Павла Яковлевича являлись к нему, не дожидаясь, чтоб он особенно приглашал. Это были настоящие *Stammgäste* (нем.: постоянные гости, завсегдатаи); я довольно скоро попал в их разряд. А затем шла серия самых разнообразных персонажей, начиная с каких-то господ в военных и в гражданс-

ких мундирах, служивших в Охранном отделении, и кончая заведующим военными музеями и архивами. <...> меня просто тянуло к Дашкову, тянуло оказаться за этим столом и послушать все то, что там говорилось. Разговоры были почти всегда исторического характера; сообщались и обсуждались новейшие открытия всяких тайн (постоянно возвращались, например, к подробностям убийства Павла I или к тому, был ли или не был Федор Кузьмич действительно Александром I); рассказывались анекдоты про всяких первопланых личностей, обсуждались целесообразность распоряжения полководцев, выигравших или проигравших какое-либо знаменитое сражение и т. д. <...> Павел Яковлевич больше любил послушать умные и ученые речи и постоянно подзадоривал гостей к тому, чтобы они выкладывали побольше всяких сенсаций. Но изредка он и сам выступал с каким-нибудь рассказом (почерпнутым из его необъятного архива). И вот что странно: его заикание не только тогда не портило дела, а напротив, придавало его речи особую значительность и живописность. Он с ловкостью умел пользоваться заминками своего языка перед каким-либо особенно замечательным сообщением. Заминки эти служили ему многоточием, они же позволяли ему в течение такой паузы собраться с мыслями и отлить их в особенно отчетливую и поражающую формулу. При этом Павел Яковлевич начинал по-особенному ерзать на стуле, вертеться, оглядывать сидящих за столом, и все это подготавливало эффект, заставляло насторожиться и загореться особенным любопытством. “Сенсация” затем выпаливалась уже без заминки и с каким-то “триумфом”. Часто сенсации Павла Яковлевича бывали юмористического порядка, и тогда, сохранив величайшую серьезность до последнего момента и выпалив наконец то, чем он желал потешить аудиторию, он начинал трястись в каком-то молчаливом смехе, заражая им всех присутствующих. Да и заражать было нечего, ибо то, что подносил Павел Яковлевич, отличалось всегда тонким остроумием»¹⁸.

Начиная с 1890-х годов вокруг П. Я. Дашкова образовался кру-

жок историков-любителей, куда вошли: вел. кн. Николай Михайлович, Н. К. Шильдер (генерал-лейтенант; с 1899 года директор Императорской Публичной библиотеки), К. А. Военский (чиновник МИД, затем МВД, в 1907–1915 годах начальник архива Министерства народного просвещения, автор работ по русской и зарубежной истории XVIII–XIX веков), Е. П. Карнович (писатель, историк, юрист, автор первого биографического очерка цесаревича Константина Павловича), А. С. Кротков (генерал-майор, историк русского флота), А. М. Зайончковский (генерал-майор, военный историк) С. А. Панчулидзе (управляющий архивом Государственного совета, автор «Истории кавалергардов»), С. Н. Шубинский (отставной генерал-майор, занимался бытовой историей, преимущественно XVIII века; с 1875 по 1880 год редактор журнала «Древняя и новая Россия», а затем с 1880 года «Исторического вестника»), М. И. Пыляев (писатель, публицист), И. Н. Божерянов (писатель, историк театра и искусства) Е. С. Шумигорский (заведующий Архивом Ведомства учреждений императрицы Марии, биограф имп. Павла I и имп. Марии Федоровны), а также Н. И. Кутепов (генерал-майор, автор труда «Великокняжеская и царская охота на Руси»). Их объединило увлечение русской историей, которое со временем выросло в собирание и глубокое изучение исторических материалов, написание исторических трудов. Встречи происходили в основном в доме П. Я. Дашкова, а также во время посещений выставок, театра, совместных выездов на охоту к Н. И. Кутепову, исполнявшему в то время должность управляющего императорской охотой, в Гатчину. С П. Я. Дашковым подробно обсуждалась целесообразность привлечения тех или иных документов в исторических трудах, а также вопросы, связанные с их изданием. Вел. кн. Николай Михайлович вспоминал, что для всех предпринятых им трудов в области истории П. Я. Дашков снабжал его щедрой рукой и документами, и гравюрами, и рисунками, а также советовал, где и как их издать¹⁹. Так, в декабре 1902 года, он писал Дашкову: «Милейший Па-

вел Яковлевич, скорблю, что не могу Вас видеть и убедительно прошу Вас мне сообщить, когда доктора Вам разрешат принимать друзей Ваших и почитателей. Посылаю Вам при сем в Ваше полное распоряжение 10 мешков фотографий Москвы (и окрестностей) и Петербурга. Это все подготовительная работа для моего будущего издания. Не откажите сделать значки у тех портретов, которые Вы признаете *не подходящими* для издания. Со временем надеюсь подробно с Вами переговорить об этом предмете. Все 10 мешков – Ваша собственность. Весь Ваш. Николай»²⁰.

Огромную помощь и участие П. Я. Дашков оказал С. Н. Шубинскому, который смог у него познакомиться со многими представителями науки и литературы, стал непременным участником всех деловых и просто дружеских собраний. Громадная коллекция П. Я. Дашкова сыграла решающую роль в существовании редактировавшегося С. Н. Шубинским журнала «Исторический вестник»²¹.

Столь же многим были обязаны знаниям П. Я. Дашкова и его коллекции Н. К. Шильдер, С. А. Панчулидзе, К. А. Военский, Н. И. Кутепов, Е. С. Шумигорский.

П. Я. Дашков скончался 6 февраля 1910 года от кровоизлияния в мозг. Похоронен Павел Яковлевич в фамильном склепе на кладбище Новодевичьего монастыря. На известие о его смерти откликнулись представители искусства, литературы, науки. О П. Я. Дашкове и его коллекции появились статьи А. Бенуа, Вл. Боцяновского, вел. кн. Николая Михайловича, К. А. Военского, Б. Б. Глинского, В. Жерве, Н. О. Лернера, Е. С. Шумигорского и др.²² Его родные получили записки с выражением соболезнования от императрицы Марии Федоровны и от вел. кн. Ксении Александровны, и телефонограммы от вел. князей Михаила Александровича и Николая Николаевича, а также от принца П. А. Ольденбургского, графини М. Кутузовой, княгини М. Васильчиковой²³.

5 апреля 1910 года на собрании Пушкинского лицейского общества в память П. Я. Дашкова Б. Глинский, подводя итог выступлениям, сказал: «Около имени

Дашкова ныне образовалась довольно обширная литература, куда внесли свой вклад люди разных профессий и специальностей»²⁴.

Собрание П. Я. Дашкова, неизменно открытое для исследователей и публикаторов, дало возможность российскому обществу рубежа XIX–XX веков познакомиться с обширными материалами о прошлом своей страны. В советскую эпоху культурная сокровищница П. Я. Дашкова оказалась разделена между тремя хранилищами: предметы искусства и старины по-

ступили в Русский музей в Петербурге и Государственный исторический музей в Москве; рукописные материалы были переданы в Пушкинский Дом в Петербурге. В последнем научном учреждении они нашли особенно благодарных читателей. Рукописи из собрания Дашкова по сей день оказываются надежным подспорьем для исследователей творчества А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и других классиков русской литературы. ■

¹ Ныне площадь Искусств. Во втором дворе этого дома с 1912 по 1915 г. находилось литературно-художественное кабаре «Бродячая собака» – место встреч художественной богемы.

² См. о нем: Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 6. С. 134.

³ Там же. С. 143–144.

⁴ Дашков Василий Андреевич (1819–1896) – этнограф, директор Румянцевского музея.

⁵ См.: Шилев Д. Н. Государственные деятели Российской империи 1802–1917: Биобиблиогр. справочник. СПб., 2001. С. 208–210.

⁶ См.: Арзамас: Сб.: В 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вацура и А. Л. Осовата. М., 1994; Вацура В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига – Пушкина. М., 1978; Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и Арзамасское братство. Л., 1974.

⁷ Памятная книжка лицейств 1811–19 окт.–1911. СПб., 1911. С. 81.

⁸ Анна Ивановна Колзакова (урожд. Бегичева), родная сестра Павлы Ивановны Дашковой, была замужем за Павлом Андреевичем Колзаковым.

⁹ Глинский Б. Б. Среди литераторов и ученых. СПб., 1914. С. 124.

¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 1. Разные документы, относящиеся к нему, счета, расписки (преимущественно на нем. яз.) 1873–1876 гг.; Там же. Оп. 1. № 3. Разные документы, касающиеся покупки им автографов разных лиц (преимущественно на ин. яз.) 1878–1881 гг.

¹¹ Санкт-Петербургская губерния. Список населенных мест. СПб., 1864. С. 78.

¹² ГА РФ. Ф. 910. Оп. 1. Д. 45. Л. 1 б.

¹³ Там же.

¹⁴ Глинский Б. Б. Указ. соч.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 910. Оп. 1. Д. 45. Л. 1 в.

¹⁶ Санкт-Петербург в Петрово время: Юбил. изд. к двухсотлетию столицы. 1703–1903. СПб., 1903.

¹⁷ Морской кадетский корпус: Краткий ист. очерк. Составил по поручению Е. И. В. вел. кн. ген.-адмирала Алексея Александровича, августейшего шефа Морского кадетского корпуса ген.-майор А. Кротков. СПб., 1901.

¹⁸ Бенуа А. Мои воспоминания. М., 1993. Кн. 4–5. С. 326?327.

¹⁹ Великий князь Николай Михайлович Романов. Памяти П. Я. Дашкова. СПб., 1910. С. 4.

²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1 № 28. Л. 148. Открытка вел. кн. Николая Михайловича П. Я. Дашкову от 5 декабря 1902 г.

²¹ См.: Глинский Б. Б. С. Н. Шубинский (1834–1913): Биограф. очерк. СПб., 1913. С. 53.

²² Бенуа А. Павел Яковлевич Дашков // Речь. 1910. № 42; Боцяновский Вл. П. Я. Дашков и его коллекция // Новая Русь. 1910. № 38; Великий князь Николай Михайлович Романов. Указ. соч.; Военский К. А. Памяти замечательного русского человека // Санкт-Петерб. ведомости. 1910. № 32; Глинский Б. Наследие П. Я. Дашкова // Новое время. 1910. 12 февр. № 12185; Глинский Б. Б. П. Я. Дашков. Характеристика и воспоминания. СПб., 1910. (отг. из Ист. вестн. 1910. № 3); Лернер Н. Музей П. Я. Дашкова // Речь. 1910. № 41; Жерве В. П. Я. Дашков (некролог) // Русский инвалид. 1910. № 31; Шумигорский Е. П. Я. Дашков // Новое время. 1910. 8 февр. № 12181. См. также некрологи: Весь мир. 1910. № 2. С. 5 (с фотографией П. Я. Дашкова на смертном одре); Правительств. вестн. 1910. № 31; Русское чтение. 1910. № 31; Старые годы. 1910. Март; Светоч (прил. к журн. «Русский паломник») за 1910.

²³ РГВИА. Ф. 275. Оп. 1. Д. 339. Л. 6–7, 10–16, 19–21.

²⁴ Собрание Пушкинского лицейского общества в память П. Я. Дашкова. 5 апреля 1910 г. СПб., 1910. С. 4. (отг. из Ист. вестн. 1910. Апр.).

Шведы в Петербурге

Н. В. Юхнёва

ПРЕДЫСТОРИЯ. БОРЬБА ЗА ПРИНЕВСКИЕ ЗЕМЛИ

Земли, на которых в XVIII веке был основан Петербург, а также его окрестности – весь Северо-Запад – в течение тысячи лет входили в состав Древней Руси, Московского царства, Российской империи и СССР. Кроме XVII века, когда в течение почти столетия под властью Швеции оказались южный берег Финского залива, Карельский перешеек и северный берег Ладожского озера.

На протяжении многих столетий приневские земли были объектом ожесточенной борьбы между шведами и русскими. Русским был нужен выход к морю, Швеция претендовала на всю северную и среднерусскую равнину от Балтики до Урала.

В 1240 году новгородский князь Александр Ярославич одержал на Неве победу над шведами, которая в сознании русских навсегда осталась важнейшим событием: князь получил прозвище Невский и был церковью причислен к лику святых*. Борьба шла постоянно. Так, только за 40 лет в конце XIII – начале XIV веков произошло 15 сражений. В 1300 году шведы высадились при впадении реки Охты в Неву и заложили на мысу крепость, которую называли Ландскрона, что значит «Венец земли». На следующий год русские взяли штурмом крепость и разрушили ее до основания.

Чтобы защитить свои владения и торговый путь в Европу, новгородцы в 1323 году основали на острове Ореховом в истоке Невы деревянную крепость Орешек. В том же году в новой русской крепости новгородцы и шведы заключили договор о «вечном мире». Определенная договором граница разделила Карельский перешеек

между Новгородом и Швецией, устье Невы и южный берег Финского залива остались за русскими. Через 25 лет «вечный мир» был нарушен шведским королем Магнусом Эриксоном, который захватил Орешек.

После присоединения Новгорода к Московскому государству при Иване III (1478) приневские земли стали раздавать московским помещикам. Почти сто лет прошли мирно. Во второй половине XVI века, при Иване Грозном, произошло самое значительное столкновение – Ливонская война. После нее границы между Москвой и Швецией в основном не изменились по сравнению с Ореховским договором.

В начале XVII века Русь подверглась польской и шведской интервенции. Шведский полководец Делагарди приказал в 1611 году возвести на мысу при впадении реки Охты в Неву (там, где в XIV веке была шведская крепость Ландскрона) крепость Ниеншанц.

В 1617 году был заключен Столбовский мирный договор между Россией и Швецией, по которому к Швеции отошли приневские земли, получившие наименование Ингерманландии. Старинная русская крепость Орешек была переименована в Нотебург, против крепости Ниеншанц, на противоположном берегу р. Охты заложил город Ниен. Напротив Ниена, на другой стороне Невы, находилось русское село Спасское, православный центр Приневы в годы шведской власти.

Завоеванные земли раздавались шведским и немецким феодалам. Крестьяне, до того не знавшие помещиков, попадали в тяжелую зависимость. Насильственно вводилось лютеранство. Крестья-

не массами бежали на восток, в русские земли. На месте русских, карельских, ижорских, водских крестьян поселили финнов, необходимых новым феодалам как рабочая сила.

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

Попытка вернуть захваченные Швецией земли была предпринята в начале русско-шведской войны в середине XVII века, но вернуть выход к Балтийскому морю тогда не удалось.

Задачу возвращения захваченных земель выполнила Северная война. Война длилась очень долго (1700-1721) и охватила огромные пространства (Архангельск, Карельский перешеек, Невские берега, Эстляндию и Лифляндию, Польшу и Литву, Белоруссию, Украину, Саксонию). Военные действия велись главным образом между Швецией и государствами Северного союза, в который входили в разное время Россия, Саксония, Пруссия, Дания, Польша.

Война началась вторжением в принадлежавшую Швеции Лифляндию саксонских и польских войск. Россия объявила Швеции войну и практически сразу потерпела жестокое поражение под Нарвой. Реваншем стало взятие русскими Нотебурга и Ниеншанца. Нотебург был переименован в Шлиссельбург – «Ключ-город», а Ниеншанц – в Шлотбург.

Для защиты отвоеванных земель 16 мая 1703 года заложил крепость на Заячьем острове (будущую Петропавловскую). Этот день считается датой основания Петербурга. Под защитой крепостных стен начал расти город. В 1712

* А. Невский был канонизирован к общецерковному почитанию Собором 26 февраля 1547 г. – *Ред.*

году, вскоре после разгрома шведов под Полтавой, столица России была перенесена из Москвы в Петербург.

Блестящие для России результаты Северной войны были закреплены Ништадским мирным договором (1721), по которому Россия получила «в совершенное непокословное вечное владение и собственность» Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии.

ПОСЛЕДНИЕ ВОЙНЫ

Две войны в XVIII веке были развязаны Швецией, которая стремилась к реваншу после грандиозного поражения в Северной войне. Война 1741–1743 годов оказалась для России успешной, потери были небольшими, по мирному договору к ней отошла часть Финляндии. После почти полувекового мира король Густав III начал новую войну (1788–1790). Он выдвинул совершенно неприемлемое для русского двора ультимативное требование вернуться к границам до Северной войны, что имело только один результат – подъем патриотических настроений в русской армии. В итоге этой войны государства остались в старых границах. Последняя война, уже в начале XIX века, закончилась присоединением к России Финляндии (1809)

ШВЕДЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Первые шведы появились в Петербурге с момента его основания. Это были жители Ниена, переселившиеся из своего разрушенного городка на левый берег Невы ниже по течению. Там были построены финская и шведская церковь, существующие до сих пор. Вторая группа шведов в начальном Петербурге – шведские военнопленные.

С середины XVIII века шведы стали приезжать в русскую столицу по собственной инициативе – главным образом, ремесленники, но также и ученые, художники. Наиболее тесные связи были с Финляндией (она тогда принадлежала шведской короне); объясня-

лось это территориальной близостью к Петербургу. В XIX веке, после присоединения Финляндии к России, связи ее с русской столицей еще более активизировались. Однако в Петербург приезжали не только финляндские шведы, которые стали российскими подданными, но также шведы-иностранцы – подданные шведской короны.

В конце XIX – начале XX века численность шведов в Петербурге была около 5 тысяч. Среди них более всего было уроженцев Финляндии и потомственных петербуржцев. Шведские подданные составляли не более четвертой части всех шведов, причем около половины тех иностранцев родились в Петербурге.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ШВЕДСКИЙ ЦЕНТР

Совсем близко от Невского проспекта, на Малой Конюшенной улице, находится главный шведский центр.

После падения Ниеншанца некоторые шведы из города Ниена переселились именно в этот район (местность называлась тогда «Финские шхеры»). Они, а также шведские военнопленные, составили основу первоначальной шведской общины. Уроженец Або (теперь – Турку) военнопленный пастор

Якоб Майделин возглавил не только шведов, он стал главой всех лютеран столицы. Своей церкви тогда у лютеран не было, богослужения проходили на квартире Майделина.

Большие изменения произошли в годы, когда пастором был Густав Леванус. При нем община получила участок на Большой Конюшенной, где был построен деревянный храм и освящен во имя св. Анны (дело происходило в годы правления Анны Иоанновны). Через год произошел окончательный разрыв между шведами и финнами (конфликты начались давно). Финны вышли из общины и оставили за собой храм (впоследствии они построили на том же месте другой, освященный во имя св. Марии). Участок разделили пополам, шведам досталась часть, выходящая на параллельную улицу (Малую Конюшенную).

Вновь построенная шведская церковь была освящена во имя св. Екатерины (в то время императрицей была уже Екатерина II). Через сто лет храм перестал удовлетворять прихожан. За два года был построен новый храм по проекту архитектора К. Андерсона. В 1865 году церковь освятили под старым именем св. Екатерины.

Рядом с церковью находилось несколько принадлежавших ей до-

Церковь Св. Екатерины. Арх. Карл Андерсон. Фото К. Буллы

мов, в которых помещались школа и богадельня. В 1905 году архитектор Ф. Лидваль построил тут же для общины доходный дом.

Пастор Эрик-Густав Эрстрём (1791–1835) – один из выдающихся членов шведской петербургской общины, пастор церкви Св. Екатерины в 1826–1835 годах. Он родился в семье священника в отдаленном приходе Финляндии (тогда она еще входила в состав Шведского королевства). В 1807 году поступил в университет в Або (Турку). В 1809 году Финляндия стала частью Российской империи, и юноша в 1811 году поехал совершенствовать знание русского языка в Московский университет. Учиться в нем, однако, Эрстрёму пришлось недолго. Взятие Москвы Наполеоном, странствия по близким ее окрестностям вместе с русскими беженцами, закрытие на некоторое время Московского университета из-за последствий пожара – все это завершилось тем, что Эрстрёму пришлось вернуться в Або, где он закончил свое образование и приступил к работе в шведской академии.

Специалистом по русскому языку Э.-Г. Эрстрём стал блестящим. Он написал и издал учебник русского языка для начинающих (на шведском языке), учебник русской грамматики, трехтомную Российскую хрестоматию со словарем. Этими учебными пособиями пользовались в университетах и школах Финляндии до конца XIX века. Кроме того, Эрстрём занимался и научными исследованиями – он стал одним из первых славистов в Финляндии.

Исследовательский склад ума Эрстрёма имел важное для истории петербургских шведской и финской общин следствие. Он разобрал старые архивы финской и шведской церквей и через три года издал в Або объемистую книгу под заголовком «Историческое описание общин Св. Екатерины и Св. Марии, или Шведская и финская общины в С.-Петербурге с краткими сведениями о всех общинах в Российской империи, подчиняющихся евангелическому соборному капитулу в С.-Петербурге».

Эрстрём – швед, его родной язык – шведский. Тем более симпатична его деятельность по про-

паганде финского языка. В то время вся образованная и высокообразованная часть населения Финляндии состояла из шведов, простой же народ говорил по-фински. Эрстрём писал: «Финская нация, которая должна быть единым целым, подвергается риску быть понемногу расколотой на две части. Когда теряется любовь к языку, то охлаждается и приверженность к народу, на нем говорящему. Поэтому финский язык должен стать и языком образованных классов». Эрстрём в 1821 г. разработал программу развития финского языка и внедрения его в образовательную и административную системы, осуществившуюся лишь на рубеже XIX и XX веков. Он впервые ввел термин «финляндец», который объединял всех уроженцев страны независимо от происхождения и родного языка. Интересно, что, будучи пастором в Петербурге, он с таким же рвением ратовал за сохранение петербургскими шведами своего родного языка, прилагая к этому немалые личные усилия.

Э.-Г. Эрстрём, один из зачинателей национально-освободительной борьбы финляндцев, широко развернувшейся в конце XIX – начале XX века, был почти забыт финскими националистами за его симпатию к России и за выступления о необходимости изучения в Финляндии русского языка.

Герман Каянус (1852–1913) был пастором церкви Св. Екатерины самый длительный срок – 28 лет, с 1885 года до своей смерти в 1913 году. Родился он в Гельсингфорсе в семье, принадлежавшей к шведской элите Финляндии. Его предки владели большими поместьями еще в XVII веке, отец руководил земельной управой. Герман стал помощником настоятеля собора в Або. В то время шла национальная борьба за «финнизацию», против «шведского засилья». Новая ли обстановка, иные ли семейные традиции тому причиной, но Г. Каянус призывал к сохранению и развитию национальной культуры финляндских шведов, в отличие от Э.-Г. Эрстрёма, ратовавшего полвека назад за подъем и распространение финского языка. Такая позиция Г. Каянуса не устраивала финское ду-

ховенство, ему пришлось перейти на преподавательскую работу, а потом и уехать в Петербург.

Став пастором церкви Св. Екатерины, Г. Каянус продолжал претворение в жизнь своих шведофильских идей. Он сетовал, что в школе при церкви училось много детей, не принадлежавших к общине, и принялся за реформирование школы. Было принято решение, что дети членов общины должны иметь преимущественное право поступления в школу и что шведский язык должен быть обязательным предметом. В актовом зале школы Каянус собирал взрослых прихожан, приносил газеты и делился новостями из Швеции и Финляндии, иногда пел шведские народные песни, аккомпанируя себе на пианино. Патриотические настроения петербургские шведы высоко ценили просветительскую деятельность Каянуса.

ШВЕДСКИЙ ОПЫТ В РОССИИ: РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И АРМИИ

При проведении реформ Петр I широко использовал западноевропейский опыт. В государственном строительстве и преобразованиях в армии – более всего шведский. При этом он не слепо копировал, а приспособливал шведскую систему к российским условиям.

Петр создал в России бюрократическую систему, которая, со всеми присущими ей плюсами и минусами, просуществовала очень долго, определив на многие годы примат государственных интересов над частными. Были утверждены регламенты, столь же детальные и столь же строгие, как военные. «Лакомство» и «похлеbstво» (т. е. взятки и коррупция) считались преступлениями «взящее измены». Ни до, ни после Петра в России не издавалось такого количества указов о смертной казни за должностные преступления.

Военная реформа в особенности опиралась на шведский опыт. Шведская армия была одной из сильнейших в Европе, Петр хорошо понял это в ходе военных действий. При подготовке Воинских артикулов русской армии были

использованы шведские артикулы XVII века. Принятый при Петре текст военной присяги почти полностью совпадал со шведским.

Шведы часто участвовали в государственном управлении России, служили в ее армии.

Р. Х. Боур (1667–1717) не был взят в плен, а сам перешел на русскую сторону в 1700 году под Нарвой. Это способствовало его быстрой военной карьере. Ротмистр в армии Карла XII, он в русской армии командовал большими подразделениями в сражениях при Лесной и под Полтавой, получил звание генерала от кавалерии.

В апреле 1721 года, еще до окончания Северной войны, Петр издал манифест, призывавший военнопленных оставаться в России на военной и гражданской службе. На призыв откликнулись в основном немцы из Курляндии, но были также и шведы. В Коллегиях они занимали низшие должности (бухгалтеры, адвокаты, переводчики, канцеляристы). Высокого поста в гражданской службе достиг Карл Принценштерн, который стал вице-президентом камер-коллегии, ведавшей бюджетом государства.

Трудились шведы и на дипломатическом поприще. Капитан Ю. К. Шницер сопровождал китайское посольство к подданному Петра I – калмыцкому хану. Шведский инженер Лоренц Ланг много сделал для налаживания русско-китайских связей.

Для России важен был морской опыт Швеции. На русскую службу были приняты шведские морские офицеры, штурманы и лоцманы. Даниил Вильстер получил чин вице-адмирала.

Шведы – выходцы земель, перешедших к России, и ставшие российскими подданными, поступали на русскую службу.

Прибалтика под властью Швеции была около 100 лет (Эстляндия и Лифляндия – несколько больше, Курляндия – меньше). В то время в нее переселились некоторые шведские феодалы. Они были полностью интегрированы немецкой элитой и, когда после присоединения Прибалтики к России стали появляться в Петербурге, воспринимались как немцы. Сами себя они также считали немцами, хотя и помнили (благодаря

Карл Густав Маннергейм – российский офицер.
Фото из кн.: Власов Л.В. Густав Маннергейм в Петербурге (СПб., 2003)

генеалогическим записям) о своем шведском происхождении.

Финляндия была завоевана Швецией в XV веке. Шведская знать получила там обширные владения, образовав высший слой населения. Когда в 1809 году Финляндия перешла под власть России, ее шведская элита присягнула российскому императору.

Финляндцы Г.-М. Армфельд и Р.-Г. Ребиндер первую часть своей жизни служили шведскому королю, вторую – русскому императору. И тот и другой были востребованы русскими императорами в управлении Финляндией как понимавшие ее специфику. Так, Р. И. Ребиндер дважды был министром по делам Великого княжества Финляндского (в 1811 году и в 1834–1852 годах).

В конце XIX века финляндские шведы все более и более становились петербуржцами, получая в столице образование и служа в ней. Назову только одного – Карл Густав Маннергейм (1867–1951). Он родился в Финляндии, учился в Кадетском корпусе в Петербурге, до 1917 года состоял на службе в русской армии, был офицером царской свиты. Служба и жизнь проходили вне Финляндии, финского языка он не знал. Испытывая симпатию к России и ненависть к большевизму, Маннергейм в 1918 году пытался объединиться с Белым движением. После провозглашения независимости Финляндии связал с ней свою судьбу. Маршал и главноко-

мандующий финской армии, он участвовал в войнах против Советского Союза, в 1944–1946 годах был президентом Финляндии.

ШВЕДЫ В НАУКЕ

Петербургская Академия наук, в отличие от академий в других странах, была государственным учреждением, а не добровольным ученым сообществом, пользовалась значительной материальной поддержкой правительства. Одним из важных стимулов для приезда иностранцев в Россию в XVIII веке было понимание того, что в Петербурге создаются лучшие, чем у них на родине, условия для научной работы. Правда, поначалу шведы попадали в Россию не по приглашению, а как военнопленные.

С середины XVIII века завязались прочные связи между российской академией и академией в Стокгольме. Обе академии были созданы в XVIII веке, в обеих преобладали немецкие ученые, немецкий был языком преподавания и научного общения; все это упрощало сотрудничество. Шведские ученые становились почетными членами Петербургской академии (например, К. Линней), русские – членами Шведской королевской академии (М. В. Ломоносов, Н. Я. Озерецковский, С. Я. Румовский). Интенсивные связи были у петербургских академиков и со шведской академией и университетом, расположенными в Финляндии, в г. Або.

Некоторые шведы становились действительными членами Петербургской академии наук, жили и работали в русской столице.

А.-И. Лексель (1740–1784) родился и получил университетское образование в Финляндии, преподавал математику в университете и Морском училище в Швеции. В Петербург стал академиком, профессором астрономии и математики. Навсегда связав себя с Россией, Лексель не терял связи с родиной – был членом Упсальской академии.

И. П. Фальк участвовал в грандиозной академической экспедиции конца 1760-х – начала 1770-х годов, посвященной изучению России. К. Г. Лаксман родился в 1737 году в Або, в Петербург приехал в 25-летнем возрасте, преподавал физику и естествознание.

Через два года уехал в Сибирь, провел там 5 лет, объехал огромные пространства для изучения природных богатств. По возвращении в Петербург был избран академиком, заняв сразу две вакансии – профессора экономики и профессора химии.

В 1836 году на базе Кунсткамеры был создан Музей этнографии. Подлинно научное руководство им началось тогда, когда в 1845 году Музей возглавил академик А. И. Шёгрэн (он оставался на этом посту до своей смерти в 1855 году). Шёгрэн родился в 1794 году в Финляндии, там же получил университетское образование. А. И. Шёгрэн, лингвист самого широкого профиля, является основателем российского финно-угроведения.

Петербургский языковед и этнограф М. Х. Кастрен также родился и окончил университет в Финляндии. Он изучал малые народы Севера и Сибири, доказал принадлежность языка эвенков к финно-угорской группе.

ШВЕДЫ – ДЛЯ ФИННОВ

До начала XIX века, когда Финляндия находилась под властью Швеции, официальным языком там оставался шведский. Не было на финском языке ни газет, ни школ, не говоря уже о высших учебных заведениях. После присоединения Финляндии к России русскому правительству стало ясно, что следует опираться не только на высшие слои ее населения – шведов, но и на народные массы, говорившие по-фински. Было разрешено преподавание на финском языке в учебных заведениях Финляндии, а в Петербургской губернии государство финансировало финские школы. В 1820–1830-е годы началось финское национальное пробуждение, движение за право развития финского языка. Движение это начали шведы, ученые и преподаватели академии в Або. Среди них – языковед Р. Раск, Эрик-Густав Эрстрём, этнограф и лингвист Кастрен. С большим сочувствием к делу изучения финского языка относился член Петербургской императорской академии Шёгрэн.

ШВЕДСКИЕ АСТРОНОМЫ В ПУЛКОВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

Первая русская обсерватория находилась в башне Кунсткамеры и поначалу исправно служила академической науке. Открытие новой обсерватории, построенной на вершине Пулковской горы в 19 км от центра Петербурга, состоялось в 1839 году.

В Пулковской обсерватории с момента ее основания и до 1917 года работали семь шведских астрономов. Обсерваторию называли «астрономической столицей мира» – высококлассное оборудование, блестящий состав сотрудников; неудивительно, что поработать в Пулкове стремились многие, в том числе и шведы.

Шведский астроном Магнус Нюрен проработал в русской обсерватории 40 лет, до пенсии. В 1890 году он был назначен на пост заместителя директора. Оскар Баклунд поступил работать в Пулковскую обсерваторию в 1878 году, в 1883 году был избран академиком, а в 1895 году стал ее директором. Таким образом, некоторое время шведы занимали в Пулковской обсерватории две руководящие должности: директора (Баклунд) и его заместителя (Нюрен).

ШВЕДСКИЕ РЕМЕСЛЕННИКИ

Гораздо больше, чем ученых, было в Петербурге шведов – ремесленников разных специальностей. Портные, сапожники, слесари приезжали в основном из Финляндии. Часовщиков и ювелиров среди шведов было много. Особенно это относится к редкой профессии часовщиков. Золотых дел мастеров было в столице тоже немало. К концу XIX века шведская ювелирная фирма «Болин» пользовалась, наряду с фирмой «Фаберже», большой известностью.

По указанию Петра I в Петербурге в 1714 году было создано два ювелирных цеха – русский и иностранный. Русский составляли мастера, переселенные из Москвы. В иностранном преобладали немцы, финны и шведы. Последние часто возглавляли иностранный цех. В 1733 году на Большой Морской

улице поселился один из первых членов иностранного цеха – уроженец Финляндии Юхан Реймер. С тех пор и до 1917 года Большая и Малая Морские были улицами петербургских ювелиров.

В XVIII веке должности придворного ювелира занимали обычно французы, итальянцы и швейцарцы. Во второй половине XIX века в Петербурге на первое место вышла фирма, основанная шведом Болином. В конце XIX века это была самая крупная ювелирная фирма в России, имела отделения в Москве и в других городах.

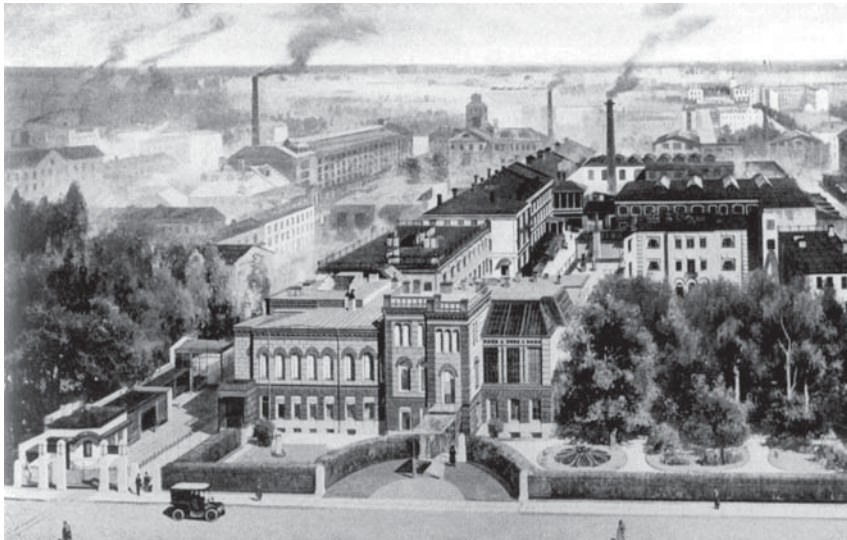
ШВЕДСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И РАБОЧИЕ

С основания Петербурга и до конца XIX века центром сосредоточения шведов был район между Мойкой и Екатерининским каналом, где находилась шведская церковь Св. Екатерины. С конца XIX века в этом отношении с центром соперничала Выборгская сторона. В 1869 году в центре проживали 34% всех петербургских шведов, на Выборгской стороне – 8%, в 1910 году соответственно 17 и 19%. Шведы на Выборгской стороне – это главным образом владельцы, администрация и рабочие заводов, а также персонал Финляндской железной дороги, которая обслуживалась исключительно финляндцами.

Среди шведских предприятий Выборгской стороны – телефонный завод Эриксона. К концу Первой мировой войны на нем работали 3000 человек, вдвое больше, чем на телефонном заводе Эриксона в Стокгольме. На Выборгской стороне находился и Механический завод «Людвиг Нобель». Семейство Нобелей занималось также нефтеразработками на Кавказе. О петербургской деятельности Нобелей – отдельный рассказ.

НОБЕЛИ В ПЕТЕРБУРГЕ

«Нобелевский городок» – так назывался комплекс, принадлежавший петербургским промышленникам Нобелям, занимавший обширное пространство между

«Нобелевский городок».
На переднем плане – резиденция Нобелей. Арх. Карл Андерсон.
На заднем плане – завод.
Из кн.: Янгфельдт Б. Шведские пути в Санкт-Петербург
(Стокгольм; СПб., 2003)

Эммануил Нобель. 1893 г.
Из кн.: Янгфельдт Б. Шведские пути
в Санкт-Петербург
(Стокгольм; СПб., 2003)

Нюстадской улицей и Сампсониевским проспектом. Кроме производственных зданий там находилась жилая колония, где селились рабочие завода. В 1901 году было построено трехэтажное здание школы для детей рабочих и Народный дом. Рядом с Народным домом – особняк, где жила семья Эммануила Людвиговича Нобеля, последнего владельца завода.

Первый Нобель, Иммануил (1801–1872), в молодости был архитектором и занимался стро-

ительными подрядами в Стокгольме. После банкротства он покинул Швецию, год пробыл в Або, а в 1838 году приехал в Петербург, где завел механическую мастерскую, вскоре превратившуюся в завод. Во время Крымской войны завод выполнял заказы по изготовлению подводных мин. После войны количество заказов сократилось, фирма обанкротилась, и Иммануил Нобель вернулся в Швецию.

Иммануил Нобель. 1870 г.
Из кн.: Янгфельдт Б. Шведские пути
в Санкт-Петербург
(Стокгольм; СПб., 2003)

Три сына Иммануила Нобеля – Роберт, Людвиг и Альфред – родились в Швеции, подростками приехали в Петербург, после отъезда родителей на родину остались в нем навсегда. Младший сын – Эмиль – родился в Петербурге.

Альфред Нобель (1833–1896), используя научные изыскания химиков Н. Н. Зинина и В. Ф. Петрушевского, разработал принцип производства динамита, после чего в нескольких странах основал фабрики по его изготовлению. Всемирную известность Альфред Нобель приобрел, завещав часть своего огромного состояния на пять ежегодных премий: по физике, химии, физиологии или медицине, литературе, а также за достижения в деле осуществления идей мира и сближения народов. А. Нобель умер в 1896 году, премии начали присуждать с 1901 года ежегодно на проценты с капитала учредителя. К нашему времени число лауреатов Нобелевской премии превысило 500.

Людвиг Нобель (1831–1888) наследовал дело отца в Петербурге, владел заводом 30 лет, дал ему свое имя – Механический завод «Людвиг Нобель». Это название сохранялось после смерти Людвиг Нобеля еще 30 лет (вплоть до революции), когда хозяином завода уже был его сын Эммануил.

С 1899 года завод «Людвиг Нобель» выпускал двигатели конструкции Р. Дизеля. Они были использованы впервые в 1900-х годах в русских кораблях. С этого начался век теплоходов, сменивших пароходы. Эммануил Людвигович принял российское подданство, решив навсегда соединить свою судьбу с Россией. Но жизнь сложилась иначе: в 1917 году вся собственность Нобелей была конфискована, он эмигрировал в Швецию.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НОБЕЛЕЙ

Людвиг Нобель был одним из учредителей Русского технического общества и поддерживал его материально.

Эммануил Людвигович Нобель продолжил и расширил не только предпринимательскую, но и благотворительную деятельность

своего отца. За 20 лет (до 1909 года) он пожертвовал на благотворительные цели 600 тыс. рублей (по тем временам – очень большие деньги). Это не считая ежегодных расходов на содержание Народного дома и школы в Петербурге, сейсмической станции в Баку, на стипендии для учащихся, столовую для немущих.

Во время эпидемии холеры 1892 году Э. Нобель выделил Институту экспериментальной медицины средства для командирования двух сотрудников института в Баку «на холеру». В том же году он стал членом-сотрудником этого института, продолжал помогать ему материально.

Участвовала в благотворительной деятельности и сестра Эммануила Нобеля. Марта Людвиговна Нобель-Олейникова окончила Петербургский женский медицинский институт, работала врачом в приюте при шведской церкви Св. Екатерины. В течение 15 лет она специально занималась благотворительными делами Товарищества братьев Нобель (улучшение быта рабочих и служащих, организация школ, приютов, лечебниц, санаториев), внесла большие средства на со-

Народный дом Нобелей. Фото К. Буллы

здание Женского медицинского института, Первых женских политехнических курсов. В начале Первой мировой войны в помещении Народного дома Э. Нобеля был развернут лазарет для раненых, его возглавила М. Л. Нобель-Олейникова.

НАРОДНЫЙ ДОМ НОБЕЛЯ

Народные дома – особый тип просветительных учреждений для

нижних слоев городского населения, главным образом – рабочих. Они стали возникать в России в самом конце XIX века, в 1913 году их уже насчитывалось 222. Народный дом Нобеля для рабочих и служащих завода открылся в 1901 году. Зал первого этажа предназначался для вечеров и собраний. Там устраивались праздники для детей и взрослых. Зал второго этажа назывался «аудитория с эстрадой», в нем читали лекции, на спе-

Елка в Народном доме Нобелей. Фото К. Буллы

циальном экране показывали «ту-манские картины» (диапозитивы), устраивались концерты. В Народном доме была библиотека с читальней, бильярдная. В нем работали любительские кружки, ставились спектакли. Посетителями Народного дома были рабочие и служащие не только Механического завода Л. Нобеля, но и других промышленных предприятий Выборгской стороны.

Диалог культур в конце XIX – начале XX века

В развитие русского балета большой вклад внес шведский танцовщик и балетмейстер Пер-Христиан Йогансон. Родился Йогансон в Стокгольме в 1817 году, умер в Петербурге в 1903 году. В течение двадцати лет (с 1840 года) Йогансон был ведущим танцовщиком императорского театра. После этого он сорок лет преподавал балетное искусство в балетном училище и ставил спектакли в Мариинском театре, продолжая классические балетные традиции М. И. Петипа. Йогансон был одним из учредителей Петербургского скандинавского благотворительного общества, основанного в 1877 году.

Конец XIX – начало XX века – период сильного увлечения в России Скандинавией, ее литературой. Особенно популярны были швед Август Стринберг и норвежец Генрик Ибсен.

Прозаические произведения Августа Стринберга появились в русских переводах в 1890-х годах и сразу завоевали успех среди читателей и литераторов.

Первый в России спектакль по пьесе Стринберга был поставлен в театре Яворской (Новом театре) осенью 1901 года. Пьеса «Преступление и преступление» была

встречена не особенно восторженно. Через три года в Новом театре состоялась премьера второй пьесы Стринберга – «Отец», она прошла с триумфом. Одновременно та же пьеса была поставлена в Александринском театре. С этой пьесой Новый театр ездил на гастроли в Польшу и Англию, а Александринский – по городам России. В 1906 году в Новом театре состоялась премьера пьесы Стринберга «Графиня Юлия». Пьесы Стринберга впоследствии ставились в разных городах России, но первооткрывателем его драматургии был Петербург.

Северный модерн Ф. Лидваля

На рубеже XIX и XX веков в архитектуре сформировался новый стиль – модерн, что значит «новый». Для Петербурга был характерен «северный модерн», получивший распространение и в Скандинавии. Для этого направления характерна суровость и лаконичность архитектурного облика зданий, в облицовке которых широко использовался местный материал – гранит. Поэтичность, романтическую приподнятость зданиям придают изогнутость линий, растительный орнамент, асимметрия, необычные формы оконных проемов. В скульптурном декоре характерны северные мотивы – изображения сов, зайцев, лисиц, медведей.

Одним из ярких представителей петербургского «северного модерна» был швед Федор Иванович Лидваль. В течение 20 лет он строил в Петербурге здания в этом стиле. Программным произведением модерна можно считать жилой дом при шведской церкви Св. Екатерины. Лучшим доходным домом, построенным Ф. Лидвалем, считается сквозной жилой комплекс гра-

Федор Лидваль. Начало XX в.
Из кн.: Янгфельдт Б. Шведские пути
в Санкт-Петербург
(Стокгольм; СПб., 2003)

фа М. П. Толстого (наб. Фонтанки, 52–54, Троицкая ул., 15–17).

Ф. Лидваль возвел монументальное респектабельное здание Азовско-Донского коммерческого банка (Большая Морская ул., 3–5), сейчас в нем разместились Центральная междугородная телефонная станция. Осуществил внутреннюю перепланировку и надстройку гостиницы «Европейской», им была спроектирована и построена гостиница «Астория».

Южное Средиземное море объединило лежащие вокруг него страны в ареал средиземноморской культуры. Подобную роль играло (и продолжает играть) для Северной Европы Балтийское море, которое можно назвать Северным Средиземным морем. В настоящее время единство интересов балтийских стран все более осознается. Петербург органической частью входит в это содружество. ■

Клянемся бестью и Черновым...*

Н. В. Лаврентьев

Новосильцев, раненный в бок, в области печени, был перенесен в близлежащий кабак. О его последних днях сохранилось уникальное письмо, адресованное Екатерине Владимировне Новосильцевой. Написано оно одним из близких друзей семьи Новосильцевых Николаем Прокопьевичем Пражевским и обнаружено известным археологом и собирателем рукописей А. А. Титовым в начале XX века. Известно, что Н. П. Пражевский в момент дуэли находился в Петербурге и ничего не знал о ней. Привожу это письмо:

«Милостивая государыня
Екатерина Владимировна!

Приступая к исполнению поручения вашего, состоящего в описании всех происшествий, относящихся к милому незабвенному сыну вашему со времени полученной им раны до последней минуты его жизни, сожалею о том, что провидение не одарило меня теми способностями, с коими мог бы я изобразить во всем величии твердость духа и спокойствие, с которыми добродетельный двадцатилетний юноша ожидал своей кончины. Истина вознаградит недостаток красноречия, – вы желали первой.

Кажется, не излишним будет напомнить вам, что милый юноша 9-го сентября, в вечеру пред роковым днем, дабы сколь можно более успокоить вас и отклонить самое малейшее с вашей стороны подозрение о решенном уже наутро поединке, занимался у вас весь вечер с господином Лизогубом музыкою так покойно, что ни вам, ни окружающим – никому не могло прийти на мысль, что выражающий приятные звуки кларнета юноша через несколько часов должен идти на смерть. Так готовится

В. Д. Новосильцев.
Портрет из семейного склепа

встретить оную душа праведная. 10-го числа, на рассвете, узнал я о месте поединка и поспешно отправился туда с господами Васильцовским и Лизогубом. Лишь только приблизились мы к месту, то услышали выстрел, а за ним минуты через две и другой. Здесь уже мы побежали на помощь. Слова, произнесенные сыном вашим довольно громко:

– Ах, Боже мой! Пособите ему, удостоверьте нас, что он [К. П. Чернов] жив.

Вслед за сим встретили мы и его самого, идущего довольно твердо. Секундант, державший его за руку, сказал нам:

– Поддерживайте его, у него пуля в боку.

– Да, – сказал нам незабвенный юноша, улыбаясь, – я ранен и, кажется, не легко.

Более трехсот шагов шел он, поддерживаемый нами, до ближайшего дома и говорил:

– Не понимаю, каким образом нанес я жестокий удар Чернову.

Владимир Дмитриевич, раненный уже в бок пулею, которая там и осталась, выстрелил, и пуля, попав Чернову в правый бок лба, повергла его на землю полумертвым. Войдя в дом, пустили благородному юноше кровь. В это время сделался с ним обморок, продолжавшийся не более двух минут. По перевязке раны и правой руки, из коей пушена была кровь, мы его подняли и думали проводить до кареты, но он вышел в другую комнату, начал падать, просил нас его положить, говоря, что внутренность его, как в огне, и что малейшее движение удваивает его страдания. Тогда, положив его на наши шинели и видя, что страдания его увеличиваются, мы отложили предложение наше взять его в город, отыскали кровать с постелью и, переложив его с трудом на оную, поставили в отдельную комнату. Вслед за сим привезен был доктор Аренд**, ко-

Место дуэли К. П. Чернова
и В. Д. Новосильцева

* Окончание. Начало в № 5 (33) за 2006 г.

** Волею судьбы, именно этот врач пытался спасти смертельно раненного А. С. Пушкина на дуэли с Дантесом.

торый, осмотрев рану страдальца, объявил нам, что рана смертельна и что из тысячи подобных выздоравливает один. Убийственный приговор доктора привел нас в отчаяние, но мы старались скрывать оное от больного. Страдания его между тем увеличивались, и он объявил нам с твердостью, что не надеется уже встать с постели, просил священника, за которым послали человека; посланный не в дальнем расстоянии встретил едущего священника, остановив, просил его воротиться за Святыми Дарами, в ответ получил, что он их везет к больному, и согласился прежде посетить нашего возлюбленного страдальца. Исполнив долг христианский, незабвенный юноша, прекрасное чело коего покрыто было смертной бледностью, сказал нам:

– Итак, пришел мой конец. Ежели за некоторую неосновательность поступка моего относительно семейства Черновых, в который вовлечен я был неопытностью моею, должен заплатить жизнью, то без ропота переношу предназначение неисповедимых судеб. Умираю с чистою совестью. Каков Чернов? – продолжал он, – ради бога, узнайте. Невольно нанесенная мною ему рана терзает меня жестоко.

Для упокоения страдальца мы объявили ему, что Чернов получил от пули сильную рану в голову, но что жизнь его вне опасности.

– Слава богу! – воскликнул благородный юноша. – Ни смерти, ни страдания я ему не желал. Не известно ли вам, – говорил он, – что делается с маменькой? Происшествие это нанесет ей жестокий удар. Как бы я желал с нею видеться!

Помышляя о спасении его и зная, что свидание ваше с ним к страданиям от раны прибавило бы ему страдания душевные, мы объявили, что, когда он получит облегчение, тогда перевезем его в город, а до того надобно отложить намерение видеться с маменькою; что мы имеем об вас известие и что вы, при всем огорчении вашем, согласны отложить свидание на несколько дней. Разнесшийся в городе слух о поединке привлек к нам с посещениями добрых приятелей и знакомых милого юноши. Непритворное всех участие ободряло его, и когда к ночи все разошлось, он сказал нам:

– Участие, приемлемое во мне людьми, известными по правилам чести и благородства, доказывает, что я умел исполнить долг свой. Ежели кто-нибудь, не зная меня, мог усомниться в этом, то настоящий опыт выведет того из заблуждения. Впрочем, при последних уже, может быть, минутах жизни могу сказать смело, что чистый в совести моей не страшусь клеветы.

В ночь посылал узнавать о положении Чернова. К рассвету только начал понемногу засыпать, но страдания препятствовали, и сон был прерывающийся, так что и четверти часа сряду он не мог уснуть. На другой день (11-го числа) милый юноша обрадован был приведенными ему мною об вас известиями. Я отлучился от него к вам на несколько минут. Удвоившееся число посетителей веселило его немало. В полдень мы его приподняли, дабы дать несколько отдохнуть левому его плечу, на котором лежал он более тридцати часов неподвижно. Как в сей день надежда нас несколько оживила, то предложили некоторые участвующие призвать сестру милосердия для хождения за ним; он, вслушиваясь, сказал:

– Разве покуда я не с матушкой, а если Бог позволит мне соединиться с ней, то никакой сестры милосердия не нужно будет, любовь ее всех заменит.

В этот день съел он несколько ложек бульону, а к вечеру выпил полчашки чая: с посетителями разговаривал твердым голосом, а с некоторыми даже шутил. Большая часть их, видя спокойствие больного, не жаловавшегося ни один раз на свои страдания, не полагали его раненым смертельно. Три раза посылал он узнавать о здоровье Чернова. В ночь сон был равно прерывающийся, и 12-е число проведено было одинаково с днем предыдущим. Известие о вас имел он от ездившего для свидания с вами г. Васильцовского. В ночь на 13-е число уснул он сряду часа три и поутру казался несколько посвежее, и глаза чище; поворотясь же без помощи на правую сторону, дал он нам большую надежду к выздоровлению, хотя столь скорое возвращение сил и приметное уменьшение страданий несколько нас тут же и утрастило; но молодость, его хорошее здоровье, коим всегда он

наслаждался, давали повод думать, что если пуля не повредила внутренних, то рана сама по себе хотя и тяжелая, не может быть не смертельна.

Доктор Аренд поехал к нам в этот день, что удвоило наши надежды. К вечеру слабость сделалась сильнее, и мы, полагая, что она происходит оттого, что он много разговаривал с посетителями, в сей вечер их не принимали. Во всю ночь с 13-го на 14-е число он не засыпал и даже тосковал. Открывшаяся боль в правом плече показала, что печень повреждена. Мы не оставляли его ни на минуту и провели возле его постели всю ночь: доктор Аренд, г. Васильцовский, брат мой и я. Жажда у больного была чрезмерна.

– Кажется мне, – говорил он, – что это последняя для меня ночь, и что до следующей расстанусь с вами навеки.

Благодаря нас за попечения об нем, говорил он:

– Боже мой! Как я счастлив! Ни в утешениях дружбы, ни в пособиях медицины недостатка не имею; но Чернов, может быть, нуждается и в простом фельдшере; как бы я желал облегчить участь его!

Поутру, 14-го числа, слабость не уменьшалась, а к полудню увеличилась, и он потребовал священника, чтобы исполнить вторично долг христианский. Сохраняя память и спокойствие, он говорил, что свет мерцает в глазах его до того, что иногда нас не узнает, что чувствует последние свои минуты, и что желал бы проститься с вами и получить ваше благословение. Мы старались ободрять его, а доктор сказал ему:

– Когда вы уснете несколько, то я дам вам бульону.

– Давайте теперь, – отвечал он, – если считаете нужным, после будет поздно. Сон мой будет вечный сон.

Это было в исходе первого часа пополудни. Сидя у его постели и держа охладевшую руку, я не переставал утешать его выздоровлением; но он, вынув из моей руки свою руку и укусив себя прежде за один палец, а потом за другой, сказал мне:

– Видите ли, что я не чувствую никакой боли, я уже полумертвый. Напрасно утешаете вы меня выздоровлением, на жизнь и смерть смотрю я равнодушно.

Расставаясь с жизнью, продолжал он с необыкновенным спокойствием:

– Сокрушаюсь только о том, что кончиною моей наносу жесточайший удар моим родителям, но вы знаете все происшествие, удостоверьте их, что я не искал смерти, но честь требовала, чтобы я дрался; я уверен, что для них легче будет видеть меня в гробе, нежели посрамленного, и что они простят мой поступок, судьбами мне предназначенный.

За сим прощался он со всеми окружавшими и потом замолчал. Дыхание спиралось в груди его. Мы неподвижные с благоговением взирали на героя-христианина, героя чести и добродетели. Он лежал на спине и, подымая ко мне руки, сказал слабым голосом:

– Пособите мне поворотиться на правый бок, мне легче будет скончаться.

Оцепенелый от горести и удивления, я наклонился; он обнял меня за шею охладелыми руками, поворотился на бок, произнес несколько раз тихо: “*me rauvre mere*”^{*} и, закрыв глаза, испустил на руках моих последний вздох в час и двадцать минут пополудни. Кончина незабвенного юноши есть кончина праведника. Это был тихий, ничем не возмущаемый сон. Мир праху твоему, юноша добродетельный, жертва друзей вероломных и корыстолюбцев неистовых!

Вера, утешительница душ праведных, вашей подобным, и память добрых дел незабвенного сына вашего могут поддерживать вас в горести, ни с какою в мире несравненную. Примером вашим покажите неверующим, какова сила веры.

Не предавайте забвению искреннего друга милого юноши, человека, искренно разделяющего горесть вашу и прибывающего навеки с чувствами душевного к вам уважения,

Николая Пражевского²⁹.

В начале октября 1825 года тело В. Д. Новосильцева отправили в Москву. Тело забальзамировали, а сердце, помещенное в серебряный ковчег, мать везла с собой в карете, потом она хранила его в своей спальне. В. П. Шереметьева,

Могила Новосильцева

следовавшая из Москвы в Петербург и встретившая по дороге эту похоронную процессию, писала: «На всех станциях только и разговору, что о покойном Новосильцеве, так как везде тут они проезжали, и я не могу вам сказать, как кончина этого молодого человека и грустное положение его матери всех занимали. На последней станции мы встретили одного офицера, который вчера выехал из Петербурга. Он нам сказал, что весь Петербург против мадам Новосильцевой»³⁰.

Екатерина Владимировна Новосильцева похоронила своего сына в фамильном склепе Новоспасского монастыря в Москве. Рядом она заготовила место для себя³¹. Над

могилой В. Д. Новосильцева она поставила статую молодой коленапреклоненной женщины (скульптура выполнена из бронзы), поникшей головой к подножию распятия, где сложены доспехи воина; тяжелые складки покрывала драпируют всю фигуру, оставляя обнаженными лишь руки, сжимающие древко креста. Автору – скульптору В. И. Демут-Малиновскому удалось создать очень цельную и лаконичную композицию, полную искренней скорби. Над памятником В. Д. Новосильцеву мать повесила портрет сына³².

Немного московской истории: Новоспасский монастырь был основан в 1490 году на левом берегу реки Москвы, монастырь мужской, после Октябрьской революции упразднен. Прах В. Д. Новосильцева вместе с надгробием перенесен в Донской монастырь, основанный в 1591 году в память избавления Москвы от нашествия крымского хана Девлет-Гирея. Перенесли прах и памятник, видимо, в 1930-е или 1950–1960-е годы; и сейчас Новосильцев покоится в Голицынской усыпальнице Донского монастыря³³.

Екатерина Пахомовна Чернова вскоре после дуэли вышла замуж за полковника Н. М. Лемана, но, как уже говорилось, судьба главной героини мало интересовала историков³⁴.

С 1830-х годов в парке нынешней Лесотехнической академии стояли две массивные гранитные

Бывшая Новосильцевская богадельня

* Моя бедная мать (франц.).

тумбы, на расстоянии восемнадцати шагов друг от друга: именно с этой дистанции противники сходились к барьерам, между которыми было восемь шагов. Перед Великой Отечественной войной камни куда-то исчезли. И только в начале 1960-х годов их восстановили в значительно уменьшенном виде, уменьшив и расстояние между ними до восьми шагов. Благодаря усилиям сотрудников Лесотехнической академии, и в первую очередь директора библиотеки Т. А. Зуевой, удалось добиться установки в парке обелиска на месте дуэли. Открытие памятника состоялось в день дуэли в 1988 году, на открытии присутствовали прибывшие из-за границы потомки К. П. Чернова (его внуки и правнуки). Памятник выполнен из серого гранита, на нем выбита надпись: «10 сентября 1825 года на этом месте состоялась дуэль члена Северного тайного общества К. П. Чернова с В. Д. Новосильцевым. Секундантом К. П. Чернова был К. Ф. Рылеев. Похороны К. П. Чернова вылились в первую массовую демонстрацию, организованную членами Северного тайного общества декабристами»³⁵.

Е. В. Новосильцева признала себя единственной виновницей в смерти сына. Она провела остаток дней вдали от общества и посвятила себя делам милосердия. Екатерина Владимировна обратилась за духовной поддержкой к митрополиту московскому Филарету, по предложению которого она выкупила кабак, в котором умер сын, и весь участок постоянного двора, постройки были перенесены в другое место, а на месте кабака 1 мая 1834 года была заложена богадельня и церковь во имя Святого равноапостольного князя Владимира³⁶. Богадельня предназначалась для увеченных престарелых воинов.

Круглый в плане храм с дорическим портиком и колокольной строился по проекту Иосифа Ивановича Шарлеманя вместе с тремя зданиями богадельни, стоявшими по сторонам. 1 мая 1838 года московский митрополит Филарет рукоположил в новую церковь первого священника Т. С. Валдайского, а 15 мая храм освятили. В богослужении участвовал священник Сампсониевской церкви Ф. Барсов, ис-

Бывшая Новосильцевская богадельня. Современное фото

поведовавший В. Д. Новосильцева перед смертью³⁷. В 1841 году Е. В. Новосильцева передала богадельню в распоряжение Императорского Человеколюбивого общества. С того момента заведению присвоили название «Орлово-Новосильцевское благотворительное заведение». Кроме того, Е. В. Новосильцева передала обществу крупный денежный капитал на содержание богадельни, а также два имения в Ярославской губернии и Ладужском уезде. Открытие Орлово-Новосильцевского заведения состоялось 8 февраля 1842 года³⁸.

Внутри свод храма поддерживали 16 ионических колонн искусственного серого мрамора, стены

Каплица решетки бывшей Новосильцевской богадельни

Новосильцевская церковь. Передний фасад

украшали такие же пилястры. Лепку исполнил Ф. Торичелли; иконы в двухъярусном иконостасе из красного дерева с бронзой написал А. Виги; витражи в алтаре сделала мастерская Орлова в Москве³⁹. Две алтарные картины – «Иерусалимский храм» и «Часовня в Вифлееме» (1836) академика М. Н. Воробьева графиня приобрела на академической выставке. К освящению она подарила храму золотую утварь, бархатную ризницу, Евангелие, украшенное серебром, эмалью, полудрагоценными камнями, большую люстру и обеспечила церковь

доходами со своего имения в Ладожском уезде. Кроме серебряного ковчега с частицами святых мощей в церкви была икона «Воздвижение» с деревянным крестом, содержащим частицу Древа Господня, и два образа: греческий с изображением Георгия Победоносца и Скорбящей Богородицы, подаренный Елисеевым⁴⁰.

На стенах висели бронзовые доски с историей постройки и в память погребенного в склепе под церковью действительного статского советника Е. П. Пражевского, наблюдавшего за ее возведением. На одной было написано:

«Не страшу и не страшусь.
Во Славу
Богу Трипостаного
в царствование Николая I
Императора и Самодержца
Всероссийского,
по Его Высочайшему
соизволению,
по Благословию
Святейшего Синода
основан сей храм
во имя Равноапостольного
Князя Владимира
1834 года 1 мая
освящён 1838 года 15 мая
в Память
и для приношения всегдашних
Молитв
о успокоении Души
Раба Божия
Владимира Дмитриевича
Новосильцева
Флигель-адъютанта
росшего для Отечества,
многолюбезного для матери
неутешной
единственного Сына
на сем месте
кончиною.
В Мире с Богом, Церковью
и врагам
представившегося
26 году возраста
1825 года 14 сентября
во втором часу пополудни».

На другой: «Евстафий Прокофьевич Пражевский Действительный Статский Советник, Член Совета Военноучебных Заведений, Камергер.

Орден Святого Равноапостольного Князя Владимира 3-ей степени, Святой Анны 2-ой степени, Императорскую короною, украшенною и Ордена Святого Станислава 2-ой степени Кавалер.

Родился 20 сентября 1797 года – скончался 10/30 августа 1840 года в Богемии, в городе Теплице. Тело его перевезено в Россию и погребено под спудом сего храма с Высочайшего соизволения по ходатайству пораженного неутешной скорбью родного брата его Николая Пражевского, и Сооружительницы храма его, в память сына, Бригадирши и кавалерственной дамы Екатерины Владимировны Новосильцевой, рожденной графиней Орловой, из уважения к коей из дружбы к ее сыну, и Строителем храма сего был Евстафий Пражевский.

Почи с Миром доколе глас трубный не воззовет тебя к вечным радостям»⁴¹.

В 1871 году улице, которая прежде носила название Садовой, было присвоено имя Новосильцевской. В 1897 году в храме провели реставрационный ремонт⁴². В 1898 году ансамбль был дополнен еще одним зданием, а также «мемориальной» решеткой, стоявшей поначалу в глубине участка. Решетке придана минорная, скорбно-сентиментальная интонация. В звеньях ограды силуэтное изображение довольно распространенного вида надгробия – каплицы – в обрамлении растительного орнамента⁴³.

В конце XIX века и начале XX века среди русских офицеров существовал обычай в случае грозящей им опасности (например, перед дуэлью) приходиться молиться в эту церковь.

К храму была приписана деревянная Преображенская часовня, существовавшая с начала XIX века на углу Большой и Малой Спасских улиц (ныне площадь Мужества), а в 1864 году обновленная и расширенная. К ней в праздник Преображения Господня устраивался крестный ход⁴⁴. Перед революцией в храме служил отец Дмитрий (Осьминский), который много сделал для изучения истории Новосильцевской церкви.

Ампириная Князь-Владимирская церковь, ставшая с 1919 года приходской, закрыта 17 марта 1932

Могила Чернова

года (часть имущества передали в Русский музей) и в июне того же года была взорвана⁴⁵. Иван Андреевич Виноградов, дядя старожила Лесного Константина Васильевича Коржавина, рассказывал, как взрывали эту церковь: при первом взрыве старинная постройка дала только трещину, но со второго устоять не смогла и рухнула. По сведениям того же старожила, инициатором сноса этой доминанты Лесного была организация «Безбожник». Она была создана по инициативе Луначарского в Лесном и занималась антирелигиозной работой.

Тогда же на линию, куда прежде была выдвинута церковная паперть, переставили существующую сегодня решетку (правда, диссонанс вносит то обстоятельство, что ограда установлена на современных железобетонных опорах)⁴⁶. В главном здании богадельни с 1924 года находился клуб имени Орлова* для рабочих заводов «Светлана» и имени Энгельса, а в остальных жили частные лица. В настоящее время в зданиях богадельни размещается стоматологическая поликлиника (пр. Энгельса, д. 1–3, угол Новороссийской ул., д. 1). Преображенская часовня была закрыта в мае 1929 года и впоследствии разобрана⁴⁷. Новосильцевскую улицу переименовали в Ново-

* Название клуба в советское время дано не случайно, в то время, для того чтобы окончательно стереть то или иное старое название, часто новое название давали похожее по звучанию с предыдущим. Так как богадельня называлась Орлово-Новосильцевской, то и новое название весьма не случайно, то же самое и с Новосильцевской улицей, которую переименовали в Новороссийскую.

Принимавший участие в акции священник прихода Лесотехнической академии отец Игорь

российскую в 1952 году. В настоящий момент место, на котором стояла церковь, не застроено и существует возможность восстановления этого памятника. Добавлю, что в 1999 году небольшому проезду, проходящему от проспекта Энгельса до Новороссийской улицы, присвоено имя Новосильцевского переулка⁴⁸.

22 сентября 2005 года в парке Лесотехнической академии (ЛТА) на месте дуэли К. П. Чернова и В. Д. Новосильцева была проведена акция памяти, посвященная 180-летию со дня того события. В акции приняли участие старшеклассники 105-й, 74-й гимназии, 97-й школы, Дома детского творчества «Союз», священник прихода Лесотехнической академии отец Игорь, представители ЛТА в лице автора статьи и

Т. Д. Плюсониной, доцента кафедры русского языка и культуры речи, а также некоторые жители Лесного. Учитель краеведения 105-й гимназии Марина Николаевна Мещерякова рассказала всем собравшимся об истории дуэли. Ее рассказ дополнили старшеклассники этой гимназии Дарья Мещерякова, Анна Водянова, Татьяна Варламова, Галина Лаврентьева. Отец Игорь прочитал молитву за упокой погибших дуэлянтов. ■

Учащиеся 74-й гимназии, принимавшие участие в акции памяти

²⁹ Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. СПб., 1911. С. 634–639.

³⁰ Там же. С. 640.

³¹ Безбах С. А. История дуэли члена Северного тайного общества Чернова с флигель-адъютантом Новосильцевым. Л., Лесной, сентябрь 1925. С. 8.

³² Ермоная В. В. и др. Русская мемориальная скульптура. К истории художественного надгробия в России XI – начала XX веков. М., 1978. С. 94.

³³ Там же.

³⁴ По материалам интернет-сайта: <http://www.russ.ru/>. (статья Евгения Краснова «Дороги 1833 года, или Бывают странные сближения»).

³⁵ Лесное глазами детей. С. 101.

³⁶ Филарет (Дроздов В. М.) Письма высокопреосвященного митрополита московского Филарета к Е. В. Новосильцевой. М., 1911. С. 34.

³⁷ Новосильцевская церковь. С. 5.

³⁸ Троицкий В. Д. Исторический очерк Совета Императорского Человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. СПб., 1898. С. 146.

³⁹ Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 265.

⁴⁰ Там же. С. 265.

⁴¹ Шульц С. С., мл. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. С. 287.

⁴² Известия по Санкт-Петербургу епархии. 1913. № 15–16. С. 29.

⁴³ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. С. 265.

⁴⁴ Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1996. С. 238.

⁴⁵ Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В. Православные храмы Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 129.

⁴⁶ Лесное глазами детей. С. 101.

⁴⁷ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. С. 265.

⁴⁸ Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 245.

О миссии лорда Г. Редстока в Петербурге

В. А. Бачинин

Феномен лорда Г. Редстока вместе с темой евангельского движения, возникшего в 1870-е годы в кругах высшей петербургской аристократии, крайне слабо освещен в современной исторической и религиоведческой литературе.

Евангельское религиозно-гражданское пробуждение в Петербурге 1870-х годов – важное и поучительное явление в жизни России, требующее к себе пристального исследовательского внимания. Оно интересно тем, что происходило под влиянием двух важных социально-исторических факторов. Первый – это религиозный кризис, важнейшей составляющей которого был кризис государственного православия. Второй – процесс становления российско-гражданского общества.

С внешней стороны положение православной Церкви, пребывавшей под опекой государства, было в тот период вполне благополучным. В ее распоряжении находились почти семьдесят тысяч храмов и часовен, триста тысяч священнослужителей. Официальная статистика утверждала, что в стране около девяноста миллионов верующих православного исповедания. В более чем тысяче монастырей обитали около ста тысяч монахов и послушников. Правительство ежегодно выделяло на нужды Церкви миллионы рублей. Под прямым попечительством Церкви в стране существовали почти сорок тысяч школ, в которых обучались около полумиллиона учащихся.

Однако этому внешнему благополучию сопутствовало глубокое внутреннее неблагополучие, суть которого заключалась в крайнем ослаблении начал истинной христианской духовности. Православие не могло справиться с процессом неуклонного духовного оскудения, жертвой которого становились самые широкие слои насе-

Лорд Г. Редсток

ления, представители всех сословий. Многие из тех, кто жаждал духовной пищи и религиозного утешения, не находили их в лоне православной Церкви и вынуждены были пребывать в духовной пустоте.

Канадский исследователь Эдмунд Хейер так писал о религиозной ситуации в России во второй половине XIX века: «Основную причину религиозного кризиса следует искать в обскурантизме официальной церкви, в ее невежественном духовенстве, которое не смогло удовлетворить духовные потребности населения и его религиозные устремления. Не желая провести реформы, в результате которых люди бы начали жить настоящей религиозной жизнью, и будучи не в состоянии обеспечить духовные насущные потребности простых людей, не говоря уже об образованных, русская официальная церковь продолжала свою средневековую традицию, стараясь любой ценой уберечь народ от влияния западной Европы»¹.

Религиозный кризис был следствием многих обстоятельств, связанных с особенностями русской

политической, социальной и духовной истории. Среди них на первое место следует поставить факт длительного пребывания Церкви под бюрократическим гнетом авторитарно-самодержавного государства. Удерживавшее ее на протяжении почти двух столетий в подневольном положении государство лишило ее нравственных сил и важных духовных качеств. Одним из свидетельств внутренних деформаций духовных структур православной Церкви являлось то упорство, с каким она преследовала любые проявления христианского инакомыслия и инаковерия.

Кризис православия имел важные последствия. Самым заметным среди них явилось евангельское пробуждение в среде столичной аристократии и в крестьянских низах юга России. Если бы государственная Церковь не пребывала в кризисном положении и не оттолкнула бы от себя множество русских душ, ввергнув их в состояние духовного неблагополучия, то успех неправославного христианства, быстрое и широкое распространение протестантского евангелизма в России были бы затруднительны.

Евангелизм позволял уверовать в Иисуса Христа всем тем, кто этого желал, но по каким-то причинам не мог. Евангельскими христианами становились русские люди, которые не смогли прийти к вере через православие.

Новую открывшуюся возможность сразу же оценили очень многие. Стремление воспользоваться ею порой принимало парадоксально-комические формы. Об одной из них оставил свидетельство французский дипломат и литератор Мельхиор де Воюэ. Он писал на рубеже 1870–1880-х годов: «Недавно в С.-Петербурге двое хорошо одетых мужчин, по всей видимости, респектабельных продавцов, пошли на одно из тех ре-

Лорд Редсток (крайний справа) с Монтегью, семьей и друзьями

лигиозных собраний, известных в России как собрания редстокистов... и в жалостливых тонах, подобно беднякам на улице, начали взывать, обращаясь к выступавшему: «Сделайте меня верующим»².

Наиболее характерной чертой религиозно-гражданской позиции евангельских христиан была вера в то, что абсолютное большинство острых социальных проблем, беспокоивших российское общество, могли быть успешно решены на основе евангельских принципов. Их проект преобразования России по своей конструктивности не шел ни в какое сравнение с тем, что предлагали радикалы-революционеры.

Однако, несмотря на то, что евангельское движение стало мощным средством противодействия распространению материализма, социализма, нигилизма, терроризма, государство и официальная Церковь отнеслись к ним вначале со сдержанной, а затем с открытой враждебностью. Русские аристократы, ставшие возрожденными евангельскими христианами, оказались, сами того не желая, в духовной оппозиции относительно государственной Церкви. И хотя сами они старались не подчеркивать этой оппозиционности, православное духовенство сразу же причислило их к своим противникам. Но социальный «минус» стал превращаться в «плюс». Церковь решила бороться с религиозным нонконформизмом его же методами – христианским просвещением масс, изданием православных брошюр, проведением публичных выступ-

лений священников перед большими аудиториями и т. д. Если бы она ограничилась только этими средствами, то совершенно очевидно, что в выигрыше оказались бы обе стороны и вся Россия в целом. Но, к сожалению, в дискуссию с евангельским движением оказались вовлечены карательные силы полицейского государства, и борьба стала неравной.

ЛОРД Г. РЕДСТОК – «НЕРАЗГАДАННЫЙ СФИНКС»

В 1870-е годы в Петербурге и за его пределами все единодушно признавали, что деятельность английского лорда «наделала доволь-

но большого шума в России». О нем, по словам Н. С. Лескова, повсеместно толковали даже такие люди, которые не умели выговорить его имени и вместо Редсток называли его «кресток»³.

Аристократическое семейство английских баронов, к которому принадлежал Гренвил Аугустус Вильям Вальдигрев Редсток (1831–1913), имело ирландские корни и входило в англиканскую церковь. Его дед и отец были адмиралами. Мать происходила из семьи протестантов-гугенотов, отличалась набожностью, благочестием и склонностью к благотворительной деятельности. Знатная леди посещала кварталы бедняков, где с Библией в руках проповедовала обездоленным и падшим людям распятого Христа. Редсток, с детства отличавшийся энергией, целеустремленностью, добронравием в общении и прилежанием в учебе, унаследовал от нее многие свои душевные и духовные качества.

Юноша получил образование в Оксфордском университете. Он увлекался музыкой, вел светскую жизнь, посещал балы. В 23 года к нему перешел по наследству титул барона. В 25 лет он женился на внучке герцога Манчестерского. Вскоре Редсток поступил на военную службу. Ему довелось участвовать в Крымской военной кампании. Там он заболел тяжелой формой лихорадки и оказался на краю смерти. Именно тогда, во время

Лорд Редсток (в центре) вместе с Мейбл и Грэнвил

болезни, к нему пришло отчетливое сознание его греховности и виновности перед Богом. Один из друзей (по другой версии, это был протестантский миссионер) посоветовал ему молиться Спасителю. В результате, по собственному признанию Редстока, он уверовал в Христа как в своего Спасителя.

Следствием молитв и размышлений явился решительный перелом в болезни. Он начал выздоравливать, и когда болезнь оказалась позади, молодой офицер почувствовал сердцем и отчетливо понял умом, что все, открывшееся ему, должно становиться достоянием как можно большего числа людей. Редсток ощутил в себе неодолимое желание проповедовать Евангелие, делиться с другими людьми своим духовным опытом.

В жизни Редстока стали происходить не только внутренние, но и внешние перемены. Он продал многие предметы роскоши, находившиеся в его доме, и распустил большую часть прислуги. В 1866 году в возрасте 33 лет он, будучи в звании полковника и имея блестящие перспективы для дальнейшей карьеры, оставил военную службу, чтобы целиком посвятить себя делу благовестия.

Вначале он проповедовал Евангелие в Англии, в последующие годы местами его проповеднической деятельности стали города Швеции, Дании, Голландии, Франции, Индии. В Швеции королева София проявила большой интерес к его проповедям. Впоследствии они постоянно переписывались, и это продолжалось на протяжении десятилетий, вплоть до смерти королевы (оба умерли в один год с разницей в несколько дней).

В Дании через благовествование Редстока к Христу обратилась принцесса Луиза, жена коронованного датского принца.

Во второй половине 1860-х годов у Редстока возникло намерение благовествовать в России, против которой он воевал в Крымской кампании. Одной из причин этого желания было то, что его обращение к Богу произошло у рубежей России, столь не похожей на европейские страны. Однако ему хотелось, чтобы Бог призвал его на служение в Россию через кого-то

Княгиня Н. Ф. Ливен и ее семья

из русских. Почти десять лет он молился об этом.

В начале 1870-х годов в Париже произошла встреча Редстока с дамой из высшего петербургского света, генеральшей Е. И. Черткой. Княжна С. П. Ливен в своих мемуарах так описывала это событие: «В Париже он [Редсток] говорил в частных домах, у знакомых и всюду нес ту же весть спасения. Среди его слушателей бывали и русские друзья, большую частью из высшего петербургского общества, которых Париж всегда привлекал. Однажды лорд Редсток, отправляясь на такое собрание, почувствовал себя нехорошо, взял извозчика и оказался в доме раньше назначенного часа. Туда случайно пришла дама, принадлежавшая к одной из ветвей русского царствующего дома. Она относилась отрицательно к проповеднику-мирянину и, узнав, что его ожидают, собиралась раньше уйти, но лорд Редсток явился раньше времени, и они поневоле встретились. Она, как светский человек, любезно поздоровалась с ним и сказала ему несколько слов, он же, как верный служитель Божий, не упустил случая сказать ей о Христе. Его слова ее заинтересовали, и она осталась. После продолжительной беседы о Слове Божием она сказала лорду Редстоку, что то, о чем он сегодня говорил в Париже, нужно обязательно сказать в Петербурге, и она предложила для этой цели свой дом.

К ее словам присоединились и другие присутствовавшие русские, говоря, что и они были бы счастливы его услышать у себя. Лорд Редсток понял, что многолетняя его молитва услышана и дверь в Россию для него открыта. Теперь он знал наверняка, что время настало и Бог туда его посылает»⁴.

Редстоку дважды довелось побывать в России. Первый его приезд длился полгода, а второй – полтора года. Весной 1874 года он прибыл в российскую столицу. Его первые евангельские проповеди проходили в небольшой англо-американской церкви на Почтамтской улице. Благодаря усилиям и связям Е. И. Черткой Редстока стали приглашать в аристократические салоны петербургской знати. Так началась «салонная миссия» лорда-проповедника, который рассказывал о Христе и раздавал всем желающим книги Нового Завета.

Редсток никогда не подчеркивал своей деноминационной принадлежности. На вопросы о его вероисповедании и церкви он отвечал, что его вероисповедание – христианское, а церковь – Христова.

Н. С. Лесков, называвший Редстока самым добрым и искренним человеком, «Дон-Кихотом проповедничества», писал: «Поведение Редстока всегда целомудренно, и он не только в публичных беседах, но даже в самых интимных разговорах никогда не касается никаких вопросов, где примешана хотя бы малейшая мысль нравственной нечистоты или неправильной жизни»⁵.

Тех, кто слушал Редстока, поражала простота и убедительность его объяснений спасительной миссии Христа. Он говорил об оправдании человека верой в искупительную смерть Христа, о необходимости проповедования Евангелия во всех концах земли и о важности каждодневного ожидания второго пришествия Спасителя. Буквально веруя во все, что сказано в Евангелии, он стремился передать это верование своим слушателям прямыми и простыми словами. И в его словах никогда не было ничего такого, что противоречило бы общехристианским воззрениям. И в этом смысле его позиция была неуязвимой. На встречах с ним среди присутствовавших часто раздавались возгласы:

«Как просто!», «Как понятно!». Эта ясность подкупала и располагала.

«Лорд-апостол» не только проповедовал в великосветских гостиных. Он покупал на свои средства большое количество книг Нового Завета, набивал ими глубокие карманы своего пальто и шел либо в ночлежные приюты, либо раздавал книги прямо на улицах всем желающим. Покидая Петербург, он, как правило, оставлял своим последователям, которых стали называть «редстокистами», по нескольку коробок Нового Завета, чтобы и во время его отсутствия распространение Благой Вести не приостанавливалось.

В результате бесед-проповедей «лорда-апостола», которые он проводил на английском и французском языках, покаялись и встали на путь евангелизма многие столичные аристократы. После его отъезда этот процесс продолжался. В результате евангельскими христианами стали известный богач, отставной гвардейский полковник В. А. Пашков, граф М. М. Корф, министр путей сообщения граф А. П. Бобринский, княгиня В. Ф. Гагарина, княгиня Н. Ф. Ливен, вдова генерал-адъютанта Е. И. Черткова (урожденная графиня Чернышева-Кругликова), княгиня Голицына с двумя своими дочерьми, дочь поэта Дениса Давыдова Ю. Д. Засецкая и ее младшая сестра, ставшая впоследствии графиней Е. Д. Висконти, графиня Е. И. Шувалова, графиня М. И. Игнатьева, баронесса Ю. А. Засс, барон П. Н. Николаи и многие другие.

Особый случай произошел с великой княгиней Александрой Иосифовной, матерью великого князя Константина Константиновича. В результате тяжелого заболевания она ослепла. Ее сердце не знало смирения, и она постоянно роптала на Бога за постигшее ее несчастье. К ней в Мраморный дворец часто приходила евангельская верующая, певица Александра Ивановна Пейкер. Великая княгиня любила слушать ее пение и то, как она читает и объясняет Священное Писание. В результате она покаялась и приняла в свое сердце Христа вместе с радостью спасения.

В книге воспоминаний княжны Софьи Ливен описывается характерная сцена евангельского бо-

Полковник В. А. Пашков

гослужения в петербургском аристократическом доме: «В нарядном зале люди самых разных профессий и сословий, сидя вперемежку на шелком обтянутых креслах и стульях, внимательно вслушиваясь в простые евангельские слова о любви Божией. Собрание сопровождалось пением. Вокруг фисгармонии стояла группа молодых девиц; они свежими голосами пели новопереведенные с английского языка евангельские песни, призывающие ко Христу. Их пение сопровождалось музыкой талантливой певицы и труженицы на ниве Божией, Александры Ивановны Пейкер. Трое из этих молодых девушек были дочери хозяина дома, Пашкова, трое – дочери министра юстиции, графа Палена, и две княжны Голицыны»⁶.

Почти все, кто посещал проповеди Редстока и размышлял над ними, задавались вопросом о причинах их удивительной действенности. Своей внешней скромностью и непритязательностью они представляли собой разительный контраст пышному великолепию храмовых богослужений православных священников. Но тем разительнее была сила производимого ими эффекта. «Танцевальные залы превратились в молитвенные помещения, заполнявшиеся аристократами и их прислугой, городскими ремесленниками, офицерами и студентами. Подражая примеру Редстока, многие начали во имя Христа помогать бедным ду-

ховно и материально, ходатайствовать за тех, у кого возникали конфликты с властями. Они посещали нуждающихся на заводах, фабриках, в больницах, тюрьмах, строили в своих поместьях больницы и школы, а в столице – меблированные дома и недорогие кафе-кондитерские для бедных»⁷.

Примечательно, что если в Петербурге молитвенные собрания редстокистов проходили в более чем сорока домах высших аристократов, то в Москве, где преобладал дух традиционного византизма, усилия евангельских проповедников не имели ни малейшего успеха.

Редсток не стремился к созданию новой обособленной церковной общины в Петербурге. Он не имел также цели выводить кого-либо из-под влияния православной Церкви. Свою миссию он видел в том, чтобы приводить людей к Христу.

Один из главных вопросов, занимавших сторонников и противников Редстока, заключался в желании понять, чем же протестантизм «лорда-апостола» привлекал людей, которые номинально считались православными? Н. С. Лесков придал этому вопросу острую форму довольно злого выпада: мол, чем брал этот аристократ, в котором не было ни грана аристократизма, этот увальень, «с его суконым языком, ухватками ярмарочного коробейника и сапожищами, которыми он стучит, как лошак копытами»? И писатель сам же отвечает на свой вопрос, формулируя при этом весьма тонкое суждение. Суть его в том, что Редсток, конечно же, чрезвычайно умен и давно понял, что идея аристократизма совершенно изжила себя и что в деле евангелизации она ничего, кроме вреда, ему не принесет.

К этому следует добавить, что сама природа протестантизма, прочно связанного с народными основами религиозно-гражданской жизни, с активностью пробуждающегося гражданского общества, несла в себе тенденцию к демократизации. И аристократ с манерами демократа в полной мере отвечал этой тенденции.

Об уме и тонком чутье Редстока свидетельствует и то обстоятельство, что он, хотя и в равной степени не принимал ни католи-

чества, ни православия, однако свое отношение к ним демонстрировал по-разному. Относительно католиков он утверждал, что их церковь, запрещающая чтение Слова Божьего, скрывающая от прихожан главный источник истины, не является церковью Христовой. Что касается Восточной Церкви, то он с русскими о ней никогда не говорил. Это, однако, не мешало ему критически относиться к русскому духовенству и сетовать на то, что в нем мало энергии и рвения к славе Божией и что на нем лежит вина за то сонное равнодушие к вере, которое так поражает его в русских людях.

Благодаря Редстоку у многих русских людей пробудился интерес к чтению Священного Писания. В России это было в новинку. В стране, получившей христианство из Византии, православная Церковь не создала необходимых условий, для того чтобы верующие постоянно изучали Библию и углубляли свое понимание священного текста. Через Редстока же перед многими открылась возможность приобщения к духовным богатствам библейского текста. И это сыграло весьма значительную роль в переходе образованных аристократов на позиции протестантизма. В их лице светская, интеллектуальная Россия впервые обратилась к дотоле ей почти неизвестным библейским основаниям своего духовного бытия.

Знавшие Редстока говорили о его религиозно-политических взглядах как о самых смиренных и сугубо евангельских. Он был противником тех, кто ратовал за непокорность властям, но при этом избегал прений с социалистами, анархистами, нигилистами и прочими радикалами.

Отношение к Редстоку имперской власти и столичной общности было неоднозначным. Сразу же после его появления в Петербурге не замедлили обнаружиться как его приверженцы, так и яростные противники. Большинство вынуждено было признать совершенно особый, невиданный успех его проповедей. Не редкостью были такие суждения: «Есть нечто дивное в том, что успевает делать Редсток с теми во всех отношениях скудными сред-

ствами, с какими, кажется, ничего бы нельзя сделать, а тем более повлиять на холодные себялюбивые натуры людей с лоснящейся кожей и гнать их в норы и трющобы, где страдает и гибнет злополучная нищета. Каков бы он ни был, но никакою другой проповедник ничего бы подобного с этими людьми не сделал»⁸.

СПОРЫ О РЕДСТОКЕ МЕЖДУ ЮЛИЕЙ ЗАСЕЦКОЙ И ФЕДОРОМ ДОСТОЕВСКИМ

Юлия Денисовна Засецкая (1835–1882) была дочерью поэта, героя Отечественной войны 1812 года, легендарного гусара-партизана Дениса Давыдова. Она много сил отдавала благотворительной деятельности и переводам книг протестантских проповедников. В 1873 году она основала первый в Петербурге ночлежный дом. После знакомства с Редстоком она вошла в круг его наиболее ревностных приверженцев.

Жена Ф. М. Достоевского, Анна Григорьевна, свидетельствовала в своих воспоминаниях, что Достоевский ценил Засецкую как умную, добрую и милую женщину. Это, однако, не мешало им вести горячие, хотя и дружеские, споры по поводу ее религиозных убеждений.

В феврале 1874 года Ф. М. Достоевский провел вечер в доме Ю. Д. Засецкой, где Редсток выступал с проповедью. Об этом вспоминала жена писателя: «Ю. Д. Засецкая была редстокистка, и Федор Михайлович, по ее приглашению, несколько раз присутствовал при духовных беседах лорда Редстока и других выдающихся проповедников его учения»⁹.

Необходимо подчеркнуть: Редсток проповедовал *не свое* учение. У него не было своих, самостоятельных идей. Его беседы и проповеди носили общий евангелизационный характер и были сосредоточены на особой миссии Христа, пролившего Свою святую кровь за человеческие грехи и ставшего для каждого покаяв-

шегося грешника прямым, без посредников, ходатаем перед Богом-Отцом.

Следующее посещение Ф. М. Достоевским проповеди Редстока у Ю. Д. Засецкой состоялось в 1876 году во время второго приезда «лорда-апостола» в Петербург.

Суть споров между Достоевским и Засецкой, о которых упоминала жена писателя, передал Н. С. Лесков в своих заметках «О куфельном мужике...», когда их участников уже не было в живых: «Ф. М. Достоевский зашел раз сумерками к недавно умершей в Париже Юлии Денисовне Засецкой, урожденной Давыдовой, дочери известного партизана Дениса Давыдова. Федор Михайлович застал хозяйку за выборками каких-то мест из сочинений Джона Буниана и начал дружески укорять ее за протестантизм и наставлять в православии. Юлия Денисовна была заведомая протестантка, и *одна* из всех лиц известного великосветского религиозного кружка не скрывала, что она с православием покончила и присоединилась к лютеранству*. Это у нас для русских не дозволено и составляет наказуемое преступление, а пото-

Ф. М. Достоевский

* Н. С. Лесков не точен: Ю. Д. Засецкая не была лютеранкой. Писатель совершает распространенную в прошлом среди православных россиян ошибку сведения протестантизма к одной лишь из его форм, наиболее известной в Петербурге, – лютеранству.

му признание в таком поступке требует известного мужества. Достоевский говорил, что он именно “уважает” в этой даме “ее мужество и ее искренность”, но самый факт уклонения от православия в чужую веру его огорчал. Он говорил то, что говорят и многие другие, то есть что православие есть вера самая истинная и самая лучшая и что, не исповедуя православия, “нельзя быть русским”. Засецкая, разумеется, держалась совсем других мнений и по характеру своему, поразительно напомиравшему характер отца ее, «пылкого Дениса», была, как нельзя более, русская. В ней были и русские привычки, и русский нрав, и притом в ней жило такое живое сострадание к бедствиям чернорабочего народа, что она готова была помочь каждому и много помогала... Словом, она была добрая и хорошо воспитанная женщина и даже набожная христианка, но только не православная. И переход из православия в протестантизм она сделала, как Достоевский правильно понимал, потому, что была искренна и не могла сносить в себе никакой фальши... Споры у них бывали жаркие и ожесточенные. Достоевский из них ни разу не выходил победителем. В его боевом арсенале немножко не доставало оружия. Засецкая превосходно знала Библию, и ей были знакомы многие лучшие библейские исследования английских и немецких теологов. Достоевский же знал Священное Писание далеко не в такой степени, а исследованиями его пренебрегал и в религиозных беседах обнаруживал более страстности, чем сведущности... Тою зимою, о которой я вспоминаю, в Петербург ожидался Редсток, и Ф. М. Достоевский по этому случаю имел большое попечение о душе Засецкой. Он пробовал в это время остановить ее религиозное своенравие и “воцерковить” ее. С этой целью он налегал на нее гораздо потверже и старался беседовать с нею наедине, чтобы при ней не было ее великосветских друзей, от которых (ему казалось) она имела поддержку в своих антипатиях ко всему русскому. Он заходил к ней ранним вечером, когда еще великосветские люди друг к другу не ездят. Но и тут дело не удавалось: иногда им мешали, да

и Засецкая не воцерковлялась и все твердила, что она не понимает, почему русский человек всех лучше, а вера его всех истиннее? Никак не понимала... и Достоевский этого ее недостатка не исправил»¹⁰.

Ф. М. Достоевского не мог не заинтересовать феномен лорда Редстока. Размышляя над ним, он отмечал удивительный, на его взгляд, парадокс, связанный с противоречием между незначительностью наблюдаемой им причины и масштабностью порождаемых ею следствий. «Мне, – писал он, – случилось его тогда слышать в одной “зале”, на проповеди, и, помню, я не нашел в нем ничего особенного: он говорил ни особенно умно, ни особенно скучно. А между тем он делает чудеса над сердцами людей; к нему льнут; многие поражены: ищут бедных, чтоб поскорей благодетельствовать их, и почти хотят раздать свое имение... Он производит чрезвычайные обращения и возбуждает в сердцах последователей великодушные чувства. Впрочем, так и должно быть: если он в самом деле искренен и проповедует новую веру, то, конечно, и одержим всем духом и жаром»¹¹.

Этот парадокс, перед которым терялся человеческий разум, был связан с тем, что лорд Редсток проповедовал не какие-то свои, личные идеи. Его последователи были убеждены, что им двигал Святой Дух, который и производил на людей такое сильное воздействие.

Ф. М. Достоевский, однако, не был склонен, подобно поклонникам Редстока, ограничиваться одними дифирамбами в его адрес. Будучи православным верующим, он с готовностью выпустил несколько критических стрел в адрес эзезжего протестанта: «Впрочем, это может быть только у нас в России; за границей же он, кажется, не так заметен. Впрочем, трудно сказать, чтоб вся сила его обаяния заключалась лишь в том, что он лорд и человек независимый и что проповедует он, так сказать, веру “чистую”, барскую»¹².

Другая филиппика Ф. М. Достоевского обращена в адрес как личности Редстока, так и его вероучительной позиции, которая отвергала внешнюю обрядность, храмовый антураж и обязательность присутствия священников: «Я его

слышал, он не очень-то красноречив, делает довольно грубые ошибки и довольно плохо знает сердце человеческое (именно в теме веры и добрых дел). Это господин, который объявляет, что несет нам “драгоценную жидкость”; но в то же время настаивает, что ее надо нести без стакана и, уж конечно, желал бы стакан разбить. Формы он отвергает, даже молитвы сам сочиняет»¹³.

В «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский поместил отдельный очерк под названием «Лорд Редсток». В нем писатель признал явный успех проповедей Редстока и пытался объяснить его причины: «Настоящий успех лорда Редстока зиждется единственно лишь на “обособлении нашем, на оторванности нашей от почвы, от нации. Оказывается, что мы, то есть интеллигентные слои нашего общества, – теперь какой-то уж совсем чужой народик, очень маленький, очень ничтожненький, но имеющий, однако, уже свои привычки и свои предрассудки, которые и принимаются за своеобразие, и вот, оказывается, теперь даже и с желанием своей собственной веры»¹⁴.

Это объяснение нельзя считать удовлетворительным, поскольку в нем указывается только одна, да и то отрицательная, причина распространения протестантских идей в православной стране. По мнению Достоевского, все дело состояло лишь в том, что интеллигентные слои русского общества слишком уж возжелали иметь какую-то свою, особую, «барскую», «чистую» веру, не такую, как у простого народа. Но этот аргумент не может быть принят в силу того, что дальнейшие события в Петербурге и России в целом опрокинули и развеяли его полностью. Вслед за аристократами на путь евангелизма вступили многие тысячи простых русских людей – горожан, мастеровых, крестьян.

Однако Ф. М. Достоевский не ограничивался формулировкой только одной причины. В его записках встречается ссылка еще на одну: «И мужики-штундисты и ученицы [лорда] Редстока, в отпадении своем от православия, действовали по совершенно одинаковой причине, то есть вследствие полного невежества в учении

об истинах нашей родной православной церкви. «Мрак невежества» с обеих сторон был совершенно один и тот же».

Следует признать, что в этом суждении гораздо больше основательности, чем в прежнем. Но и в нем присутствует оценочный дефект, поскольку ответственность за отход от православия полностью возлагается на тех, кто «отпал» от него. И эта же ответственность совершенно снимается с православной Церкви, которой явно недоставало каких-то важных качеств, чтобы удерживать всех чад в своем лоне.

Несмотря на полемические выпады Ф. М. Достоевского в адрес протестантов, следует отдать должное его честному признанию в том, что он допускал присутствие в протестантских идеях важного философского содержания, «чрезвычайно глубоких и сильных мыслей». Писатель не скрывал, что протестантское учение временами поражало его «силой мысли и порыва».

Однако Достоевский одновременно признавал, что не может похвастать пониманием сути тех идей, которые проповедовал Редсток: «Собственно про учение лорда трудно рассказать, в чем оно состоит»¹⁵. Дело, очевидно, не в том, что содержание евангелизма Редстока не было понятно писателю. Причина такого признания, в котором гораздо больше эмоционального неприятия, чем рассудочного непонимания, коренится в том, что Достоевский был истинным христианином, знавшим живого Бога. Он верил по-настоящему, и внутри него, в пределах его души и духа, шла интенсивная внутренняя работа. Он сумел не просто принять православие, но и заполнить им внутреннее пространство своего «я». Его собственное, выстраданное понимание православия не было «слабым и ничтожным». Иное дело те петербургские аристократы, которые до того жили в состоянии полудевры-полуневерия.

Общее повышение духовной активности в условиях пореформенной России оказалось в противоречии с пустотой и бесцветностью той духовной атмосферы, в которой жили многие представители высшего света. Острота мировоззренческих, религиозно-нравственных, социально-философских проблем не касалась многих из них. Большинство существовало в состоянии безразличия к религиозным вопросам. Успевшие внутренне отдалиться от христианства в его православной версии, они вдруг увидели через проповеди лорда Редстока его в совершенно ином свете. Благая Весть пронзила остывшие сердца многих. Христос вошел в них неожиданно для них самих. Протестант Редсток совершил то, чего не смогли сделать православные священники. Великосветские сознательные и бессознательные богоискатели с сердечной радостью встали на стезю протестантизма, потому что она привела их к Христу. ■

¹ Хейер Э. Религиозный раскол в среде российских аристократов в 1860–1900 годы. Редстокизм и пашковщина. М., 2002. С. 26.

² Цит. по: Хейер Э. Указ. соч. С. 39.

³ Лесков Н. С. Великосветский раскол: Лорд Редсток и его последователи: (Очерк соврем. религиоз. движения в петерб. о-ве. СПб., 1999. С. 32.

⁴ Ливен С. П. Духовное пробуждение в России: Воспоминания княжны С. П. Ливен. Чикаго, 1986. С. 8.

⁵ Лесков Н. С. Указ. соч. С. 85.

⁶ Ливен С. П. Указ. соч. С. 13–14.

⁷ Хейер Э. Указ. соч. С. 58.

⁸ Лесков Н. С. Указ. соч. С. 64.

⁹ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1987. С. 278.

¹⁰ Лесков Н. С. О куфельном мужике и проч.: Заметки по поводу некоторых отзывов о Л. Толстом // Лесков Н. С. Зеркало жизни. СПб., 1999. С. 570–572.

¹¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1981. Т. 22. С. 99.

¹² Там же. С. 98.

¹³ Там же. Л., 1988. Т. 30. Ч. 2. С. 23.

¹⁴ Там же. Т. 22. С. 98.

¹⁵ Там же.

В Центральной детской библиотеке Выборгского района, расположенной по адресу: проспект Просвещения, 36/141, открыт библиотечный краеведческий музей. Он посвящен истории северных окрестностей Санкт-Петербурга, и первая экспозиция музея – «Шуваловский парк» – рассказывает об истории парголовского имения Шуваловых.

В XX веке неоднократно предпринимались попытки создания такого музея. В 1927 году Обществом изучения местного края, организованном преподавателями и учащимися Лесного коммерческого училища и Лесного института (ныне – Лесотехническая академия), был создан музей истории северных окрестностей Петербурга. Он находился в здании училища в доме № 14 «а» по Малой Объездной улице и просуществовал три года. Позднее, как свидетельствует справочник «Весь Ленинград» за 1935 год, аналогичный музей – «Музей Выборгского района» – располагался на Сампсоньевском пр., 57.

Инициатива создания библиотечного музея принадлежит краеведу Елене Львовне Александровой, автору книги «Остров Рус в Литориновом море. Историческое прошлое северных окрестностей Санкт-Петербурга», и заведующей Центральной детской библиотекой Выборгского района Санкт-Петербурга Галине Александровне Голубевой.

Первая экспозиция музея

Е. Л. Александрова

Шуваловский парк – крупнейший дворцово-парковый ансамбль в северных окрестностях Санкт-Петербурга. Он расположен в бывшем имении графов Шуваловых – Парголово.

В отличие от всемирно известных Петергофа, Стрельны, Пушкина, Павловска, Гатчины и других пригородов, расположенных в южном направлении, северные окрестности Петербурга практически не изучены. Даже в дореволюционных путеводителях по столичным пригородам северным дачным местностям (Озеркам, Парголово, Лахте, Мурину и другим) в лучшем случае посвящалась одна-две строчки, а чаще – и вообще ни слова. Однако первые упоминания о поселениях в этих местах относятся к 1500 году, то есть к тому времени, когда заселялись и южные территории. Так, в «Переписной окладной книге Водской пятины Новгородской за 7008 (1500) год» перечисляются многочисленные, правда, малонаселенные, по 2–3 двора, деревни. Поселение Паркала состояло из четырех деревень по два крестьянских дома в каждой, что было характерно для племени ижора, жившего на этих землях издавна. Первое упоминание его в «Хронике Генриха Латвийского» относится к 1238 году, хотя северное племя «фенов» упоминал еще Геродот в V веке до н. э.

Начало истории этой территории уходит в глубокую древность. Так, при раскопках вблизи Суздальского озера в Шувалове в 1967 году

Фрагмент карты Швеции 1661 г.

была обнаружена стоянка человека бронзового века, датируемая II тысячелетием до н. э., когда существовавшее здесь Литориновое море отступило в очередной раз и на появившихся землях по берегам возникшего Древнебалтийского моря стали селиться люди. Стоянки находились на южном берегу острова, находившегося в этом древнем море (территория современного Карельского перешейка, ограниченная реками Невой и Вуоксой), известного, согласно одной из современных гипотез, в последующие

эпохи как остров Рус арабских средневековых источников, давший, как считают некоторые ученые, свое имя государству Русь¹. Интересно отметить, что островом изображали на средневековых картах южную часть современной Финляндии (карта Швеции Ф. Кловера, 1616 год)², а на «Карте Ингрии и Карелии» 1662 года северная, соседствующая с данными территориями (к северу от Невы) земля названа «Рус»³.

С этими местами связаны легенда о «Призвании варягов» и

Усадьба на холме в Парголово. Рис. Дж. Кваренги. 1780-е гг.

ми пристанищами, откуда они зорко следили за движением каждого корабля. На одном из этих островов имел свое местопребывание глава этих пиратов, известных в Скандинавии под названием викингов»⁵. Таким укрепленным островом у входа в Неву могла быть крепость на высоких холмах в районе Токсова, находящаяся под защитой «Сторожевой горы» (так до настоящего времени называется находящееся неподалеку поселение Вартемяки, что дословно переводится с финского как «Сторожевая гора»). Интересно отметить, что, по воспоминаниям старожилов Парголово, в начале XX века при строительстве нового железнодорожного вокзала Финляндской железной дороги были обнаружены остатки старинного корабля. То, что здесь было в древности море, доказывает и найденный в районе Парголово позвонок кита, экспонированный в Музее истории Санкт-Петербурга.

Через 200 лет после первого упоминания селения Паркалы в Переписной книге, в 1703 году, царь Петр Великий основал рядом с ним Санкт-Петербург. Вместе с Санкт-Петербургом Паркала-Парголово переживало блеск и нищету, торжественность и обыденность, трудовые будни и праздники. Известный русский музыкальный

предания о предшествующих «призванию» событиях, о новгородском князе Гостомысле и его предках. Интересно отметить, что известный русский историк XVIII века В. Н. Татищев, анализируя труды своих предшественников и не дошедшие до наших дней летописи и европейские хроники, именно к этим местам, называемым Ингрией или Ижорой, относил первые поселения варягов, точнее, их южного племени – руси (корень «рус» означает «красный, юг», и, по-видимому, из-за этого «южного» значения слова некоторые историки следующего, XIX века стали относить русов к южным славянским племенам – потомкам скифов). Очевидно, из этого племени и был «призван» на княжение предводитель варягов-русов Рюрик, который «по обстоятельствам русской, шведской и финской истории, королевич финский был, и пришед, в Великом городе жил», а «город тот (куда пришел Рюрик и который В. Н. Татищев называл в тексте Альдейборгом, или Алдейгьюборгом. – Е. А.) в Карелии был недалеко от моря. Для сего я с теми согласен, которые думают, что в Ингрии недалеко от Санкт-Петербур-

га – развалины оною Алдейгьюборга были...»⁴. Из этого города, название которого «Старый город», Рюрик, возможно, и переселился, как это сообщают русские летописи, в Новый город – Новгород*, поскольку именно к концу I тысячелетия н. э. в Древнебалтийском море отмечался наибольший подъем, и быть может, именно затопление города вынудило русов отойти от берега Финского залива. Продолжая традиции, заложенные В. Н. Татищевым, историк Петербурга А. И. Гиппинг писал: «Прибрежные острова и скалы служили для викингов безопасны-

Церковь в Шуваловском парке. Л. А. Серяков. Гравюра 1871 г.

* Автором статьи не упомянут г. Ладога, где первоначально княжил Рюрик. Применительно к Новгороду больше подойдет глагол «захватил», а не «переселился». По мнению ряда ученых, захват Рюриком Новгорода вызвал сопротивление новгородцев – восстание под руководством Вадима Храброго, погибшего во время своего выступления. – Ред.

Большой дворец гр. В. П. Шуваловой-Поле в Парголово.
Из кн. «Восемь видов...» М. Лустоно. 1833 г.

критик В. В. Стасов, дача которого в Парголово была одним из своеобразных центров музыкальной и художественной жизни Санкт-Петербурга, не раз говорил о том, что Парголово для него любимое место, которое он считает «приятнее всех красот Швейцарии». А художник И. Е. Репин называл Парголово не иначе как «наше милое Парголово».

Название Парголово относится к территории, начинающейся от бывшего села Спасское* в районе нынешней площади Мужества и протянувшейся до современного района Левашова, Юкков, Вартемяг и Токсова, составляя довольно значительную часть Петербурга и его ближайших северных окрестностей.

История этой территории уходит в глубокую древность. Как показали раскопки 1920-х годов в Токсове и Лахте и 1970-х годов вблизи Суздальского озера, здесь уже в II тысячелетии до н. э. обитали первобытные люди. Позже по этим новгородским землям проходил Выборгский тракт – сухопутная часть известного в истории с VIII века пути «из варяг в греки». С этим периодом в истории

* Село Спасское находилось на месте современной Александро-Невской лавры. – Ред.

** Поселок Васкелово находится, скорее, севернее, а восточнее Парголово. – Ред.

Парголово связаны старинные предания, легенды и мифы. Предшествующее Парголово селение Паркола встречается на шведских и русских картах XVI–XVIII веков. Победа в битве при Парколе в 1703 году в ходе Северной войны открыла период нового освоения этого края Россией. Эта же победа, по одной из легенд, привела к утверждению русского названия Парколы как Парголово, происшедшего от ассоциации со словами «пар в голове», будто бы сказанных Петром Великим князю А. Д. Меншикову после празднования победы. Однако название этой

местности появилось задолго до Северной войны и, очевидно, судя по своему словообразованию, уходит в глубокую древность. Парко(а)ла, а также находящееся от него на востоке поселение Васкелово–Васкала** в переводе с древнеславянского языка и родственного ему санскрита означают «западное» («para» – западный, далекий, прошлый) и «восточное» («vas/vos» – передний) поселения (kel, kala – город, крепость, встречается в названиях населенных пунктов от севера Евразийского континента до Африки, или от фин./шв. kyale – деревня). Возможно, с тем периодом в истории связано известие о том, что, «здесь были варяги», о чем свидетельствуют названия таких деревень в XVI веке, как Варягова⁶ и др., а сама Ижорская земля – Ингерманландия, как ее называли шведы, согласно В. Н. Татищеву, происходит от имени сына Рюрика Игоря: «Ингрия, у русских Ижора, финны имянуют Ингермаа – Ингорева земля»⁷.

Упоминания о первых владельцах этой местности после Северной войны противоречивы. В путеводителе 1839 года первой владелицей называется Елизавета Петровна, будто бы построившая там себе дворец (среди старожилов существуют предания об охотничьем домике, возведенном ею и частично сохранившемся до наших дней), а затем подарившая эти земли П. И. Шувалову. По другим данным,

Деревянный дворец в Шуваловском парке.
Фото 1860-х гг. (предположительно). Арх. Г. Боссе. 1850–1854 гг.

эта земля уже в 1726 году была пожалована Екатериной I его отцу, Выборгскому обер-коменданту И. М. Шувалову. Документально подтверждается лишь то, что с 1746 года этой территорией владели Шуваловы.

Именно при первых владельцах, в середине XVIII века, был разбит Шуваловский парк⁸ – единственный в России (или даже в Европе) садово-парковый ансамбль, расположенный в местности с перепадом высот более 60 метров, и существенно различными уровнями воды в прудах и озерах. Неровный рельеф местности позволяет и сейчас развиваться растительности, которая почти отсутствует в других парках. В парке большую роль играют открытые пространства и широкие водные перспективы. Уникальность Шуваловского парка в том, что он практически со времени своего создания не перестраивался. При орга-

низации пейзажной части в 1820-х годах регулярная часть была полностью сохранена.

В путеводителе И. Пушкарева написано, что «по очаровательному местоположению и превосходному устройству сада трудно найти ныне в окрестностях столицы столь приятное для гуляний и сельской жизни место, как Парголово»⁹. Однако и эти скупые строчки дают представление о былом величии и прекрасном состоянии парка в имении Шуваловых.

Помимо своей неизученности, притягательной для потомков, парк привлекает внимание исследователей и тем, что в нем в первоизданном виде сохранились и регулярная планировка XVIII века в Нижнем парке, и пейзажный Верхний сад, созданный в 30-е годы следующего столетия на неосвоенной прежде территории. Такая многослойность по времени создания вместе с уникальной простран-

ственной разноуровневостью, несомненно, ценнейшее качество этого паркового ансамбля.

Парк по-прежнему, как и более столетия назад, когда в журнале «Иллюстрация» появились очерки под названием «Парголовские тайны»¹⁰, таит в себе много таинственного и загадочного. Неясен смысл геометрической планировки Нижнего парка, сооружения двух одинаковых дворцов в середине XVIII века, горы Парнас с семью террасами, украшенными сиренью, Круглого пруда с десятью отходящими от него аллеями-лучами и многого другого... Но будем надеяться, что хоть малую часть тайн парка откроет перед посетителями экспозиция музея.

В ней прослежена история этого края как майоратного владения Шуваловых, история принадлежавших им деревень

В ней прослежена история этого края как майоратного владения Шуваловых, история принадлежавших им деревень и окружающих сел, заселенных при Екатерине Великой крестьянами из Вологодской и Владимирской губерний, а также немцами-колонистами. Рассмотрены историко-культурные связи этого края со скандинавскими пограничными странами. История того периода иллюстрируется картинками и гравюрами известных художников Садовникова, Лустоно, Васильева, Федотова и других, как осуществленными, так и неосуществленными проектами дворцов, разработанными известными архитекторами, а также цитируемыми выдержками из произведений писателей о Парголово. ■

Большой дворец. Фото 1940-х гг.

¹ Паранини В. И. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск, 1990. С. 117; Александрова Е. Л. Остров Рус в Литориновом море. Историческое прошлое северных окрестностей Петербурга. СПб., 2000. С. 22.

² The northeast passage from vikings to nordenskiöld. Helsinki, 1990. P. 221.

³ Suomen ja skandinavian vanhaja karttoje. Helsinki, 1990. P. 118.

⁴ Татищев В. Н. История Российская. М., 1994. Т. 1. С. 108.

⁵ Гишинг А. И. Нева и Нивеншанд. СПб., 1909. Т. 1. С. 15.

⁶ Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины. 7008 год (1500 г.) // Временник Имп. Моск. о-ва истории род. древностей. М., 1851. Кн. 11; 1852. Кн. 12.

⁷ Татищев В. Н. Лексикон российский исторический, географический, гражданский и политический // Татищев В. Н. Избранные сочинения. Л., 1979. С. 204.

⁸ Александрова Е. Л. Шуваловский парк // История Петербурга. 2005. № 3; Она же. Шуваловский парк в Парголово // Русская усадьба. 2005. В. 11 (27). С. 601–618.

⁹ Пушкарев И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов. СПб., 1841. С. 164; Он же. Путеводитель по Санкт-Петербургу и его окрестностям. СПб., 1843.

¹⁰ Фурман П. Парголовские тайны // Иллюстрация. 1845. С. 326–428.

Судьба семьи Диттерихс-Шталь

(эссе о моих предках)*

В. П. Шталь

Ольга Александровна Шталь в Новосибирске занимала должность заместителя главного архитектора города и начальника архитектурно-планировочного управления. Вот тут-то и пригодился ее волевой характер и незаурядные организаторские способности. Шла война. С Запада эвакуировались промышленные предприятия, которые по прибытии надо было немедленно размещать как в существующих зданиях, даже в центре города, так и на свободных территориях. Прибывали коллективы заводов, театров, картинных галерей, музеев. Шел громадный поток людей. Всех надо встретить, разместить... Часто станки выгружали в чистом поле, а уж потом соорудили цеха. Одновременно приступили к созданию генерального плана города. В 1945 году Ольга Александровна блестяще защитила план города в Москве, в высших градостроительных инстанциях. В последующие годы она продолжала работать над генеральным планом Новосибирска. Были созданы 3 архитектурные мастерские, которые она сама и возглавила. Ее знали как хорошего специалиста, ей принадлежали многие планировочные решения в застройках города, курорта Белокурихи, Нижневартовска и других объектов Сибири, Дальнего Востока и Севера. Наряду с творческой работой О. А. Шталь принимала активное участие в общественной жизни: выступала по радио с лекциями, со статьями в газетах о дальнейшем развитии Новосибирска. Она читала лекции студентам Сибирского строительного института и института железнодорожного транспорта. Вела дипломников этих институтов. Охотно принимала их в свою мастерскую на практику и на работу. Теперь эти люди – извест-

ные специалисты в городе и в стране. Они с большим уважением и теплотой вспоминают мою маму. По их инициативе в Областном архиве Новосибирска открыт фонд О. А. Шталь. Меня просили передать в этот фонд все, что у меня есть: документы, фотографии, что я и сделала. Свою точку зрения Ольга Александровна отстаивала решительно и смело, наживая врагов, но жизнь потом подтвердила, что она была права.

В 1953 году я написала письмо К. Е. Ворошилову. Так мне подсказали люди. Просила сказать мне, в чем виноват мой отец и его родня. В 1954 году получила приглашение в Большой дом Новосибирска. Там меня встретил усталый человек, который сказал, что скоро я получу документ о смерти отца и его реабилитации. Сказал, что отец мой умер в 1944 году от аневризма мозга. Я заплакала и стала спрашивать, где отец похоронен. Я хотя бы на его могилку съездила и поплакала. Человек ответил, что таких людей, как мой отец, долго мучили, а потом расстреливали, и никто не скажет, где его могила. Сказал, что жива моя двоюродная сестра Ирина Кирилловна Одинцова, что она тоже писала К. Е. Вороши-

Александр Викторович Шталь, дед Виоланты. 1893 г.

лову и теперь она знает, что и вы с матушкой живы. Дал мне адрес Иры. Я написала Ирочке, и так мы нашли. В 1958 году я получила справку из Военного трибунала, что дело отца прекращено за отсутствием состава преступления, а отец посмертно реабилитирован.

Я часто приезжала в Ленинград к маминому отцу, моему деду адмиралу. Он и члены его семьи,

Крейсер «Забияка»

* Окончание. Начало в № 5 (33) за 2006 г.

кроме нас, не были арестованы. Дед рос в семье морских офицеров и прожил очень интересную жизнь.

Мой дед – Александр Викторович Шталь (17.04.1865, Санкт-Петербург – 13.08.1950, Ленинград), военно-морской теоретик, историк, ученый-гидрограф, педагог, вице-адмирал, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. С отличием окончил Морской корпус в 1883 году, гидрографическое и военно-морское отделение Николаевской морской академии.

Службу в российском флоте начал воспитанником Морского кадетского корпуса (1874). Служил на Балтике. Ходил в «кругосветку». Плавал на крейсере «Забияка», на фрегате «Д. Донской», на клипере «Вестник», на эскадренных броненосцах «Полтава», «Севастополь».

Во время плавания в Беринговом море произвел морскую съемку Командорских островов с определением их астрономических данных. По результатам съемки Главное гидрографическое управление издало первую меркаторскую карту Командорских островов. В 1892 году по его инициативе экипаж «Забияки» установил в Петропавловске-Камчатском памятник французскому мореплавателю Лаперузу, посетившему Камчатку в 1787 году. Пирамида из валунов, опоясанная якорной цепью, с водруженным на вершине якорем, стоит в центре города и сегодня. После возвращения из плавания А. В. Шталь занимался научной деятельностью в компасной лаборатории Главного гидрографического управления, проводил исследования по изучению земного магнетизма и девиации компасов. Его научные статьи были опубликованы. После вторичного окончания академии служил в Морском генеральном штабе и Главном морском штабе, занимал ряд ответственных должностей вплоть до помощника начальника Морского генерального штаба (1908).

В 1910 году А. В. Шталь был назначен помощником начальника Николаевской академии. С 1911 года являлся помощником председателя комиссии по переработке Морского устава и членом комиссии по военно-морским изданиям. Участвовал в подготовке «Программы усиленного кораблестроения на 1911–1915 гг.», разрабаты-

Памятник Лаперузу в Петропавловске-Камчатском. 1892 г.
А. В. Шталь – крайний справа

вавшейся Морским генеральным штабом. Работа получила высокую оценку императора: «Отлично исполненная работа, видно, стоят на твердой почве, похвалите их от меня». Дед был награжден многими орденами...

Грянула революция... Дед и после Октябрьской революции продолжал службу, оставаясь в прежней должности – помощника начальника Морской академии (1918–1922). О тех годах контр-адмирал В. А. Белли вспоминал: «А. В. Шталь спас жизнь многим бывшим царским офицерам, в том числе и мне».

В период реорганизации Морской академии в Военно-морскую академию РККФ А. В. Шталь приложил много усилий для получения теоретических знаний командирами, пришедшими в академию после Гражданской войны. Под его руководством на основных факультетах и на курсах усовершенствования высшего командного состава обучались практически все руководящие кадры РККФ. А. В. Шталь руководил курсами цикла «Служба штабов», был начальником кафедры военно-морской истории, профессором и адмиралом. Адмирал старого флота, профессор, он закончил жизнь вице-адмиралом, профессором Советского флота. Согласитесь, что в течение одной жизни дважды стать адмиралом не так-то уж просто...

Владея тремя иностранными языками, он обладал исключительной эрудицией в различных областях военно-морских знаний, вел научно-исследовательскую работу. Из служебной характеристики А. В. Штalia: «Знаток по вопросам организации и службы Генерального штаба. Опытный и серьезно относящийся к делу преподаватель академии... Военно-морское образование выдающееся и по объему, и по разносторонности... научные познания в области военно-морских оперативных дисциплин, выдающийся, исключительной ценности научный и педагогический работник, сохранивший, несмотря на возраст, свои интеллектуальные и волевые качества».

С 1947 года он находился в отставке, однако научную работу не прерывал до последних дней. Похоронен на Серафимовском кладбище в Санкт-Петербурге. Я помню, как орден ему привозил морской министр. Назову лишь ордена СССР: два ордена Ленина, орден Красного Знамени, Орден Трудового Красного Знамени. В нашем доме культ личности деда сохраняется до сих пор.

И еще. Работая в архивах, я нашла интересный документ. «Российский архив. История отечества в свидетельствах и фактах XVIII–XX вв.» (М., 1991. Вып. 1. С. 254, 258). Там есть сведения о близком знакомстве моего деда с Василием Васильевичем Розановым.

Александр Викторович Шталь.
1940 г.

В. В. Розанов (20.04.1856–05.02.1919) – философ, писатель, критик и публицист. Первая жена В. В. Розанова – А. П. Суслова не давала ему развода, и поэтому В. В. Розанов в 1891 году тайно обвенчался с Варварой Дмитриевной Бутягиной. Дети от Бутягиной считались незаконнорожденными, и это во многом предопределило обращение В. В. Розанова к темам «брак и церковь», «семья и церковь».

Интересны записи о крещении детей Василия Васильевича и Варвары Дмитриевны.

1. Дочь Вера – родилась 26 июня 1896 года, крещена при Преображенской церкви в Санкт-Петербурге, это при Доме милосердия в Лесном. Восприемники: лейтенант морской службы Александр Викторович Шталь и жена статского советника Мария Петровна Ген. По имени крестного отца ее полное имя, отчество, фамилия: Вера Александровна Александрова.

2. Дочь Варвара – родилась 1 января 1898 года, крещена 25 января при Санкт-Петербургской Введенской, что на Петербургской стороне, церкви. Восприемники: лейтенант морской службы Александр Викторович Шталь и жена статского советника Мария Петровна Ген. По имени крестного отца ее полное имя, отчество и фамилия: Варвара Александровна Александрова.

3. Сын Василий – родился 27 января 1899 года, крещен при

Санкт-Петербургской Введенской, что на Петербургской стороне, церкви. Восприемники: лейтенант морской службы Александр Викторович Шталь и дочь дворянина Ольга Александровна Фрибес. По имени крестного отца и как незаконнорожденный его полное имя, отчество и фамилия: Василий Александрович Александров.

4. Дочь Надежда – родилась 22 октября 1900 года. Сведений о восприемниках нет.

Ольга Александровна Фрибес – издатель, редактор иллюстрированного сборника «Улей». Писательница, сотрудничала в журналах: «Русский вестник», «Гражданин».

При чем здесь А. В. Шталь? Может быть, друг, соратник, сосед, родственник В. В. Розанова? По крайней мере, не случайный знакомый! Восприемник его детей в 1896, 1898, 1899 годах. Вот интересная загадка!

Спросить уже не у кого. Помню только, что моя бабушка Вера Алексеевна Шталь говорила: «Когда к нам приходил В. В. Розанов, мы больше никого не принимали. Он уходил к Александру Викторовичу в кабинет, а потом мы все обедали. Так продолжалось до самой смерти Розанова».

Знаю, что дед был верующим. В 14 лет хотел уйти в монастырь. Не помню в их квартире икон или чтобы кто-то ходил в церковь. Но он знал службы и пел их. У него

Вера Алексеевна Шталь,
бабушка Виоланты. 1902 г.

был приятный голос и хороший слух. Прекрасно рисовал. До меня дошли его рисунки. Он обожал музыку Верди и был с ним знаком. Композитор подарил деду свою фотографию со своей подписью. Дед занимался фотографией. До меня дошли его альбомы. Фотографии прекрасно сохранились... Когда я приезжала из Новосибирска, дед много со мной занимался. Мы рисовали, лепили, он мне читал. По карте показывал свои морские путешествия. Он был блестящим рассказчиком. И все названия – Гвардафуй (Рог Африки), вулкан Попocatepetль (Южная Америка) и другие – звучали для меня, как музыка. Как сейчас слышу его голос: «Голубок, неси в столовую атлас, сегодня у нас рассказ про остров Мадагаскар и остров Цейлон». И мир вокруг меня преображался...

Из послужного списка деда: «10 ноября 1896 года вступил в 1-й законный брак с дочерью генерал-лейтенанта Макшеева девицей Верой Алексеевной. Имеет детей: сына Виктора, р. 22 сентября 1897 г. и дочерей: Ирину, р. 4 февраля 1900 г., Ольгу, р. 1 ноября 1907 г., Екатерину, р. 1 июля 1910 г. Все православные».

Бабушку Веру Алексеевну я прекрасно помню. До последних своих дней она была очень красива (умерла в 1961 году). Читала и говорила по-французски блестяще. Никогда не работала. Была очень доброй, приветливой, хлебосольной. Прожили они с дедом 54 года в мире и согласии, во взаимном уважении и любви.

Старший сын моего деда Виктор Александрович Шталь (05.10.1897–30.05.1997). Судьба его интересна. Он был предан своему делу и занимался им всю свою долгую жизнь. Полковник В. А. Шталь – «дедушка авиационной метеорологии» – ученый, педагог, аэронавигатор, летчик и мой дядя. Ему выпала счастливая судьба. Он был не только свидетелем зарождения советской авиации, но и принимал непосредственное участие в ее становлении. В. А. Шталь стал инициатором новшеств в метеорологическом обеспечении авиации. Было введено централизованное обеспечение аэродромов текущей информацией о погоде с помощью радиовещания. Его опыт заинтересовал метео-

Виктор Александрович Шталь, дядя Виоланты, старший сын в семье Шталей. 1943 г.

рологов всей страны. Эта форма обеспечения была введена как обязательная впервые в мире. Солдат, ученый, один из самых опытных метеорологов, просто мудрый и обаятельный человек прожил жизнь полезно и красиво. И умер красиво – почти в 100 лет, заснул и не проснулся у себя в доме, в своем кабинете, в любимом кресле. Он сделал свою жизнь ярким примером завидного трудолюбия во имя страны. Да, чуть не забыла: в историю авиации вошел так называемый «Конус Штала» – матерчатый полосатый раструб, устанавливаемый на одной мачте с флюгером на аэрометеостанциях. «Конус Штала» служит летчикам для учета силы ветра при визуальной посадке и успешно несет свою службу на малых аэродромах до сих пор.

Любимым занятием Виктора Александровича во время отдыха было рисование. Его пейзажи и рисунки на авиационную тему экспонировались в Доме офицеров. Вот такой был мой дядя.

Дальше хочу рассказать о родителях бабушки Веры Алексеевны. Ее отец – мой прадед – Алексей Иванович Макшеев (1822–1892), дворянин, из семьи офицера, героя Бородина, награжденного золотым оружием. Прадед – выпускник аракатчевского корпуса и крестник А. А. Аракатчева, пехотный генерал, географ, писатель, путешественник. В аулах Средней

Азии его почтительно называли Аскер-Ханом. Верно служа Отечеству, он состоял в кружке петрашевцев, дружил с поэтом А. Н. Плещеевым, с Т. Г. Шевченко, переписывался с А. И. Герценом (письма бабушка Вера передала в Российскую национальную библиотеку). Когда петрашевцев арестовали и судили, прадед был в далекой экспедиции у берегов Арала. Его никто не выдал, потому он избежал общей участи: разжалования в солдаты и ссылки. А. И. Макшеев оставил после себя записки и труды о Туркестане.

Алексей Иванович женился поздно, в 47 лет, на девице Анне Васильевне Фрейганг (1844–1917). Ее родители: Василий Васильевич и Доротея (Дарья) Феликсовна Фрейганг. По отцу Доротея – полька, а по матери была дочерью Анны Илларионовны Кутузовой – сестры знаменитого полководца.

Анна Илларионовна первым браком была замужем за Осипом Ушаковым, другом А. С. Пушкина. Вторым браком за Хорленским. Имела четырех дочерей. Одна из них – Доротея.

Алексей Иванович Макшеев, блестящий молодой офицер, посещал собрания кружка своего близкого друга – петрашевца Николая Александровича Момбелли, где читались доклады на разнообразные темы, в том числе и политические. В Анну Васильевну были влюблены оба. Она выбрала А. И. Макшеева. У них родилось шестеро детей: пять дочерей и один сын. Среди дочерей – моя бабушка Вера (в замужестве Шталь).

А. И. Макшеев получил блестящее образование, окончил Академию Генерального штаба, в 1860 году там же был утвержден профессором военной статистики. В зарубежных командировках А. И. Макшеев пользовался высшими благами культуры, слушал в европейских центрах лекции лучших профессоров, посещал музеи и театры. Его уникальная библиотека была размещена в родовой усадьбе Олехово. Часть архива А. И. Макшеева хранится в Боровичском краеведческом музее и по сей день. Вторая часть архива хранилась в квартире его дочери – Натальи Алексеевны, но в блокаду все погибло.

Похоронен А. И. Макшеев на родине близ местечка Гряды в селе Ильинском под г. Устюжной. В 1989 году по инициативе военкома Мошанского района майора В. В. Баронова в память об А. И. Макшееве силами общественности района в местечке Олехово был установлен памятный знак – гранитный валун с вмонтированной в него плитой из нержавеющей стали, на которой выгравировано: «Здесь в усадьбе Олехово жил русский географ, исследователь Средней Азии, военный историк, участник тайного кружка революционера М. В. Петрашевского, друг Т. Г. Шевченко – генерал Алексей Иванович Макшеев (1822–1892)». Новгородская земля свято хранит память о замечательном русском ученом генерал-лейтенанте А. И. Макшееве.

В 1997 году я вернулась на родину, в Санкт-Петербург, в свой двор, в свой дом, дом, в котором с 1933 года жили семьи моряков. Этот дом был специально построен для командного состава Балтийского флота. «Шталочка приехала домой», – так тепло здесь меня встретили мои «морские» соседи по дому. Сейчас здесь живет пятое поколение «морских» семей, мы – сильное морское братство: красивые, волевые, приветливые, добрые и энергичные. Мы не очень молоды, не очень здоровы, но не сдаемся. Мы сами – уже история. В городе я попала в Ассоциацию репрессированных. Улыбалась фамилию Момбелли. Познакомилась с Александром Георгиевичем. Теперь мы дружим, раньше дружили наши прадеды. А. Г. Момбелли старше меня и полностью испил свою «чашу»: лесоповал, штрафбат...

В 1989 году еще в Новосибирске я стала хлопотать о реабилитации Ольги Александровны Шталь, моей мамы. Она была против: «О нас забыли, теперь вспомнят...». С этим страхом она жила всю жизнь. В 1990 году пришел документ о ее реабилитации. С ним я пошла в собес Калининского района Новосибирска. Там меня встретили по-хамски – смеялись надо мной, кричали: «Кто прислал вам эту бумажку, у того и просите документы». Я позвонила в администрацию города представителю президента. Он говорил со мной

Ольга Александровна Шталь,
мать Виоланты. 1988 г.

очень любезно, извинился за работников собеса: «Никуда не ходите, они сами вам все принесут и понесут наказание за свои безобразия». Действительно, через два дня они все принесли с извинениями... Мама не успела воспользоваться льготами. 10 января 1992 года она внезапно умерла.

Поколению моей мамы не так-то просто листать страницы былого: годы репрессий, войны, болезни, потери близких будят горькие воспоминания. И в пожилом возрасте Ольга Александровна поражала людей своей энергией, жадной жаждой знаний, умением общаться с людьми. Она всегда была душой общества. Умела объединить людей и повести их за собой. Это был яркий лидер. Несмотря на тяготы тюрьмы, ссылки и трудности жизни, Ольга Александровна сохранила подлинный аристократизм. Врожденная культура и блестящее воспитание позволяли этой дворянке в разных коллективах с присутствующим ей тактом преподносить людям уроки человеческого общежития и хорошего тона. Наверное, она и была «типичным представителем России», которую мы потеряли.

Врожденный тонкий вкус, знание классических законов позволяли ей прекрасно владеть архитектурной деталью, идеальными пропорциями в композициях. Она была действующим человеком, заряженным на победу в любых обстоятельствах. И всегда она оставалась сама собой. Не скрывала

своего происхождения, писала о нем во всех анкетах. Не пыталась вступить в партию.

Для меня она была всем. Мы понимали друг друга с полуслова. Нежнейшее сердце, добрейшая душа! У нее был талант верности. Меня она обожала и всегда повторяла, что лучший проект ее жизни – это ее дочь Виолочка.

Она не допускала проявления жалости к себе, не терпела беспомощности. Она так же стремительно ушла из жизни, как и жила.... Но она всегда со мной!

В 1989 году мы получили свидетельство о смерти отца: «Павел Андреевич Дитерихс расстрелян 20 декабря 1937 года, реабилитирован посмертно». В 1993 году я стала писать о своей реабилитации в прокуратуру Санкт-Петербурга. Мне ответил юрист А. Гуцан, получивший мое заявление: «...как только будет рассмотрен закон о детях – как жертвах политических репрессий и подлежащих реабилитации, так ваше заявление будет рассмотрено незамедлительно».

В 1994 году я получила на себя реабилитацию, одна из первых в Новосибирске. В собесе новые работники были со мной любезны и внимательны.

Дела всех членов нашей семьи вел в Ленинграде полковник А. Н. Пшеничный. Моя сестра Ира

Виоланта Павловна Шталь
с верным Сэром. 2003 г.

Одинцова прочла дела всех родных. Я – только отца. Больше не смогла.

Когда я ворошу страницы семейного прошлого, то будто смотрю фильм из другой и далекой жизни...

Морские экспедиции, концерты в Зимнем дворце, золотое оружие за войну с Наполеоном – и все это ведет к арестам, пыткам и расстрелам...

Сама я получила скромное гуманитарное образование – окончила Новосибирский пединститут. Учитель истории. Работала в школе, потом прошла по конкурсу в Новосибирский институт железнодорожного транспорта на общественные кафедры, где проработала 28 лет. В партию не вступила. Муж – заводской инженер. О себе больше и рассказать нечего, разве что умного сына родила.

В нашем роду женщины отличались сильным характером, большой волей, крепким умом. Теперь мы, сестры, остались за старших. Мы вышли на передовую, подошли к самому краю, за которым – вечность...

Мы – красивые, волевые... Все повторяется. У наших сыновей есть дочки. Для них я это пишу. Сейчас они мне говорят: «Буленька, не рассказывай ты нам свои страшилки». Но когда-то им придется принять от нас эстафету и бежать по жизни дальше. У них будут сыновья, а у тех – дочки.

Я счастлива, что могу сегодня открыто гордиться своими предками и ощущать хоть малое прикосновение к ним через наш Союз потомков российского дворянства!

Р. С. Выписка из «Ленинградского мартиролога 1937–1938 гг. Книги памяти жертв политических репрессий» (СПб., 1999. Т. 4: 1937).

Дитерихс Павел Андреевич, 1906 года рождения, уроженец и житель г. Ленинграда, русский, беспартийный. Инженер Водоканалпроекта, проживал: Загородный проспект, д. 23, кв. 1.

Арестован 26 октября 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР. 11 декабря 1937 г. приговорен по ст. 58-6 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 20 декабря 1937 г.

Три письма из блокады

*Она описана много раз, и везде много неправды...
Вокруг нас все отчаянно боролось только за то,
чтобы выжить.*

М. Конисская

В 1992 году в шестом номере «Нового мира» были опубликованы воспоминания Марии Юрьевны Конисской¹ о жизни ее семьи в блокадном Ленинграде, эвакуации в 1942 году на Северный Кавказ и о дальнейших жизненных испытаниях.

Блокаде в публикации отведено три странички. Но рассказ о ней поражает такой предельной искренностью, что попавшие недавно в мои руки ее три письма тоже должны быть обнародованы, так как дополняют воссоздаваемую ею обстановку тех дней.

Однако следует отметить, что М. Конисская жила с семьей в Озерках, северном пригороде Ленинграда (сейчас вошедшего в черту города), где прожить было легче, чем в городе, – дрова и вода были под боком.

Письма печатаются с небольшими купюрами и охватывают период от конца октября 1941 года по март 1942 года.

Л. П. Беляков

Письмо первое

Моя милая, моя дорогая подружка Ирочка²!

Где же ты, что ты молчишь и голосу мне не подаешь?! Я хоть и редко, но пишу тебе, а от тебя ни строчки. Почта хоть и медленно, но ходит, письма идут отовсюду.

Часто, часто мысли мои уносятся к вам, ко всем, кто по ту сторону, кто счастливее нас. Тетка пишет, что в жизни их, до сих пор привольной, появились трудности,

но что все же лучше было бы сидеть на одной картошке, но всем быть вместе.

Ах, и первое и второе нам снится только во сне.

Если бы ты меня увидела, то, наверное, не узнала бы, я снова такая же, как была в молодые годы.

Продолжаю через день. Получила твои две открытки. Это как праздник!

Я тоже мыслями вся с вами.

Вижу всех как живых, целую и обнимаю. С вами всеми отъехавшими, кусок жизни и лучше бы я его не знала, память о нем, как открытая рана. И только трагические будни заставляют забывать. Все же и во мне живет уверенность, что все минует и мы соединимся снова, и если бы не эта надежда, да не детушки-козлятушки, то и жить не нужно.

Жизнь моя текла бы относительно спокойно здесь в Озерках, где весь грозный шум пока лишь слышен издали, где все вместе, где плита как символ домашнего очага топится ежедневно, и это центр дня и вся дневная еда и тепло от нее зависит, да снова строгости прописки, и я снова мечусь, как курица. Прописаться здесь и отметить в городе, тогда немедленно в мою комнату поселят бесприютных или эвакуированных из других районов города. Не прописавшись, не имею права ночевать (в Озерках. – Л. Б.). А в городе жить невыносимо. Не знаю, выйдет ли что. Надеюсь на какое-нибудь послабление.

Снова возникли какие-то разговоры о возможной эвакуации, но это не для нас. Если вывезут что и кого, то самое ценное и людское, и материальное имущество. <...>

Ольга Николаевна³ мне сообщила, что Исай⁴ оказался всех хитрей и сразу из Кирова направился

Семья Конисских. Озерки. Июль 1938 г.

Слева направо (нижний ряд): племянницы и племянник (Ирина, Глеб, Наталья) М. Ю. Конисской; средний ряд: брат Александр, отец и дочка Ксения, Анна – жена брата М. Ю. Конисской; верхний ряд: автор писем (Маляша), Александра Емельяновна («Килька»), Наталья (сестра М. Ю. Конисской)

в Ташкент, где будто бы имел уже ангажемент, там же сейчас и консерватория. <...> На чем же играет наш милейший шарманщик?

В следующем письме, которое жду, умоляю, напиши мне о подробностях своего быта. Хочу себе представить всю твою жизнь в мелочах. Мы же живем скудно. Федор⁵ зарабатывает 325 руб. как бригадир малярного цеха в подсобных мастерских театра. Не хватает даже на выкуп пайка, молока, развозы и пр. жизненные потребности. Но нужда – это не самое страшное. Встаю я так рано, что мне и не снилось никогда, в 5, редко в 6 часов. В четверть 7-го бужу Федечку. Ложимся, соответственно, рано, в 10 вечера уже спим, если это возможно. Еще по ночам меня беспокоит Павлуша⁶, он стал плохо спать, и раза два надо его убаюкивать. Он очень дорогое и «вкусненькое», но совсем ненужное (сейчас. – Л. Б.) существо. Характер у него беспокойный, вертлявый, капризный, с норовом. Ксюша⁷ и вовсе живет без внимания. Детки запущены, грязноваты. Былая чистота не по силам. Живем по-бивуачному, вещи, как были в тюках для отъезда, так и остались, некоторые у дворничихи в надежде на сохранность, остальное мое, дедово⁸ и Анино⁹ спихнуто на Кировском же в комнате.

Я никого не вижу и ни с кем не общаюсь, телефонов нет ни у кого, для выезда же отсюда надо много времени и, если я мчусь с утра в город по делам, то тороплюсь (потом. – Л. Б.) домой. Лида¹⁰, ко-

торая живет теперь у меня безвозмездно, уходит в 2 ч., ведь всю жизнь нам надо приноравливать так, чтобы вечером до наступления темноты всем попасть домой, ведь и все везде начинается и кончается раньше.

В твою квартиру, конечно, схожу и сделаю это до отправки письма.

Знаешь ли ты, что бедненькая Танечка Степанова¹¹ убита?

От Стивы нет давно писем, как они там, не представляю себе.

Дед по-прежнему нас объединяет, но стал очень ворчлив. Килич¹² отвратен, но, как и всегда, без угодности. Федечка очень плох. С грустью думаю, что ему не вынести всего. Шурик живет недалеко, Аня у него бывает. Он стал похож на тень и едва ходит. Натали все на трудововинности, но довольна, т. к. там что-то дают есть и еще платят деньги. Мишка¹³ на казарменном положении, Юрик¹⁴ все еще в сумасшедшем доме. Так что, милый мой Ириныч, все мы еще живы.

3.XI. Продолжаю опять после перерыва.

Была у вас. У Лили¹⁵ мне никто не открыл, поднялась до твоей квартиры. С грустью увидела обрванный звонок.<...>

Потом зашла в какую-то квартиру... там я узнала, что квартира благополучна, что Лиля никуда не уехала, что заходил туда только управхоз с каким-то военным по изъятию лыж. <...>

9.XI. Вот какой перерыв, прямо дневник ефрейтора. Я тогда ос-

тавила в почтовом ящике записку, и она мне ответила открыткой... главное, что в квартиру никто не вселен. Кажется, Мишку увезут на самолете с коллективом его картины, тогда и Наталья тоже полетит. Будет уже совсем грустно и завидно. Я расклеилась совсем, по телу пошли болячки, фурункулы и никакие царапки не заживают, а гноятся.

14.XI. Вот пишу левой рукой, с того дня мучаюсь жестоко страшным нарывом на правой (руке. – Л. Б.). 11-го поехала в город и узнала, что Миша и Наташа улетели утром. Я взвыла белугой от одиночества и зависти. Мы даже не простились. Я так много, много хочу тебе написать и рассказать, но трудно писать. Если ты имеешь хоть какую-нибудь возможность доставать «Ленинградскую правду», то читай ее внимательно. Эта единственная газета, из которой ты можешь узнать о жизни Ленинграда. Особенно последние номера за 12. XI.

Ах, как хочется к тебе, чтобы было лето, тишина, вкусная стряпня милого, бедненького Адамыча¹⁶. Как здоровье ее? Как хочется ко всем прижаться, спрятаться, забыть все! И ах, как не скоро мы еще увидимся, если, конечно, увидимся вообще. Боюсь, что скоро мы не сможем переписываться, хотя и сейчас делаем это крайне редко.

Целую тебя, моя милая, моя дорогая, и все наши тебя крепко целуют и твое семейство тоже. А чем занимается Катенька¹⁷?

Маляша.

Пиши, умоляю.

Письмо второе

15.XII. Моя милая, моя дорогая Ириночка!

Пользуясь еще одним отъезжающим и надеюсь письмо это когда-нибудь дойдет до тебя. Получила ли ты мое прошлое – целый дневник. Сегодня день рождения Павлуши, ему годик. Не так я думала провести этот день! У нас наступили сильнейшие морозы, и это очень затрудняет жизнь, но до некоторой степени и облегчает. Во-первых, проклятушим «бомбилам» невозможно летать, и у нас наступило затишье, и во-вторых, эти морозы, может быть, вморозят немчуру.

Вообще же жизнь здесь приняла особую форму, о которой невозможно написать, но продумай наше положение до мельчайших подробностей и все поймешь. Наше счастье, что мы живем все в кучке под очень разумным и дальновидным руководством Папахена, хоть это руководство и бывает иной раз пренесносным. Зато мы в исключительных по комфорту перед городом условиях. У нас относительно тепло, вовремя сделаны светильнички в каждую комнату с микроскопическим расходом керосина: имеющийся в доме керо-

син был вовремя учтен и резервирован, сделаны Федечкой две красотки-буржучки, одна даже сделана на продажу (о счастье!) за 100 руб. и 500 гр. хлеба. Благодаря тому, что мы все вместе, мы можем стоять в очереди посменно и делим на всех этот труд и ночью, и днем.

Федечка вот уже месяц как не ходит на работу, ему не под силу эта ежедневная прогулка пешком туда и обратно. Он все бюллетенит, правда, таких, как он, тысячи, а предствь себе, таких, как Павел Елисеевич, Павлуша¹⁸ твой, и вообще «пок» (покойников. – Л. Б.), ска-

жем, за вчера было 1700 ч. (человек. – Л. Б.) только в нашем районе! Вообще ты можешь представить картину нашей жизни! Но про себя могу сказать, что я совсем не унываю и верю в светлое будущее, наперекор потребностям организма, а с Федей мне очень и очень трудно. Вот когда выплывают на поверхность свойства человека, которых хотелось бы не знать! Мне стоит множества трудов сдерживать его эгоизм, который так не был заметен при полной тарелке и который так непозволителен и обиден сейчас, когда жизнь наша измеряется граммами. Отсюда у нас обостряются такие вопросы, о которых в нормальной жизни даже не имеешь представления. А потом мне противно смотреть, как он, а впрочем, и большинство мужчин, легко теряют чувство достоинства, противны, жадные, голодные глаза, дрожащие руки, взгляды на соседние крохи. Или нужно быть непременно женщиной и матерью, чтобы суметь отказаться и подавлять, а лично у меня, т. к. я кормлю ребенка, большие аппетиты? Надеюсь только на то, что все это пройдет и забудется. Конечно, все, все очень трудно и тяжело, и трагично, но я сама крепка духом и хочу, чтобы и все были такими, ведь сейчас, как ни смешно, судьба Ленинграда зависит от нашей ленинградской стойкости.

20.XII. Отъезжающий все не отъезжает. Тем временем Анна получила от военкомата повестку на эвакуацию как семье военнослужащего, и нам тоже удалось приписаться. Конечно, я очень скептически смотри на этот отъезд и до смерти боюсь на него надеяться, но сердце трепыхается от одной мысли оказаться на «той стороне». Такого рода выезды уже давно практикуются. Раньше это были пешие, потом машины для детей, а сейчас ввиду имевшихся больших срывов идет переорганизация этого дела. Во всяком случае, я бы не рискнула ни на пешее путешествие, ни на открытой машине. А вчера военкомиссар, у которого я получила разрешение, сказал мне совершенно определенно: если речь будет идти об автотранспорте, то только в закрытых машинах и с посадкой в Ленинграде. Это было бы чудесно! Но значит, надеются на возможность и по жел[езной]. дор[оге].

М. И. Конисская
с дочкой Ксенией и сыном Павлом.
Конец 1940-х гг. Ленинград

Наши успехи на фронтах вселяют столько надежд, особенно в нас. Как мираж встает одно слово: освобождение! Только бы оно не пришло слишком поздно, сил уже очень, очень мало.

Шурик 6-го уехал на фронт тем путем, которым, возможно, поедем мы. От 7-го уже имеем письмо. Дорога (ночь) была ужасающая в открытой машине при –17° с ветром. Несколько товарищей его не доехали от переутомления и обморожения. Зато доехавшие блаженствуют. Шурка пишет, как они ели целый день, как и чего достали, как три избы готовили на 4-х человек и как к вечеру они уже не могли ходить от сытости. Глупые, могли умереть. Но читать это письмо просто невозможно! Кажется, Шурика берет в гвардию.

Если мы вырвемся, то, конечно, все вместе, и поедем в деревню к Аниной матери, которая все время всех зовет.

Вчера мы с Аней совершили пешее путешествие в город с саночками за кое-каким бельишком. Я не была там месяц. Ну и вид! Ну и быт! На Кировском проспекте обыкновенная могила. Отопление выключено, как и свет. В комнате мороз, никого нет (Маринка¹⁹ тоже улетела) на темной кухне, на оставшейся плите спят два тенеобразных, опухших беженских ребенка. Я бежала оттуда без оглядки.

23.XII. Из вчерашних и позав-

черашних газет извлечена масса радостей и надежд! Кажется, действительно наступает немецкий крах. Неужели близится и наше спасение! Ириночка, дорогая, духом, а тело требует жизни и еды. Все мы очень ослабели, я стала скелетообразна. Представляешь ли ты, это бывший «медведь, а не баба». Из газеты же узнала, что убит О. Цехновицер²⁰. Сообщение, собственно, было о том, что в квартиру погибшего на фронте Цехновицера О., т. к. его семья эвакуировалась, вторгся при помощи управхоза нач. отд. милиции и присвоил себе и квартиру, и вещи, за что и предстал перед воентрибуналом.

Меня радует то, что такие проступки наказуются теперь, по крайней мере, я спокойна за твою квартиру. Может быть, близится день, когда вы сможете возвратиться. Разве не счастье для тебя обрести все вновь целым и невредимым?

С грустью должна тебе сообщить, что та курочка (в действительности – кошка. – Л. Б.), которую ты мне оставила в наследство – Горжетка, заколота и съедена. Ее очередь была самая последняя, до нее мы съели 26 кур (кошек. – Л. Б.), чем и держались полтора месяца. Теперь остается любимая папина козочка (собачка. – Л. Б.) – Ирма, но она остается на самый крайний случай, возможно, в отъезд.

Да, сантименты во время войны не нужны, и здесь о них никто не думает, если бы не имели этого, то я бы уже не писала тебе более письма. Одно скажу, мы боремся за существование героически, и я буду делать все, чтобы не умереть, буду сопротивляться смерти всеми силами!

Детки мои здоровы, хотя я жду ветрянку, которой больна тетя. Ксюше, конечно, тяжело, она стала очень грустная и вялая. Гулять не выгонишь. Цельный день один вопрос: скоро ли кушать, и вообще все интересы в этом вопросе. Книжки как будто и не существуют, игрушки тоже. Но, если она грустна теперь, то Павлуша просто орет и требует (еды. – Л. Б.).

Удручающе противна Килька! Папа поймал ее на месте воровства из-под замка у Ани каких-то заветных теткиных кусочков, и был безумный скандал.

25.XII. Ну, милая, у нас сегодня праздник! Нам прибавили норму хлеба! Теперь мы получаем 200 гр. вместо 125. Это как светлый луч надежды. Все повеселели, все радуются. Теперь будем жить!

Так как приближается Новый год, то поздравляю вас всех и целую и обнимаю, хочу быть с вами и вспоминаю все проведенные вместе встречи, желаю только одного, чтобы как можно скорее закончилась эта безумная война, чтобы мы встречались снова все вместе. Пиши мне, Ирочка. Ведь письма как никак просачиваются. Сейчас принесли нам целых пять писем.

Целую. Маляша.

1/5. 42. А вот и Новый сорок второй год! Поздравляю и обнимаю. Мы тоже устроили настоящую встречу, т. к. это был для нас настоящий праздник на фоне всей жизни, то опишу тебе его. Во-пер-

вых, я, к сожалению, должна была с Лидою протопать в город за карточками, что заняло весь день, с утра и до 8 вечера, и испортило мне настроение всеми картинками городской жизни. Да, мы еще живем в царских условиях. Теперь наличие колодца, дворовой уборной и помойки является нашим преимуществом перед городом. По пути до Кировского встретили 25 «пок» (покойников. – Л. Б.), едущих на ручных салазках в самой разнообразной таре и без нее, а также просто дожидающихся на улице. В городских квартирах свет отключен давно, а у нас он просто очень часто и надолго выключается; холод и мороз жуткий, еще попали под обстрел, в общем, бежали домой как сумасшедшие. А дома нас ждала мирная картина. Федя с детьми убирал елочку, которую мы с Аней выменяли у крас-

ноармейца на 2 пачки папирос и кусочек дуранды, была зажжена большая керосиновая лампа, вытоплены все печи, намыт пол. Для встречи Нового года ассигнованы из «аварийных запасов», который у нас бережется на черный день, но уже, к сожалению, кончился: мною банка шпрот, Аней – рольмопс, папой – кусочек сахара, мною плитка шоколаду, детям по конфетке и по старой барборисе, натуральный кофе, кроме того, пиво, которое нам выдали по карточкам. В общем, мы веселились, заводили патефон, без 10 12 дали свет, и мы на целую ночь забыли о войне и прочих горестях. А на утро снова очереди, пока и пр. Ну, как-нибудь проживем!

Целую еще раз всех вас, сегодня видела всех во сне за пышным столом, конечно, я ела во сне картошку!!!

Письмо третье

Моя дорогая Ирочка! Какие несчастья валяются на наши головы! Подумай только о том, что за денек был для нас 27 марта. Утром умерла Килька, днем ее похоронили без сожаления да и без почестей. Ей пришлось проследовать в свое последнее путешествие в обычном сейчас здесь облачении – защитой в старое одеяло на детских саночках и быть закопанной в общей могиле. Может быть, это и ужасно, только я стала так равнодушна ко всему, что не имею даже угрызения совести. Вечером же наше любимое озеровское гнездо сгорело до тла. Это, безусловно, была месть старухи (Кильки. – Л. Б.) за непочтительные похороны. Ах, Ирочка, как страшно – пожар в мороз 27 гр., хорошо, что мы еще не легли спать. Мы успели вытащить почти все барахло, а мебель пожарные скидывали с балкона в сад, и всю раскололи. Всю ночь пришлось дежурить по очереди у вещей. Утром устроились у соседей в домике, который на участке Тартарена²¹, только ближе к Варваринской. Здесь и ютимся по сей день вшестером, в маленькой комнатке. Собираемся уезжать. Судьба сама указывает нам путь. Ленинград и жизнь в нем перечеркнуты черным карандашом. За что здесь

цепляться? За надежды на лучшее будущее? Они химеричны, эти надежды, а хочется, главным образом, кушать и, стряхнув, как сонный бред, все наши совершенно дикие человеческие отношения, оставить их здесь, и снова взглянуть на нормальные лица и поговорить с чело-

Ирина Валентиновна
Щеголева-Альтман
(адресат писем)

веком, который не все время думает о еде. Если выеду, дам тебе телеграмму. Буду пробираться в Алма-Ату. Это очень далеко, но это единственное место, откуда не поступают жалобы на продовольственные затруднения. Там Коля с Ниной²² и Наташа с Мишей. На «Ленфильме» Федя сможет работать. А сам город меня всегда привлекал. Мечтаю сманить с собой бабу Олю. Еще не решила, делать ли привал в Перми. Это очень увеличит путевые расходы, но, проехав, не пробыв день-два с тобой, тоже невероятно.

Сейчас страшновато ехать. Еще холодно и слишком много едущих, особенно тех, кто выезжает в 24 часа.

Кстати, Тартарен тоже должен уехать. Его жену зовут Эльза Фердинандовна. У меня есть предчувствие, что мы на пороге каких-то перемен. Но все равно я уеду. От Шурика сегодня есть письмо. Они уже очень близко – 6 ч. езды по Савеловской ж. д. От Фединой матери тоже уже приходят письма. Прочла в «Ленинградской правде» указ Ленсовета о незаселении квартир эвакуированных членов академии, профессоров, доцентов, заслуженных деятелей науки и искусства и т. д. и охране их имущества. Очень прошу

тебя или Лиду²³, напишите бабе Оле²⁴, чтобы она срочно послала сюда заявление, оно очень важно, если она хочет сохранить квартиру. Пусть пишет заявление в райсовет Петроградского района, в отдел жилищного управления, копию в домохозяйство № 19 по пр. ...

Подпись О. В. надо засвидетельствовать где-либо и послать эти письма прямо по адресам или Юрию, чтобы он снес их по назначению. Это сейчас единственное, что может спасти квартиру. Советую и Натану поступить так же.

Пишу мало, ибо нет времени,

надо бежать в лавку: радость, радость! Иждивенцам «дают» жир 100 гр.

Целую всех, надеюсь скоро увидеться. Ваша Маляша.

25.III.42. ■

*Публикацию подготовил
Л. П. Беляков*

¹ Конисская М. Ю. (Георгиевна) – 1904–1990-е. Художник; первый муж Ростислав (Стива) Васильевич Карпов, племянник акад. В. А. Щуко, второй муж Федор Максимов (1909 – умер от туберкулеза в 1942).

² Ирина Валентиновна Щеголева, жена художника, скульптора и графика Натана Исаевича Альтмана (1889–1970), засл. худ. РСФСР, выполнившего в свое время с натуры серию зарисовок В. Ленина, портрет А. Ахматовой. Близкая подруга автора писем.

³ Черносвитова Ольга Николаевна.

⁴ Браудо Исая Александрович – известный органист, муж одной из подруг автора писем.

⁵ Максимов Федор – второй муж автора писем.

⁶ Павел Федорович Максимов (род. 12.1940), художник театра, сын автора писем.

⁷ Карпова Ксения Ростиславовна, 1934 г. р., дочь автора писем от первого брака; позже работала переводчиком в ООН, сейчас живет в Швейцарии.

⁸ Конисский Юрий Александрович, отец автора писем.

⁹ Анна, жена Александра, брата автора писем.

¹⁰ Лида – домработница, первые дни блокады жила вместе с семьей автора.

¹¹ Татьяна Степановна, врач, работала в медсанбате, подруга Татьяны Николаевны Черносвитовой.

¹² Килич – в домашнем обиходе имя второй жены Ю. Конисского, мачехи автора писем, Александры Емельяновны.

¹³ Натали – Наталья Владимировна Щуко, дочь акад. Щуко, жена Михаила Александровича Кроткина, художника «Ленфильма».

¹⁴ Юрий Лукашков, первый муж Марины Владимировны Щуко, дочери акад. Щуко.

¹⁵ Лиля – соседка по дому И. В. Щеголевой.

¹⁶ Тернавцева Мария Адамовна, мать Ирины Валентиновны, по первому мужу Щеголевой.

¹⁷ Катерина Брониславовна Малаховская, впоследствии балерина.

¹⁸ Щеголев Павел Елисеевич, известный литературовед, специалист по творчеству А. С. Пушкина, отец первого мужа Ирины Валентиновны, Павла Павловича.

¹⁹ Щуко Марина Владимировна, дочь акад. В. А. Щуко, была эвакуирована в Кизел, актриса театра, почетный гражданин Вологды.

²⁰ Цехновицер Орест, писатель, погиб на корабле при переходе флотилии из Таллина в Кронштадт.

²¹ Сосед по даче.

²² Черкасов Николай, народный артист СССР, Нина – его жена.

²³ Щуко-Браудо Лидия Николаевна (по фамилиям мужей в первом и втором браке), девичья фамилия Черносвитова.

²⁴ Ольга Владимировна, первая жена акад. В. А. Щуко.

Ирина Евгеньевна Тайманова – одна из самых ярких и талантливых современных петербурженок. Известный телережиссер, музыкант, педагог и писатель, она не перестает восхищать окружающих своими многочисленными дарованиями. Сейчас ею готовятся к печати одновременно две книги. Одна из них «Эдита Пьеха: жизнь – песня» весной будущего года выйдет в издательстве «Нестор». Фрагменты второй книги «Записки счастливого человека, или Байки феи Карабос» журнал «История Петербурга» с удовольствием представляет нашим читателям.

Записки счастливого человека, или Байки феи Карабос*

И. Е. Тайманова

Каждый человек может ощущать себя счастливым, если он живет полноценной и яркой жизнью, стремится нести добрую энергию. «Стыдно быть несчастливым», – это строка стихотворения замечательного писателя Александра Володина. Хотя есть множество людей, которые считают, что стыдно быть счастливым, когда вокруг так много беды, несправедливости, драм, нищеты... Но «отдельно взятый человек в отдельно взятой стране» не может решить всех этих проблем, и поэтому каждый из нас, как мне кажется, должен просто жить порядочно и существовать в тех объемах способностей, что ему посланы свыше.

Мне очень повезло. Я родилась в семье, где были люди, уже наделенные той душевной энергией, которая помогала воспитывать детей. Уникальная красавица мама – Серафима Ивановна Ильина – сама по себе обладала множеством способностей. Она прелестно пела, играла на рояле и готовила себя к артистической карьере, но встретила моего будущего отца – Евгения Захаровича Тайманова – талантливого инженера, очень одаренного человека, прекрасно писавшего стихи, занимавшегося и архитектурой, и изобретательством. Он неоднократно работал главным инженером крупных заводов и в Харькове, и в Ленинграде, и вдруг его младший брат Григорий Тайманов был сослан в лагеря по подозрению в том, что он японский

Серафима Ивановна Тайманова (Ильина). 1924 г.

Евгений Захарович Тайманов. 1925 г.

шпион. А вина его была лишь в том, что он был тоже очень талантливой личностью, сумевшей внести немалый вклад в топливную энергетику. И, быть может, за то, что он жил независимо, свободно, ему предъявили обвинение сначала в «широком образе жизни», которое он заслужил, будучи очень крупным изобретателем, а затем назвали иностранным шпионом. И мой отец, опасаясь работать при этом «наследстве» семьи в областях, связанных с военной или промышленной техникой, ушел в театральное строительство.

Ленинградский театр комедии, возглавляемый замечательным лидером, прекрасным режиссером и художником Николаем Павловичем Акимовым, первым пригласил моего отца работать в области театра. А затем он работал и с Игорем Петровичем Владимировым в театре Ленсовета и долгие годы был главным инженером одного из самых замечательных театров страны – Большого драматического театра – тогда им. Горького, ныне – им. Товстоногова. И когда папа утром говорил: «Я пошел в театр», – то в нашей семье уже воцарялась

* Благодарность Ольге Старых за проявленную инициативу в написании этой книги.

Ирочка Тайманова.
Полька с мишкой

артистическая обстановка. Отец шел работать на благо театрального дела, мама усаживала детей за рояль, занималась с ними музыкой (со мной еще и балетом), а затем стремилась всей своей жизнью доказать, что ее несостоявшаяся карьера певицы или пианистки должна воплотиться в карьере детей. Она даже говорила: «Я выбрала артистические имена. Старшего, например, назвала Марк – это должно быть звучно на афише – Марк Тайманов».

Так и случилось. Спустя десятилетия мой брат доказал, что он стал и замечательным пианистом, получившим от фирмы «Philips» звание «Лучшего фортепианного дуэта XX века» вместе со своей женой и партнершей Любовью Брук – тончайшей, одухотворенной пианисткой. Фирма «Philips» выпустила золотые диски этих музыкантов, и сегодня по всему миру с гордостью звучит музыка этого дуэта. Но, кроме того, мой брат успел прославиться и как киногерой, сыграв главную роль в фильме «Концерт Бетховена», из которого вышла знаковая песня «Эх, хорошо в стране советской жить». Только напомним, что фильм этот вышел в 1937 году, когда хорошо жить было далеко не всем, ибо «черные воронки» останавли-

вались перед многими домами, уничтожая элиту российской интеллигенции, российской науки, российской культуры и просто тысячи тысяч замечательных людей, погибших позже в лагерях... Но красавец мальчик, учившийся тогда и в школе для особо одаренных детей при Ленинградской консерватории, уже занял первое место на конкурсе. Его фотографии – пышноголового, ясноглазого мальчика, с улыбкой, отмеченной двумя обаятельными ямочками, печатались во всех газетах нашего города, и кинорежиссеры, снимавшие фильм «Концерт Бетховена», решили, что именно он подходит им для главной роли. Приехали в Тарховку, где отдыхала мама с Мариком и только что родившимся другим братом Аликом, и сказали: «Мы хотим, чтобы ваш сын поиграл для нас в футбол». И Марк азартно собрал команду и артистично сыграл в футбол. Затем они послушали, как он играл на рояле, и утвердили его на главную роль Янки в фильме «Концерт Бетховена». Картина имела колоссальный успех не только в России, но получила «Гран-при» в Париже в 1937 году. В годы печали и боли эта картина воспевала образ жизни советских детей. И действительно, параллельно трагедиям в Советском Союзе сложилась традиция помогать творчеству наиболее способных малышей. Их выискивали

в деревнях, в селах, их привозили в школы для одаренных детей, их обучали, им давали все возможности, стипендию. И надо отдать должное, эта «стеязя», направленная на воспитание здорового творческого поколения, проводилась неукоснительно чиновниками из разных ведомств. Только у многих из этих детей не было отцов или матерей, отобранных тем же государством.

Но у Марка эта история была связана только с двумя близкими папы и мамы. Это тоже немало. Брат отца в одном концлагере, а муж маминой сестры и сестра мамы – в другом лагере вместе с сыном Юрой. Прежде Леонид Лямин занимал огромный пост – он возглавлял работу крупного Хабаровского края и был убежденным коммунистом. Он верил в те идеалы, которые проповедовала эта идеология, он верил в то, что бедные станут богатыми, что страна восстанет из разрухи. Верил, но подчинился желанию маминой сестры Тоси венчаться в церкви. Это было преступлением для коммуниста. И вскоре Леонида Лямина вместе с его женой арестовали и сослали в концлагерь, а в детдоме оставили его сына Юру. И параллельно со счастливым Марком, преодолевавшим «творческие рубли» с завидной легкостью, в семье появился еще один брат – двоюродный, ставший для нас родным. И мама, и папа после гибели Лео-

Кинокадр из фильма «Раздумья». 1965 г.
Борис Розумейко, Ирина Тайманова и Дмитрий Барков

Владислав Успенский. 1963 г.

нида Лямина и Антонины не побоялись взять на воспитание ребенка «врагов народа».

В отличие от собственного сына, этот мальчик вкалывал в ступля учителям булавки, заливал лавки чернилами и всячески хулиганил, потому что привык вести себя так в детдоме. Разные мальчишки, но оба выросли достойными, и Юра позже окончил прекрасное Дзержинское училище, стал офицером-подводником, дизелистом, капитаном второго ранга, потом начальником военной школы, умницей, высокопорядочным человеком и сыном для моих родителей – таким же, как родные.

Но вернемся к истории с «Концертом Бетховена», снимавшимся в те же тяжелые годы... Мой брат сыграл роль маленького скрипача, десятилетнего сына знаменитого профессора музыки, среди учеников которого был и сын рабочего Владик. Идеология фильма была в том, что профессор отказался от занятий с сыном рабочего, потому что тот был не менее талантлив, чем его собственный. Правда, при этом в семье второго героя – Владика – родился маленький брат, и он не мог ходить на уроки к профессору. Это была уже вторая линия. И тогда чудесный добрый Янка (роль которого играл мой брат) помог мальчику слушать уроки своего отца. В результате поезд повез талантливых детей в

Москву на конкурс. И Янка, роль которого исполнил Марк Тайманов, победил. При этом он сам выучил каденцию своего друга Владика. И фильм завершается оптимистическими словами: «Победили наши дети!»

Фильм прелестный, его показывали неоднократно в течение 50 лет по телевизору, потому что даже поезд – мультипликационный поезд – весело выбрасывая из колес нотки, поет: «Эх, хорошо в стране советской жить!» И там есть строка «Красный галстук с гордостью носить, да, носить!» Один из журналистов уже у знаменитого гроссмейстера Марка Тайманова спросил: «А что, доносили и пионеры?» Потому что «да, носить» воспринималось в 37-м году однозначно в другом смысле.

С этим фильмом была связана и другая история. Выходец из России, знаменитый американский скрипач Исаак Стерн сказал как-то моему брату Марку Тайманову: «Ты знаешь, у вас многие хорошо играют на скрипке, но мало кто еще держит красиво скрипку. Вот я видел один фильм, он назывался “Концерт Бетховена”, и там мальчик великолепно держал скрипку». Марк чуть не выронил чашечку кофе из рук и сказал: «Азик, это был не скрипач, это был я. Только меня учил великий музыкант Мирон Полякин

Ирина Тайманова. 1963 г.

и полтора месяца занимался со мной, показывая, как держать скрипку, как правильно выучить аппликатуру в том эпизоде, в котором я играю. И я мог сыграть тот эпизод, но в фильме за меня играет Мирон Полякин, а я лишь играю под фонограмму». Но так убедительно! Спустя годы, когда я стала режиссером и снимала многих скрипачей под их собственные записи, то никто из них не играл так убедительно, как мой брат в детстве.

Мама и дети Таймановы. 1977 г.

Но, живя в мире музыки, он, видимо, интуитивно тянулся и к тишине. И поэтому, когда лауреата «Гран-при» парижского конкурса привели во дворец пионеров и спросили: «А чем еще ты хотел бы заняться?» – он выбрал самую тихую комнату, где чемпион мира по шахматам Михаил Ботвинник занимался со своими учениками. И он принял в свою группу маленького Марика Тайманова. Прошло семь лет, после чего Марк стал и мастером спорта очень рано, и чемпионом Ленинграда, а затем дважды и чемпионом Советского Союза, а позже чемпионом мира среди юношей, а позже неоднократным победителем в различных номинациях на олимпиадах, на турнирах. Он был и одним из претендентов на главную шахматную корону тогда, когда корона завоевывалась многократными испытаниями, а не перипетиями и интригами между разными кланами шахматистов. Он очень талантлив, мой брат Марк, очень обаятелен. И думается, что те нравственные качества, которые привили ему с детства, помогли ему выбрать широкую, ясную и любимую им дорогу как в области музыки, так и в области шахмат, а при этом еще и в мире журналистики. Кроме того, он – человек неожиданных поступков. В двадцать лет родил прекрасного сына, который пошел по его

Ирина Тайманова и Эдита Пьеха. 1972 г.

Ирина Мирошнichenко и Ирина Тайманова. 1986 г.

Ирина Тайманова. 1978 г.

стопам и стал тонким пианистом, выступавшим в дуэте со своей мамой Любовью Брук, хорошим шахматистом, выступающим в различных соревнованиях, не таким ярким, как отец, но очень способным. Прекрасным музыковедом, написавшим книгу о фортепианном искусстве, великолепным педагогом Петербургской консерватории. Достойный сын достойного отца – Игорь Маркович Тайманов. И его дочь Кира пошла той же стезей, с отличием окончив как Петербургскую, так и Парижскую консерватории в качестве пианистки.

Итак, не зря мама сидела за роялем! Потому что как минимум четверо пианистов в нашей семье, включая и меня, оправдали ее надежды.

Это история того, как мама сказала однажды: «Детей нужно или иметь и отдать им жизнь или не иметь их вовсе».

Серафима Ивановна Тайманова, я буду повторять это всегда, – уникальная синеглазая красавица с потрясающей фигурой, с золотистыми волосами, с точеным лицом, не уступающим по красоте Наталье Николаевне Пушкиной. Изящная и артистичная, мужественная и сильная, не надломленная тем количеством горя, которое обрушивалось на нее всегда.

Я часто задумывалась: «Что перенесли мои родители, встретившись в начале XX века?». Мама родилась в первые годы того века, а папа в 1897 году. Потом на них обрушилась одна революция, другая. Продразверстки и продналоги, Гражданская война и разруха, а затем коротенькая передышка, во время которой мою маму возили в ЧК, потому что у ее отца была небольшая мельница, и ее чуть ли не пытали за этот «скарб» ее семьи, за который она, гордая красавица, неслала ответ и сидела в подвале на улице Дзержинского, 4, в нашем ленинградском отделении ЧК. Ей сказали: «Мы ведем вас на расстрел». Но, видимо, в последний момент пожалели и отпустили.

Отец, несший всю жизнь тяготы брата, «врага народа», достойно

В. Матусовская, переводчица (тетя И. Таймановой) М. З. Авербуш, И. Е. Тайманова и М. Матье. 1986 г.

и спокойно ждал последующих ударов. Они наступили, только несколько позже, в конце его жизни.

А когда началась Великая Отечественная война, то у мамы были уже два сына. Помимо уже знаменитого Марка Тайманова, которому тогда было 16 лет, 9-летний Алик, тоже очень способный музыкант, занимавшийся на скрипке в той же школе для особо одаренных детей. А перед самым началом войны родилась маленькая девочка – я. За месяц и 11 дней до начала войны. Тогда мой отец Евгений Захарович Тайманов был проректором и руководил эвакуацией Ленинградской консерватории. Марк получил индульгенцию поехать в Ташкент вместе с эвакуировавшимся эшеломом, потому что на него возлагали большие надежды как на музыканта и он был еще очень юн. А мама подошла с маленьким Аликом и мною на руках к вагону, где теснились люди, и сказала: «Моя грудная девочка не выдержит этого пути. Я останусь пока с ними в Ленинграде». Пока...

Она не знала, что вскоре Ленинград переживет блокаду. И эта одухотворенная, тонкая, изящная женщина будет каждый день носить на своих плечах ведра с мерзлой водой из Невы, возить санки с теми, кто умер прямо на улице, помогать людям, попавшим рядом с нею в беду, и выстоит, выдержит. На нашу семью помимо блокады свалилась отдельная личная беда. Рядом с мамой оставалась ее мама и прелестная,

рыжеволосая, розовощекая сестра Лида, энергичная, веселая. Не до веселья было в дни блокады... Однажды Лида вместе с соседкой пошла на рынок обменять хлеб на кусочек мяса для детей, и ей сказали: «Вы знаете, здесь мясо не свежее, поэтому мы предлагаем пойти к нам на улицу Софьи Перовской, и там вы получите свежее мясо». Свежее мясо получили... но только не моя тетя Лида, а те, кто зарубили ее на куски и оставили в том доме на улице Софьи Перовской... Через несколько дней после пропажи Лиды с фронта приехал мамин брат Виктор Ильин, получил разрешение на обыск в указанном соседской девоч-

кой доме, зашел и увидел зарубленные человеческие тела и Лидину шубку, висящую в гардеробе... Бабушка, мамина мама, сошла с ума... У нее было тихое помешательство... А моя мама при всех этих обстоятельствах продолжала сохранять семью и выдерживать не только личную беду, но и беду всех, кто жил в то время. Она была мужественной...

Быть может, мою жизнь сохранило то, что на маму с антресолей упал мешочек с грецкими орехами, который они с папой привезли в предыдущее лето с юга. И всю блокаду мама отваривала ядрышки и кожуру от грецких орехов. И видимо, там были те питательные витамины, что помогли не только мне, но и соседям мамы, которым она помогала выжить (так же как и сохраненными ею с довоенного времени лекарствами). Она сумела остаться той стойкой сильной ленинградкой, о которых так много сегодня пишут... Нигде, никогда я не нашла упоминания о моей героине, об этой русской красавице Симочке Ильиной.

Но когда уже блокада подходила к концу, то друг маминой сестры предложил случайно возникшим эшеломом через Ладогу отправить нас в эвакуацию. Это был неожиданный случай, но все основное время блокады мы прожили здесь. И мне кажется, что своей генной памятью я слышу, вижу и чувствую и раскаты канонады, и вспышки обстрелов. Я блокадный

Ирина Тайманова и Валентина Толкунова. 1987 г.

ребенок и горжусь этим. И несмотря на то, что сегодня я – человек, много появляющийся на экранах, и, казалось бы, мне выгоднее скрывать свой возраст, однако подчеркиваю: я родом из Блокады! Я родилась в то время, и моя семья выстояла под натиском и ударами достойно и гордо. В то время в этом городе было немало мародеров, жуликов, обогащавшихся за счет умиравших людей, скупавших драгоценности и антиквариат, поднявшихся на большую материальную высоту на горе людей.

Спустя двадцать лет в Комарове, на коммунальной кухне дачного поселка моя мама жарила котлеты рядом с обаятельной женщиной. Они вместе жили на Лиственной, 16, в коммунальном дачном домике. Вдруг на кухне появился обаятельный седовласый человек и, глядя на мою маму, спросил:

– Скажите, а вы не были в блокаде в Ленинграде?

– Была.

– А вы не помните, чтобы вам кто-то крикнул у Большого драматического театра: «Бомба! Ложись! Падай!»

Мама резко повернулась и сказала: «Да, этот крик спас жизнь мне и моим детям». «Это я вам крикнул, – сказал Дмитрий Сергеевич Лихачев. – Это я увидел вас и захотел предупредить. Нас разметала взрывная волна, и позже я вас не видел». Мама спросила: «Ну как же спустя двадцать лет вы узнали меня, хотя видели всего мгновение?» «Такие лица не забываются», – сказал замечательный человек академик Лихачев.

Мы дружили с этой семьей, тогда мне было лет четырнадцать-пятнадцать. А позже, спустя двадцать лет, мы встретились с ним, когда я была уже вполне преуспевающим режиссером телевидения и шла на работу. На вахте седовласый красивый человек снял шляпу и сказал мне: «Здравствуйте, Ирочка!». – «Дмитрий Сергеевич, вы же не видели меня двадцать лет, как вы меня узнали?» И мне он ответил иначе, хотя я унаследовала какие-то черты своей матери: «Вы меня за неинтеллигентного человека держите, а ваши программы люблю и смотрю. А еще, если я помяну летописи XII века о походе князя Игоря, то как я могу забыть

ту славную семью, с которой встретился двадцать лет тому назад». И потом много раз Дмитрий Сергеевич Лихачев помогал мне на разных этапах своим участием в самых важных и нужных передачах – о национальном в России, о нравственности, о культуре. Не одну программу сделали мы с этим замечательным человеком, и не раз я еще вернусь к этому человеку, но, быть может, именно он, Дмитрий Лихачев, спас однажды жизнь моей маме, мне и брату Алику.

Можно ли считать себя счастливой, родившись в горниле войны и блокады? Можно ли считать себя счастливой после уже запоздавшей эвакуации, которая пришла на последние полтора года войны, когда мой совсем юный брат Марк на перекладных, с поезда на поезд, встречал нас по дороге в Ташкент... Я, конечно, не могу помнить ни Ташкент, ни годы блокады – это откладывается лишь через воспоминания близких. Я не могу помнить и то, как мы вернулись в этот город, «знакомый до слез», и оказалось, что нашу квартиру занял профессор университета Евлахов, и его новая жена цинично заявила, что все в этой квартире принадлежит им. Были такие люди, которые пользовались чужим именем, чужими квартирами, чужим добром... Бог им судья...

Некоторое время после войны мы жили в отеле «Астория». Напротив – садик, в котором сажали картошку и капусту. Это сейчас «Астория» – очень дорогой отель, а тогда в нем жили превосходные люди, те, у кого были разрушены жилища. С одной стороны – знаменитая певица Ольга Феликсовна Мшанская, выступавшая на сцене Мариинки вместе с Шаляпиным и Собиновым. Ей предлагали остаться за рубежом, но она навсегда сохранила верность России, верность своей оперной сцене. Ее дочка Галочка Мшанская, будучи постарше меня, рассказывает, что в детстве завязывала мне красивые банты, а спустя годы, как и я, стала работать на телевидении, создала ряд превосходных спектаклей, фильмов, программ. Ныне она – жена Олега Валериановича Басилашвили, автор известной программы «Царская ложа», но порой вспоминает, какой была я в том детстве, в «Астории»,

когда я еще только начинала учиться быть. Быть ученицей музыкальной школы при Консерватории, быть начинающей балеринкой, так как мама уже с 6 лет учила меня балету у лучших педагогов Вагановской школы, учила искусству понимать жизнь и людей, которые меня окружали.

В том же отеле «Астория» с другой стороны жила семья фокусника Кио. И позже, видя огромные буквы, которые рассказывали об их гастролях, я всегда помнила, что это наш сосед по номеру в отеле «Астория».

Когда у меня был коклюш, то мама, чтобы отвлечь меня от кашля, разбивала яйцо о нос мраморного Сократа и таким образом вводила меня в историю Древней Греции и Древнего Рима через скульптуры, стоявшие там в коридоре. Смутно я припоминаю то время... Но уже более отчетливо то, когда наша семья переехала в прекрасную квартиру в ведомственном доме школы для особо одаренных детей при Ленинградской консерватории, которую окончил мой брат Марк, в которой мой отец работал (как и в Консерватории) главным инженером и строил после разрухи и школы, и Консерваторию. А мы жили в 150 квадратных метрах, в трех прекрасных комнатах, где находился антиквариат, что оставил мой дядя, который находился в лагерной ссылке по 53-й год. Я была окружена любовью, красотой, добротой, звуками музыки, которые неслись из всех соседних комнат, где жили интернатские ребята.

Да, в нашей квартире не было ни ванной, ни туалета, были только оставленные кем-то большие и красивые комнаты. Но мама вводила в систему воспитания то, что мы не были элитарными детьми, оторванными от других. Напротив, она каждый день кормила обедом интернатских детей, моих подруг, одевала их в мои платья и хотела сделать все, чтобы они почувствовали уют и тепло семьи, оторванные от своих семей, так как многие дети приезжали тогда в интернат из союзных республик, городов, сел. Рядом со мной, на несколько лет постарше, учились многие выдающиеся музыканты, ставшие мировой гордостью в искусстве. И об этом моя следующая глава... ■

Комсомольский противопожарный полк в условиях блокады

(Заметки бывшего комиссара полка)*

М. М. Гитман

В конце декабря 1941 года с политруками и комсоргами я подготовил и провел полковую комсомольскую конференцию. Конференция прошла очень активно. Продолжалась она 7 часов (в перерывах тушили пожары). Ребята рассказывали о своих делах, о работе на очагах поражений, о деятельности ротных комсомольских организаций.

Я выступал в конце конференции, говорил о задачах, стоявших перед Комсомольским полком в тот тяжелейший зимний период блокады Ленинграда, о повышении боевой и политической подготовки его бойцов.

В 1942 году полк окреп, его бойцы и командиры накопили большой опыт по борьбе с пожарами. В том году в полку было подготовлено 700 истребителей танков; в армию и в партизанские отряды были направлены из полка 284 лучших бойца и политработника.

Новые задачи обороны города требовали перестройки работы полка, и с июля 1942 года полку была доверена охрана 35 важнейших учреждений города.

Трудными, очень трудными были зимние месяцы 1941–1942 годов: частые пожары, истощение бойцов из-за систематического недоедания, холод. Вызовы на ликвидацию очагов поражения следовали по 5–6 раз в сутки. Часто не успевала высохнуть одежда. Приходилось работать в мокрых комбинезонах. Было очень тяжело! Но наперекор всему этому не иссякали комсомольская жизнерадостность и энергия, стремление быть полезными Родине брало вверх. В полку была объявлена борьба с понятиями, которые были буквально большими, насущными (об этом были даже решения комсомольских собраний):

М. М. Гитман. 1979 г.

«Как можно меньше думать о еде, как можно меньше ныть».

«Запретить произносить слова: – Еда, усталость, болезнь»...

Комсомольский максимализм! Очевидно, да! Но тогда он был необходим. Именно это было одним из средств борьбы за жизнь.

О чем мечтали, о чем думали?

Для всех нас «светлое будущее» было очень конкретным. Надо было всем миром разгромить фашизм. Это было главное, основное. Думали ли о будущем? Разумеется. Тогда еще многого не знали о кровавых репрессиях, о серьезных просчетах в политике, экономике, военном деле. Вдалбливали во всех нас наличие окружения из многочисленных врагов, предателей...

Комсомольский противопожарный полк играл немалую роль в общей борьбе ленинградцев за спасение города от огня. Однако число пожаров росло. Борьба с ними стало необыкновенно труд-

но – без света, воды, транспорта, связи. Истощенные бойцы пожарных команд еле ходили. Только в январе 1942 года комсомольский противопожарный полк участвовал в тушении 200 пожаров. Некоторые роты подряд по 10–12 часов вели борьбу с огнем. Ослабевшие от голода бойцы до места пожара добирались пешком, нередко за несколько километров.

Возвращаясь в казарму, обессиленные валились на койки. Казалось, никакая сила не может поднять. Но вот опять тревога, где-то снова бушует пламя. И комсомольцы вновь шли спасать людей и дома. Очень точно эту картину охарактеризовал поэт Леонид Хаустов, служивший в полку в 1941–1942 годах.

Блокада

*Я в полку пожарном.
Теперь казарма мне как дом.
С утра тушили на Дегтярном,
Сейчас на Каменный пойдем.
Огонь вселяется в квартиры,
Ему войною ордер дан.
Я, если мог, спасал картины:
Вдруг Репин или Левитан.
Я шел вперед к огню в объятья,
А он метался, как лиса.
И тут же чьим-то летним платьем
Я копоть вытирал с лица.
И снова вскакивал с матраца,
Вновь по тревоге в строй бежал...*

Это отрывок из поэмы «Опасная сторона» (Л., 1970. С. 173–174).

Служил в полку и другой ленинградский поэт – Герман Гоппе.

Комсомольцы противопожарного полка умели не только тушить пожары, они могли заставить людей улыбаться, заставить поверить в жизнь и в победу. Помогало им в

* Окончание. Начало в № 5 (33) за 2006 г.

этом искусство. Молодость есть молодость, и она не может не дружить с искусством. Поэтому в полку возник агитвзвод.

В июне–июле 1942 года один из руководителей комсомольского полка противопожарной обороны Ленинграда вызвал к себе бывшего художественного руководителя Дома культуры Смольнинского района Ц. Г. Чашник, и между ними произошел следующий разговор:

– Цецилия Герасимовна, нам необходимо создать агитвзвод в комсомольском противопожарном полку.

– Агитвзвод?! Сейчас, в такое трудное время? Когда смертность достигла апогея, когда нет света, воды, и вы хотите заставить людей танцевать?

– Да, да, именно сейчас, надо поднимать дух ребят, надо переключить их от каждодневной встречи со смертью, и потом им нужен отдых. Именно сейчас мы должны помочь сохранить свое человеческое «я». Человек на войне не может жить одной только войной.

Хорошо по этому поводу сказала в своих стихах О. Ф. Берггольц:

*...Но тот, кто не жил с нами, –
Не поверит,
Что в сотни раз
почетней и трудней
В блокаде, в окруженьи палачей
Не превратиться в оборотня,
зверя...*

Кстати, О. Ф. Берггольц неоднократно была в подразделениях полка.

Бойцы агитвзвода не пользовались никакими льготами. Они так же, как и весь личный состав, вели ожесточенную борьбу с огнем и только после этого ходили на репетиции, готовили номера, выступали с концертами.

Участница агитвзвода, бывший боец Комсомольского полка А. М. Арсеньева в своей книге «В комсомольском полку» описала первое знакомство агитвзводцев с Ц. Г. Чашник: «Чашник говорила о нашей будущей работе. Она говорила темпераментно, образно, хорошим интеллигентным языком, интонационно выделяя слова, смысл которых считала нужным подчеркнуть.

– Вы должны нести людям радость, – подытожила она свою речь и, сделав ударение на этом слове, повторилась: – радость, а не развлечение. Будить в них желание бороться, поднимать их дух. После ваших концертов на передовой солдаты будут уходить в бой, ваше слово, песня, танец должны утолять боль у раненых в госпиталях. Работать придется много и напряженно».

Так начинался агитвзвод комсомольского полка. И эти молодые ребята 14–18 лет справились с почетной задачей «нести людям радость, жизнь». Они танцевали, когда болели ноги в коленях, улыбались, когда им было грустно. Но они знали, что это нужно, чтобы «в окруженьи палачей не превратиться в оборотня, зверя...».

Вот дневниковая запись обычного концерта, на котором выступали бойцы агитвзвода Комсомольского полка в госпитале на Троицком поле: «...в госпитале было особенно много тяжело раненых, надолго прикованных к постели. Поэтому концерты устраивались в палатах. Первый раз нас привели в большую комнату, где вдоль стен стояли кровати, а середина была освобождена, получился небольшой пятачок, окруженный стульями для ходячих...»

Я не знаю, как называется то чувство, которое охватывает человека, какой бы профессии он ни был – врач или актер, если может своими усилиями облегчить страдания... Волнение? Вдохновение? Порыв? Не знаю – только ощущали мы это очень остро. Когда исполняется для начала марш, сочиненный Петей Давыдовым, который называли гимном Комсомольского полка, мы видели, как лежащие раненые поднимают голову, как пробиваются сквозь гримасы боли улыбки.

Тогда мы смолкали и, восполняя чувством отсутствие мастерства, звонко подхватывали припев марша:

*Слышим все! Идем уверенно.
Мы от пожаров Ленинград свой
защитим, защитим!
Нам дело вверено,
Идем уверенно,
На фронте братья,
здесь – мы победим!*

Сразу после марша Е. Крыкина пела свои веселые украинские

песни. Валя Сахарова задорно плясала «Яблочко», а ее партнерша Нина Налимова танцевала с Валей Дроздовой лезгинку. Больше всего, пожалуй, бойцам нравилась «Бескозырка»...

В заключение Циля Герасимовна читали «Гармонь» Жарова. Наш зритель не скупился на аплодисменты, а начмед госпиталя благодарил и утверждал, что такой концерт сильнее действует, чем любые лекарства».

И сколько было таких концертов!.. И в госпиталях, и на Дороге жизни, и в подразделениях своего полка, и батальонах выздоравливающих*. Бойцы полка и сейчас в строю. Они воспитывают внуков, встречаются с молодежью, а не так давно и могли «тряхнуть стариной» – выступить с концертными номерами (сейчас, разумеется, это стало все сложнее). А Ц. Г. Чашник после окончания войны более 35 лет проработала художественным руководителем Выборгского дворца культуры. Это по ее инициативе была создана народная филармония, и под ее руководством театральный коллектив одним из первых в стране получил звание народного. За время ее работы еще 6 самодеятельных коллективов были удостоены этого высокого звания. Одной из особенностей работы Ц. Г. Чашник было огромное желание помогать активистам трудовых коллективов в организации и развитии самодеятельного творчества. И поэтому, вполне естественно, что она носит своеобразное звание, присвоенное ей энтузиастами самодеятельного творчества: «Мама художественной самодеятельности Выборгского района». В 1985 году она ушла из жизни, но до последних дней она постоянно выступала в роли консультанта и советчика, проявляя завидное творческое долголетие...

Не будет преувеличением утверждать, что в деятельности полка ярко проявилась комсомольская инициатива, высокая отзывчивость, дисциплинированность. Бойцы полка делали все, что надо было городу, его обороне.

Партия призвала строить оборонительные сооружения – вмес-

* См. подробнее: Арсеньева А. В комсомольском полку. Л., 1974.

те со всеми защитниками города бойцы КПП строили их.

Надо было разбирать деревянные дома, так как городу необходимо было топливо – бойцы КПП выполняли и эту работу.

Надо было готовить жилье к зиме – и бойцы КПП помогали в этой работе.

Характерной чертой являлось то, что все задания выполнялись четко и в срок. Отзывчивость и доброжелательность были характерны для всех, кто был в полку.

Воспитательная работа, которую вели комсомольская организация, командиры и политработники, не пропала даром – она дала свои положительные результаты.

И если отмечать главное в деятельности Комсомольского полка, то оно состоит не только в том, что полк, его бойцы активно боролись с огнем (это очень важно), но также и в том, что в рядах полка воспитывались настоящие патриоты, беззаветно преданные своей Родине, своему народу! Для многих 15–16-летних полк стал не только местом, где они служили, воевали с огнем, но и родным домом.

Л. П. Серебрякова вспоминает, что в начале 1942 года она осталась одна (а ей тогда было 15 лет) – все родные и близкие погибли. Она пришла в полк, который помог ей найти место в жизни. Ей не пришлось участвовать в тушении многих пожаров, но она занималась «профилактикой». Дело в том, что в квартирах было тогда установлено огромное количество печек-временок-«буржук» – все они были самых разнообразных конструкций: консервные банки, кастрюли, баки, бачки и были потенциальными очагами пожаров. Ведь топить их, следить за ними приходилось обессиленным, голодным людям.

Л. П. Серебрякова рассказывает:

«Иногда было очень страшно. Входишь в квартиру – никого нет, зовешь – молчание. И вдруг в одной из комнат находишь старушку, окруженную хорошей мебелью – все это придвинуто к самой буржуйке, и она сама лежит чуть ли не на ней. Оттянешь ее:

– Бабушка, разве так можно? Ведь сгорите!

Приходишь на другой день – опять такая же картина...».

Но комсомольцы настойчиво обходили «свои объекты» и эти обходы также оберегали город от пожаров.

Бывший боец Кировской роты Б. Л. Гаразин вспоминает: «Полк сыграл исключительную роль в сплочении коллектива. Не знаю, что было бы со мной, если бы я не попал в противопожарный полк. Чуть ли не на саночках зимой 1942 года привезли меня в полк. Я не намного больше ел, но чувство коллектива, чувство дружбы, комсомольский огонек пробуждали веру в жизнь, в победу, желание бороться. Со многими однополчанами я потом вместе воевал на фронте. Это были замечательные ребята...».

Об этом же писал в своей книге «Блокада. Я в полку пожарном» Виктор Комлев, председатель Совета ветеранов полка.

...В 1943 году полк был переброшен в Тихвинский район на лесозаготовки. Здесь многие встретились с совершенно новой для них работой, с новыми трудностями, но полковая жизнь многому научила, и абсолютное большинство бойцов КПП работало честно и добросовестно: Ленинград получал регулярно лес, заготовленный бойцами полка. Здесь отличились В. Бодунова, В. Михайлов, И. Быховский и многие другие.

Оглядываясь на пройденный путь, приятно и радостно сознавать, что бойцы комсомольского добровольческого формирования внесли свою долю в благородное дело защиты нашего любимого города. Высокую, но вполне заслуженную оценку получила деятельность полка в постановлении Бюро Ленгоркома ВКП(б) от 31 сентября 1943 года по вопросу «О работе Ленинградской городской комсомольской организации во время Отечественной войны». Было отмечено, что созданный по инициативе горкома ВЛКСМ противопожарный комсомольский полк и комсомольские отряды оказали значительную помощь в охране города».

Прошли годы... И годы немалые. Все бывшие бойцы, командиры полка стали старше (но не постарели), так как Комсомольский полк не только не потушил, а, наоборот, зажег в наших сердцах комсомольский огонек!

Галина Митрухова – активная пропагандистка полковых дел, сейчас на пенсии, но ведет большую работу среди школьников, активно участвуют в работе по патриотическому воспитанию Валентина Гришина, Юрий Белозеров, Александр Арсеньев, Николай Амосов, Нэра Бобченко (Пошигорова). До последних дней своей жизни активную патриотическую работу вел подполковник Герман Моисеев.

Особого слова заслуживает председатель Совета ветеранов Комсомольского полка противопожарной обороны Ленинграда Виктор Петрович Комлев. Он родился в 1926 году в Ленинграде, был зачислен бойцом Комсомольского полка противопожарной обороны Управления пожарной охраны и Ленгоркома ВЛКСМ в августе 1942 года. Будучи бойцом Комсомольского полка, он активно участвовал в ликвидации очагов поражения, самостоятельно работал на пожарах, проводил большую профилактическую работу среди населения по противопожарной безопасности. С марта по ноябрь 1943 года В. П. Комлев вместе со всеми бойцами Комсомольского полка был направлен на заготовку леса в Тихвинский район Ленинградской области. Отсюда В. П. Комлев ушел на Балтийский флот, где прослужил с 1943 по 1950 год и был награжден боевыми орденами и медалями.

В 60-е годы с новой силой раскрылись организаторские способности В. П. Комлева. Он стал собирать материалы о людях Комсомольского полка, боевых делах его отделений, взводов, рот и батальонов. Именно В. П. Комлеву принадлежит идея сбора в декабре 1966 года ветеранов полка, избрание его Совета.

В. П. Комлев был единодушно избран председателем Совета ветеранов полка.

За эти годы он провел поистине титаническую работу:

розыск сотен бойцов и командиров полка;

подготовка экспонатов для двух школьных музеев и постоянной пожарно-технической выставки;

подготовка и выпуск фильма о комсомольском полке;

написание и выпуск книги «Блокада. Я в полку пожарном» (Л., 1983);

подготовка и проведение более 10 передач о деятельности полка по радио и телевидению;

написание статей в газетах «Ленинградская правда», «Смена», «Ленинградский рабочий» и др.;

помощь сотням бойцов в розыске архивных документов и в оформлении материалов для получения ими медали «За оборону Ленинграда»;

по его инициативе организовывались встречи бойцов полка (в том числе и лесорубов) с молодежью Ленинграда, бойцами пожарной охраны, слушателями пожарно-технического училища, школьниками и др.

В. П. Комлев – душа Совета ветеранов, душа всех ветеранов полка. Это подлинный патриот, энтузиаст, безвозмездно отдающий все свое время своим однополчанам.

Заслуживают быть отмеченными:

Валентина Степановна Алексеева (Бодунова), 1921 года рождения, член КПСС с 1951 года. Работала в ЛГУ в качестве заместителя декана вечернего и заочного отделения экономического факультета. Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «250 лет Ленинграда». В полку с августа 1941 года, активно участвовала в ликвидации очагов поражения, особенно проявила себя в период работы полка на лесозаготовках. В 1944 году была направлена в Сибирь и вместе с товарищами привезла в леспромхоз лошадей, необходимых для вывозки леса. Принимала активное участие в общественной работе Ленинградского университета. К сожалению, Вали сейчас нет в живых.

Любовь Васильевна Зенина (Иванова), 1920 года рождения, член КПСС с 1944 года, русская; работает в качестве доцента кафедры истории стран Дальнего Востока ЛГУ, кандидат исторических наук (с 1952 года). Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «250 лет Ленинграда». Награждена за активную работу на пожарах: грамотой Ленгорисполкома (1942), грамотой Обкома ВЛКСМ и Ленгорисполкома (1966).

Неоднократно выезжала на пожары. Была назначена политруком роты. В 1942–1944 годах работала инструктором Ленобкома ВЛКСМ (награждалась грамотами ЦК ВЛКСМ и Обкома ВЛКСМ).

Педагогический стаж работы в вузе более 30 лет. Ею опубликовано более 40 научно-исследовательских работ. Принимает активное участие в общественно-политической жизни факультета: член правления общества СССР–Япония, председатель лектория «Современная Япония».

Вениамин Аркадьевич Авербах, 1916 года рождения, еврей, работает на Канонерском судоремонтном заводе руководителем группы стандартизации.

В Комсомольском полку – с первых дней его основания. Политрук роты Кировского района – роты, которой приходилось ежедневно под ураганным артиллерийским обстрелом ликвидировать многочисленные очаги поражения, пожара.

Всегда на всех очагах поражения был вместе с бойцами, показывал личный пример отваги и умения грамотно вести борьбу с огнем; участвовал в тушении пожара на фабрике «Равенство» и других объектах. Впоследствии был назначен комиссаром полка. В полку пользовался большим заслуженным авторитетом.

Активно участвовал в общественно-политической и производственной жизни Канонерского завода. Сейчас пенсионер.

В нашей доброй памяти всегда останутся:

Игорь Евсеевич Быховский, 1924 года рождения, член КПСС с 1946 года, профессор, доктор наук.

Один из самых активнейших работников полка, ежедневно участвовал в боевых действиях полка, прошел путь от бойца до командира батальона, зам. ответственного секретаря комсомольского бюро полка. Награжден за боевые дела именными часами Горисполкомом, грамотой Горисполкома (1942). В дни блокады (1942) окончил 10 классов. При работе на лесозаготовках был командиром отделения, командиром взвода, политруком взвода. В ноябре 1943 года был призван в армию. Награжден медалями: «За оборону Ленин-

града», «За победу над Германией», «250 лет Ленинграда», «20 лет победы над фашистской Германией». Умер в 1988 году.

Высоко ценят в полку Изабеллу Дионисовну Журавлеву (Янишевскую), 1923 года рождения, члена КПСС с 1945 года. Активный боец Комсомольского полка, только в первые месяцы выезжала на пожары 27 раз, награждена именными часами Ленгорисполкомом, грамотой Ленгорисполкома (1942), имела благодарности Ленгоркома ВЛКСМ. Была утверждена секретарем комсомольского бюро полка, принимала активное участие в политической работе полка в городе и на лесозаготовках, часто выступала перед бойцами с содержательными докладами.

Награждена медалями: «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд», «250 лет Ленинграда», грамотой ЦК ВЛКСМ. За работу в Пскове имеет многочисленные грамоты Псковского обкома и горкома КПСС, в 1968 году награждена грамотой Министерства просвещения РСФСР. Работала директором школы, заведующей горно г. Пскова.

О полке написаны книги Ю. Помпеевым («Явись на пост» и «По тревоге»), А. Арсеньевым («В комсомольском полку») и В. Комлевым («Блокада. Я в полку пожарном»).

Немало есть газетных и журнальных публикаций... В 291-й школе Красносельского района открыт музей, есть он и в Ленинском районе. Небольшая экспозиция о полку есть в музее истории Ленинграда, на постоянной пожарно-технической выставке. Ждет своего часа и развернутая экспозиция во вновь открывающемся Музее обороны Ленинграда.

Время было трудное, очень трудное, но оно закаляло людей, учило их самоотверженности, напряжению всех сил для защиты города. Это – великая школа.

И последнее. Как-то странно и непонятно, что бойцы МПВО, Комсомольского полка и другие жившие и работавшие в городе все блокадные дни оказались без знаков «Житель блокадного Ленинграда».

Сентябрь 1989 г. ■

Как я заседал в райизбиркоме

К. С. Померанец

В конце февраля или в начале марта 1962 года в Ленинграде проходили выборы в местные советы депутатов трудящихся. Тогда все общественные мероприятия совершались по плану, с предварительной подготовкой, без всяких споров и обсуждений. Заранее создавались избирательные комиссии, выделялись помещения, устанавливался порядок подготовки и проведения всех процедур. Состав избирательных комиссий утверждался примерно в ноябре–декабре 1961-го на собраниях коллективов, которые можно было и не собирать: людей подбирали в парткоме.

Я в те давние годы работал лаборантом на географическом факультете нашего Университета имени А. А. Жданова. Учебно-вспомогательный персонал всегда привлекался к текущим хозяйственно-общественным делам: в колхоз, на благоустройство, на какие-нибудь дежурства. Причастность к демократическим выборам считалась почетной. Со мной, беспартийным, кто-то на ходу поговорил, я, не долго думая, согласился: участие в комиссии позволяло иногда раньше уходить с работы (кстати, довольно постылой...) и пользоваться отгулами. Стал раз-два в неделю ходить на избирательный участок, располагавшийся в какой-то школе на последних линиях Васильевского острова, где-то между Большим и Средним проспектами.

Работа, что и говорить, непыльная: сиди с шести до десяти вечера, отмечай списки, отвечай на редкие телефонные звонки. Легко и просто, тем более что почти всегда рядом находился еще кто-нибудь из членов комиссии, более знающий. Постепенно познакомился с составом комиссии. Почти все коллеги из какого-то строительномонтажного управления, люди простые, веселые. Ближе к выборам стали собираться чаще, иногда в полном составе. Кроме строите-

лей была девица из ВСЕГЕИ и парень из «Механобра». Шутили, балагурили, обсуждали последние речи Хрущева. Обратил внимание, что строители говорят с белорусским акцентом. Поинтересовался. Действительно, все они прибыли в Ленинград в конце 45-го – начале 46-го по спецнабору из Гомельской и Могилевской областей для восстановления Ленинграда. Их наскоро обучили строительным специальностям. Я в 48-м окончил школу в Западной Белоруссии, но о спецнаборах не знал. Попытался расспрашивать в основном как уцелели в войну. Ребята оказались не столь открытыми, как на первый взгляд казалось. Отматчивались, а то и вовсе не отвечали. Как-то один маляр пробубнил: «Мы, считай, войны не видали. От дорог далеко, колхозы разогнали, сдавали што староста скаже, сабе усяго аставаляся. Партизан баялися...».

Еще интереснее были разговоры о жизни в Ленинграде. Поселили строителей в какие-то бараки вблизи ЦПКиО. Целый день на работе, в основном на воздухе. Холод, жара, дождь, снег, ветер. Одежда плохая. Но больше всего хотелось есть. Всегда. А денег было мало.

Так в беседах проходили предвыборные вечера. Я уже привык к ним и даже не прислушивался. Но однажды вздрогнул. Когда вполне взрослые мужчины – ведь с первых послевоенных лет миновало еще 17 лет – вспомнили, как они добывали деньги. Просто грабили редких прохожих, особенно женщин. Едва темнело, выходили на дело, обычно втроем. Требовали отдать по-хорошему кошелек, сумку, шапку, рукавицы, фуфайку. Не отдавали – грозили ножом, не давали кричать. Промысел был долгим – несколько лет, круглый год, прерывался лишь в белые ночи. И совершенно безнаказанно. Были, похоже, заявления в милицию. Мильтоны приходили, знакомились, ничего не спрашива-

ли, угощались и уходили. Награбленное проедалось, пропивалось, вещи потихоньку сбывались. Из других разговоров я понял, что потом это занятие они бросили. Как только жизнь понемногу наладилась – совершенствовались на работе, переженились, некоторые вступили в партию.

Перед выборами стал чаще появляться председатель комиссии. Простой дядька, фронтовик, хромой, с палочкой, с орденскими планками. Деловой, справлялся: берут ли открепительные, есть ли жалобы. С ним приходила тетка – маленькая, усатая, подвижная, с визгливым голосом, как правило – мрачная. Представлялась: «Я зам, член партбюро СМУ». Давала указания, чтобы было чисто, чтобы не отлучались, чтобы без происшествий, без всяких выступлений избирателей.

И вот – день выборов. Пасмурный, промозглый, теплый. Не то весна, не то поздняя осень. Но – празднично, на улице музыка, оживленно. Комиссия в сборе. Председатель распределил членов за длинным столом с буквами алфавита. Меня на выдачу бюллетеней не посадили, указали следить за порядком, приглашать к столам и урнам, очень желательно не заходя в кабинеты, помогать пожилым, исполнять просьбы членов комиссии. Привели гурыбу школьников, нарядных, при красных галстуках. Их попарно поставили у бюста Ленина, они без команды вскинули руки в пионерском салюте. Постепенно, часам к десяти, пошел избиратель. Одной из первых стремительно влетела немолодая женщина. Небрежно, но точно бросила у входа мусорное ведро, запахнула халат и начала речь во славу партии, народа и Хрущева. В комиссии – легкое веселое замешательство, председатель делает мне знак, и мы с ним вежливо и серьезно напоминаем, что надо взять бюллетень и опустить в урну. Быстро-быстро договорили, повернулась

ко всем, придерживая одежду, схватила ведро и вышмыгнула прочь.

Голосование проходило спокойно, даже скучно. Люди больше толпились в буфете. Часам к пяти вечера стало совсем спокойно. Но председатель, напротив, забеспокоился. Куда-то звонил, отлучался, шептался с заместительшей. Появились двое незнакомых: худой жилистый майор (кто-то тихо шепнул – «С пожарки, с Большого...») и бледный невзрачный, аккуратно одетый в черное с белоснежной рубашкой и черным галстуком. Часов с семи эти двое никуда не отлучались.

А председатель все больше нервничал. «В центральной комиссии, на Большом, 55, мы должны быть первыми. Здесь близко...». Ему возражали, особенно дева из ВСЕГЕИ. Но он только отмахивался. И вдруг, минут за пять до вскрытия урн, послышался грохот, смех, возгласы, и в помещение ввалилась толпа молодежи с лыжами и рюкзаками. «Мы студенты Горного. У нас были соревнования. Извините!». Председатель вокруг них засуетился, что-то объяснял. А они: «Братцы, ребята! Да за нас тут уже голоснули! Как?! Нарушение конституции! Отняли право голоса!». Шум, толчея. Зампредседательша закричала: «Хулиганство! Прекратите немедленно! Мешаете

работе избирательной комиссии». Она с председателем при осторожной поддержке двух незнакомцев выпроводили студентов, и все приступили к подсчету голосов.

Сразу же возникла неугомонная всегеишница: «А почему здесь посторонние, не члены комиссии?». Зампредседательша: «Тише, это представители райкома и исполкома». – «Ну и что?». – «Да успокойтесь вы, наконец. Только мешаете!!!». Председатель – весь внимание – тихо переходил от одного считающего к другому, неназойливо поторапливал. Человек в черном объявил негромко: «Бюллетени с пометками передавайте мне». И почти сразу мне попался бюллетень с подписью под фамилией депутата: «Кто такой? Почему не знаю?». Я возмутился: «Не знает Виктора Харлампиевича Буйницкого! Участника героического дрейфа “Седова”! Героя Советского Союза! Нашего заведующего кафедрой океанологии! Профессора, доктора географических наук!». Председатель энергично поддержал меня: «Избиратель сам виноват. Надо было ему сходить на встречу с депутатом!». Тут-то я и спохватился: «Да Буйницкий с ноября в экспедиции, в Антарктике...». Подсчет продолжался. Человек в черном, вдруг подняв руку с бюллетенем, зачем-то объявил:

«Этот голос – действителен, перечеркивание не задело фамилии депутата». И оставил бюллетень у себя. «Позвольте, но ведь человек что-то хотел выразить?!» – не унималась всегеишница. «Опять вы!» – вскричала зампредседательша...

Несмотря на заминки, подсчет исполнили быстро. В распоряжении председателя был «газик», и он с опечатанными пакетами бюллетеней помчался на Большой, 55. Очень скоро вернулся, довольный, расслабленный: «Мы – четвертые. Это хорошо! Прошу всех остаться и перейти в соседний класс». А там на длинном столе чего только не было: водка, коньяк, вина разные, рыба, колбасы, ветчина, торты. Тамадой был майор-пожарник. Первый тост: «Выпьем за все, что мы сделали для народа!» (Аккуратный человек в черном незаметно исчез еще до застолья.) Было весело. Строптивная дева из ВСЕГЕИ оживленно беседовала со строителями, ей подливали, она заразительно смеялась. Расходился примерно около двух ночи. Точнее – развезжались на газике...

Депутат В. Х. Буйницкий вернулся из Антарктики в начале лета. Говорили – я не присутствовал – среди прочего его поздравили с избранием. Никаких чувств не проявив, он будто недовольно сказал: «Вот еще придется время тратить...»

Командующие войсками Гвардии и Петербургского – Петроградского – Ленинградского военного округа

В. М. Лурье, П. А. Калёнов

1. Генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант великий князь Николай Николаевич Старший, первый командующий войсками Гвардии и Петербургского ВО (10 августа 1864 – 17 августа 1880).

2. Генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант великий князь Александр Александрович, командующий войсками Гвардии и Петербургского ВО (17 августа 1880 – 1 марта 1881).

3. Генерал от инфантерии, генерал-адъютант великий князь Владимир Александрович, командую-

щий (2 марта 1881 – 14 августа 1884), главнокомандующий (14 августа 1884 – 26 октября 1905) войсками Гвардии и Петербургского ВО.

4. Генерал от кавалерии, генерал-адъютант великий князь Николай Николаевич Младший, Главнокомандующий войсками Гвардии и Петербургского ВО (26 октября 1905 – 20 апреля 1914; 6 июня – 20 июля 1914).

5. Генерал от инфантерии Ольховский Петр Дмитриевич, исп. обязанности главного начальника Петроградского ВО (20 июля – 13 августа 1914).

6. Генерал от артиллерии, генерал-адъютант Фандер-Флит Константин Петрович, исп. обязанности командующего войсками Петербургского ВО (5 апреля – 6 июня 1914).

7. Генерал от инфантерии, генерал-адъютант Данилов Владимир Николаевич, исп. обязанности главного начальника Петроградского ВО (13 – 29 августа 1914).

8. Генерал от инфантерии барон фон Ашеберг Николай Павлович, исп. обязанности главного начальника Петроградского ВО (30 августа – 18 ноября 1914).

9. Генерал от инфантерии Зальца Антон Егорович, исп. обязанности главного начальника войск Петроградского ВО (18 ноября 1914 – 31 марта 1915).

10. Генерал от артиллерии, генерал-адъютант Фандер-Флит Константин Петрович, исп. обязанности главного начальника Петроградского ВО (31 марта – май 1915).

11. Генерал от инфантерии Фролов Петр Александрович, исп. обязанности главного начальника Петроградского ВО (май – 14 сентября 1915).

12. Инженер-генерал князь Туманов Николай Евгеньевич, главный начальник Петроградского ВО (14 сентября 1915 – 13 июня 1916).

13. Генерал-лейтенант Хабалов Сергей Семенович, главный начальник (13 июня 1916 – 6 февраля 1917), Главнокомандующий (6 – 28 февраля 1917) войсками Петроградского ВО.

14. Генерал-майор Аносов Николай Степанович, временно исполнял обязанности Главнокомандующего войсками Петроградского ВО (2 – 5 марта 1917).

15. Генерал от инфантерии Корнилов Лавр Григорьевич, Главнокомандующий войсками Петроградского ВО (2 марта – 7 мая 1917 – по документам, фактически с 5 марта).

16. Генерал от инфантерии Радкевич Евгений Александрович, помощник (декабрь 1916 – май 1917), исп. обязанность (7 и 8 мая 1917) Главнокомандующего войсками Петроградского ВО.

17. Капитан Кузьмин (Козьмин) Андрей Илларионович, исп. обязанности Главнокомандующего войсками Петроградского ВО (8 – 18 мая, 13 – 20 июля, 27 – 28 августа 1917).

18. Генерал-майор Половцов Петр Александрович, Главнокомандующий войсками Петроградского ВО (18 мая – июль 1917).

19. Генерал-майор Васильковский Олег Петрович, Главнокомандующий войсками Петроградского ВО (19 июля – 28 августа 1917).

20. Генерал-лейтенант Теплов Владимир Владимирович, командующий войсками Петроградского ВО (29 августа – 4 сентября 1917).

21. Полковник Полковников Георгий Петрович, Главнокомандующий войсками Петроградского ВО (9 сентября – 25 октября 1917).

22. Генерал-майор Багратуни Яков Герасимович (Акоп Карапетович), исп. обязанности Главнокомандующего войсками Петроградского ВО 25 октября 1917.

Биографии командующих войсками Гвардии и Петербургского – Петроградского военного округа были опубликованы В. М. Лурье в книге «Петербургский, Петроградский, Ленинградский военный округ. 1864–1999». СПб.: Полигон, 1999. С. 420–463, а также В. М. Лурье, П. А. Калёнов «Командующие войсками округа и фронта» // Руководители Санкт-Петербурга. М.; СПб., 2003. С. 394–550.

23. Антонов-Овсеенко Владимир Александрович, Главнокомандующий войсками Петроградского ВО (26 – 28 октября 1917). История Петербурга. № 1. С. 66–67.

24. Подвойский Николай Ильич, Главнокомандующий войсками Петроградского ВО (28 – 30 октября 1917). История Петербурга. № 7. С. 67–68.

25. Муравьев Михаил Артемьевич, Главнокомандующий войсками по обороне Петрограда (30 октября – 7 ноября 1917), начальник обороны Петрограда (28–30 октября 1917). История Петербурга. № 1. С. 68–69.

26. Генерал-майор Тигранов Леон Фаддеевич, исп. обязанности Главнокомандующего войсками Петроградского ВО (7 – 11 ноября 1917). История Петербурга. № 2. С. 81.

27. Антонов-Овсеенко Владимир Александрович, Главнокомандующий войсками Петроградского ВО (7 ноября 1917 – 7 декабря 1917).

28. Еремеев Константин Степанович, командующий войсками Петроградского ВО (7 декабря 1917 – 19 марта 1918). 19 марта 1918 старый округ был расформирован, 6 сентября 1918 округ восстановлен. История Петербурга. № 20. С. 81–82.

29. Позерн Борис Павлович, окружной военный комиссар (6 сентября 1918 – 20 мая 1919). История Петербурга № 3. С. 83–84.

30. Исаков Петр Петрович, окружной военный комиссар (20 мая – 19 декабря 1919). История Петербурга № 3. С. 81.

31. Биткер Герман Самойлович, окружной военный комиссар (19 декабря 1919 – 5 октября 1920). История Петербурга № 3. С. 81–82.

32. Авров Дмитрий Николаевич, окружной военный комиссар (6 октября – 16 ноября 1920), командующий войсками Петроградского ВО (16 ноября 1920 – 17 апреля 1921). История Петербурга № 3. С. 82–83.

33. Егоров Александр Ильич, командующий войсками Петроградского ВО (17 апреля – 25 августа 1921). История Петербурга № 4. С. 95–97.

34. Гиттис Владимир Михайлович, командующий войсками Петроградского (с 1 февраля 1924 – Ленинградского) ВО (25 августа 1921 – 26 октября 1925, с фактическим исполнением обязанностей до конца июля 1925). История Петербурга № 5. С. 86–87.

35. Шапошников Борис Михайлович, командующий войсками Ленинградского военного округа (октябрь 1925 – май 1927). История Петербурга № 6. С. 81–84.

36. Корк Август Иванович, командующий войсками Ленинградского военного округа (6 мая 1927 – 3 мая 1928). История Петербурга № 7. С. 93–95.

37. Тухачевский Михаил Николаевич, командующий войсками Ленинградского военного округа (5 мая 1928 – июнь 1931). История Петербурга № 8. С. 96–99.
38. Белов Иван Панфилович, командующий войсками Ленинградского военного округа (11 июня 1931 – 29 сентября 1935). История Петербурга № 9. С. 95–96.
39. Шапошников Борис Михайлович, командующий войсками Ленинградского военного округа (29 сентября 1935 – май 1937).
40. Командарм 2-го ранга Дыбенко Павел Ефимович, командующий войсками Ленинградского военного округа (5 июня 1937 – 27 января 1938). История Петербурга № 10. С. 96–98.
41. Командарм 2-го ранга Хозин Михаил Семенович, командующий войсками Ленинградского военного округа (3 апреля 1938 – 29 января 1939). История Петербурга № 11. С. 86–87.
42. Генерал армии Мерецков Кирилл Афанасьевич, командующий войсками Ленинградского военного округа (29 января 1939 – 7 июня 1940). История Петербурга № 12. С. 85–87.
43. Генерал-лейтенант Кирпонос Михаил Петрович, командующий войсками Ленинградского военного округа (7 июня 1940 – 14 января 1941). История Петербурга № 13. С. 88–89.
44. Генерал-лейтенант Попов Маркиан Михайлович, командующий войсками Ленинградского военного округа (14 января – 23 июня 1941), командующий войсками Ленинградского фронта (28 августа – 5 сентября 1941). История Петербурга № 14. С. 89–92.
45. Генерал-лейтенант Шевалдин Трифон Иванович, командующий войсками Ленинградского военного округа 2-го формирования (июль – сентябрь 1941). История Петербурга № 14. С. 92.
46. Маршал Советского Союза Ворошилов Климент Ефремович, командующий войсками Ленинградского фронта (5 – 13 сентября 1941). История Петербурга № 15. С. 87–90.
47. Генерал армии Жуков Георгий Константинович, командующий войсками Ленинградского фронта (13 сентября – 7 октября 1941). История Петербурга № 16. С. 90–93.
48. Генерал-майор Федюнинский Иван Иванович, исполняющий обязанности командующего войсками Ленинградского фронта (10 – 26 октября 1941). История Петербурга № 17. С. 86–87.
49. Генерал-лейтенант Хозин Михаил Семенович, командующий войсками Ленинградского военного округа, командующий войсками Ленинградского фронта (27 октября 1941 – 9 июня 1942).
50. Маршал Советского Союза Говоров Леонид Аркадьевич, командующий войсками Ленинградского фронта (9 июня 1942 – 9 июля 1945), командующий войсками Ленинградского военного округа (9 июля 1945 – 27 апреля 1946). История Петербурга № 18. С. 96–99.
51. Генерал-полковник Гусев Дмитрий Николаевич, командующий войсками Ленинградского военного округа (27 апреля 1946 – 26 сентября 1949). История Петербурга № 19. С. 93–94.
52. Генерал-полковник Лучинский Александр Александрович, командующий войсками Ленинградского военного округа (26 сентября 1949 – 21 мая 1953). История Петербурга № 20. С. 91–92.
53. Генерал армии Захаров Матвей Васильевич, командующий войсками Ленинградского военного округа (21 мая 1953 – 16 ноября 1957). История Петербурга № 21. С. 73–75.
54. Генерал армии Крылов Николай Иванович, командующий войсками Ленинградского военного округа (16 ноября 1957 – 26 октября 1960). История Петербурга № 22. С. 92–93.
55. Генерал армии Казаков Михаил Ильич, командующий войсками Ленинградского военного округа (26 октября 1960 – 30 октября 1965). История Петербурга № 23. С. 92–94.
56. Генерал армии Соколов Сергей Леонидович, командующий войсками Ленинградского военного округа (30 октября 1965 – 13 апреля 1967). История Петербурга № 24. С. 91–93.
57. Генерал армии Шавров Иван Егорович, командующий войсками Ленинградского военного округа (7 мая 1967 – 5 февраля 1973). История Петербурга № 25. С. 93–94.
58. Генерал армии Грибков Анатолий Иванович, командующий войсками Ленинградского военного округа (5 февраля 1973 – 2 октября 1976). История Петербурга № 26. С. 89–90.
59. Генерал-полковник Сорокин Михаил Иванович, командующий войсками Ленинградского военного округа (2 октября 1976 – 1 ноября 1981). История Петербурга № 27. С. 93–94.
60. Генерал армии Снетков Борис Васильевич, командующий войсками Ленинградского военного округа (ноябрь 1981 – ноябрь 1987). История Петербурга № 28. С. 93–94.
61. Генерал-полковник Ермаков Виктор Федорович, командующий войсками Ленинградского военного округа (ноябрь 1987 – июль 1990). История Петербурга № 29. С. 93–94.
62. Генерал-полковник Самсонов Виктор Николаевич, командующий войсками Ленинградского военного округа (14 июля 1990 – 7 декабря 1991). История Петербурга № 30. С. 91–92.
63. Генерал-полковник Селезнев Сергей Павлович, командующий войсками Ленинградского военного округа (7 декабря 1991 – 17 декабря 1996). История Петербурга № 31. С. 94–95.
64. Генерал армии Бобрышев Валентин Сергеевич, командующий войсками Ленинградского военного округа (3 марта 1997 – 9 марта 2005). История Петербурга № 32. С. 92–93.
65. Генерал армии Пузанов Игорь Евгеньевич, командующий войсками Ленинградского военного округа с 9 марта 2005. История Петербурга. № 33. С. 94–95.

Об истории блокады Ленинграда, о блокированном городе и его жителях написаны сотни книг и многие тысячи статей. Посвящать этой проблеме новые труды могут лишь те, кто чувствует в себе силы сказать новое слово. Именно такими авторами стали В. М. Ковальчук и А. Н. Чистиков.

Для Валентина Михайловича изучение истории блокады – дело всей научной жизни и жизни вообще. Он уже давно сказал главное слово ученого о том, как развивались и действовали ленинградские коммуникации в период противостояния города-героя и фашистских войск. Для Александра Николаевича, крупного специалиста по истории Петрограда–

Бедна не Знает срока давности.

Размышления о книгах

В. М. Ковальчука и А. Н. Чистикова*

С. Н. Полтораки

Ленинграда 1920–1930-х годов, соавторство с мэтром отечественной исторической науки – хорошая школа и бесценный опыт.

Что же выделяет два эти издания из многих публикаций об одной из самых пронзительных страниц истории Великой Отечественной войны? В первую очередь это основательность историографической и источниковой базы. В. М. Ковальчук в книге «900 дней блокады» один из ее разделов скромно озаглавил «Краткая библиография». Этот «краткий» перечень вообрал в себя 8 страниц самых ценных научных исследований, вышедших из печати с 1940-х годов до наших дней. Среди авторов трудов, чей опыт был осмыслен В. М. Ковальчуком, такие историки, как Д. Н. Альшиц (Д. Аль), Н. И. Барышников, Б. П. Белозеров, А. Р. Дзенискевич, В. А. Ежов, И. А. Козлов, А. П. Крюковских, Н. А. Ломагин, Г. Л. Соболев, М. И. Фролов. Внимательно проанализированы мемуары полководцев Великой Отечественной Г. К. Жукова, К. А. Мерецкого, В. Ф. Трибуца, И. И. Федюнинского, С. М. Штеменко, а также тех, кто в годы войны носил погоны «попроше». Среди них заметно выделяется аналитическая работа фронтового лейтенанта, в будущем – генерал-майора Г. А. Олейникова. Прекрасно и то, что автор счел необходимым прислушаться к голосу людей сугубо гражданских, причем в самом широком смысле этого слова. Академики Д. С. Лихачев и Б. Б. Пиотровский – из их числа.

Мне хорошо известны многие публикации, на которые ссылался В. М. Ковальчук. Среди них и те, которые, несмотря на свою большую ценность, не стали достоянием широкой научной общности, поскольку были изданы в трудное для России время более чем скромным тиражом. Такова, например, и судьба книги М. И. Фролова «Салют и реквием: Героизм и трагедия ленинградцев. 1941–1944 гг.», изданная в год 300-летия Петербурга. К сожалению, и книги, о которых идет речь в этой рецензии, изданы скромными тиражами, что делает их доступными далеко не для всех, кто хотел бы их прочитать.

В монографии «900 дней блокады» использованы редчайшие документы, в том числе хранящиеся и в малодоступных архивах. Перечень архивов, в которых автор провел исследовательскую работу при подготовке этой книги, впечатляет: Архив исторического отдела Главного штаба Военно-морского флота, Архив Октябрьской железной дороги, Центральный военно-морской архив, Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

Одной из главных заслуг автора стало то, что он сумел сделать величайшее множество крупных обобщений, причем все они в строгом порядке отражают хронологию

* Ковальчук В. М. 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. СПб.: Д. Буланин, 2005. 236 с. 1000 экз.; Ковальчук В. М., Чистиков А. Н. Ленинград в годы Великой Отечественной войны: Очерки. Документы. Фотографии. СПб.: Изд.-полигр. сервис-центр, 2005. 240 с. 500 экз.

гию событий с первых дней блокады до самого ее конца. Книга насыщена множеством цифр, которые позволяют составить научно обоснованное представление о принципиально важных фрагментах жизни блокированного Ленинграда и всех тех событиях, что развивались на территории, занятой противником. Например, сообщается, что партизанские соединения, действовавшие в рамках Ленинградского партизанского края, только за один год борьбы с фашистами (до 1 октября 1942 года) разгромили 26 вражеских гарнизонов, четыре немецких штаба, уничтожили свыше 26 тысяч вражеских военнослужащих, вывели из строя 159 эшелонов противника, подбили 59 танков и 22 самолета, помогли выйти из окружения более чем 6 тысячам советских людей.

Многие сюжеты позволяют по-новому взглянуть на ход развивавшихся событий. Так, только из этой книги становится известным, что Военный совет Балтийского флота в середине августа 1941 года обращался в Ставку Верховного главнокомандования с ходатайством о переброске для защиты Таллина 20 тысяч военнослужащих, находившихся на острове Ханка, но получили отказ (с. 47). Быть может, при положительном решении этого вопроса конфигурация развития дальнейших событий в чем-то была другой. Иначе говоря, монография В. М. Ковальчука подталкивает пытливого читателя к пониманию альтернативности исторических событий. В этом одна из ее бесспорных ценностей.

То, что в книге подробно говорится не только о событиях в Ленинграде и в непосредственной близости от него, но и о том, что было на дальних подступах к городу, дает возможность осмыслить все происходившее не как локальное явление, а как один из узловых моментов всей Великой Отечественной войны, жестко связанных причинно-следственными связями.

Возьму на себя смелость сказать, что очень многие книги о блокаде Ленинграда похожи между собой. Во многом это происходит оттого, что авторы воспринимают героизм и стойкость ленинградцев

как доминанту развивавшихся событий. Мужество и патриотизм жителей нашего города неоспоримы. Но не только они позволили отстоять Ленинград в борьбе против гитлеровцев. Особая ценность этого издания состоит в том, что автор, не принижая, естественно, подвига наших земляков, сумел обратить внимание еще на одно обстоятельство, без которого победа над врагом была бы невозможной. Речь идет о высочайшем профессионализме многих тысяч людей – представителей сотен профессий. Это не только солдаты и полководцы. Это рабочие, инженеры, техники, хозяйственные работники, медики, учителя, деятели различных сфер культуры, то есть все те, кто участвовал в создании сложной, но прекрасно отлаженной системы противодействия неприятелю. Мне кажется, на фоне многих публикаций, создавших несколько формальный стереотип героической обороны, акцент на профессиональное противоборство с агрессором – это не просто новый подход к пониманию минувшего. Это обстоятельное объяснение того, что победа ленинградцев – вовсе не чудо, основанное на сферах напряжения человеческих сил. Это в первую очередь огромный каждодневный изматывающий труд и профессиональное умение защищать себя, свой город, своих родных и близких, свое миропонимание. Залогом успеха в защите Ленинграда стало именно то, что непоколебимость и самоотверженность горожан слились воедино с умением честно и квалифицированно работать. Опираясь на архивные документы, В. М. Ковальчук приводит данные о том, что в самый тяжелый период блокады, с середины декабря 1941 года по середину марта 1942 года, рабочие фабрик и заводов занимались изготовлением и ремонтом боевой техники и вооружения. Меня не столько взволновали сведения о пушках, танках, самолетах и минометах, сколько то, что за те три самых голодных и холодных месяца наши труженики пошили для нужд фронта 6900 шинелей, более 350 000 комплектов теплого обмундирования и белья, 20 700 пар армейских сапог, 135 000 шапок-ушанок (с. 97).

Вдумаемся: город не просто старался выжить – он активно оборонялся. Валившиеся с ног от холода и голода люди результатами своего труда на фабриках и заводах активно противодействовали пытавшимся завоевать их фашистам. Эти шинели, сапоги и шапки в тот момент значили не меньше, чем боевая техника и вооружение. Они тоже по-своему «стреляли» во врага.

Импонирует то, что автор книги не обходит стороной спорных проблем истории, высказывая свое видение причин военно-политических неудач при обороне Ленинграда. Хотя употребляемый автором термин «Любанская операция» мне представляется очень спорным, многие факты, отмеченные В. М. Ковальчуком, достойны внимания. Он аргументированно, со ссылками на документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, пишет об из рук вон плохом снабжении войск. К примеру, за первые 20 дней февраля 1942 года войска Волховского фронта вместо 70 запланированных транспортов с боевой техникой и боеприпасами получили только 24 (с. 126–127).

Не секрет, что В. М. Ковальчук – крупнейший специалист по исследованию коммуникаций в блокированном Ленинграде и на подступах к городу. В этом еще раз можно убедиться, ознакомившись с его книгой. Для большинства читателей совершенно новыми окажутся сведения о той роли, которую сыграла транспортная и военно-транспортная авиация в обеспечении города продовольствием, боеприпасами. То обстоятельство, что только самолетами из Ленинграда были вывезены более 35 000 человек (с. 135), говорит о том, что забота о людях проявлялась не на словах, а на деле.

В книге немало редких фотографий. Это, например, фото временного путевого листа для проезда в Ленинград, заготовленного немецким командованием, как, впрочем, и хлебных карточек на декабрь 1941 года. Это фотографии Д. Шостаковича: на одной из них – он за рулем в момент сочинения своей знаменитой 7-й симфонии, на другой – в каске и брезентовой куртке на одной из ленинградских крыш

во время несения службы на посту МПВО. Большой неожиданностью для меня была фотография 18-летнего снайпера Героя Советского Союза Ф. А. Смолячкова. Я часто бываю на его могиле на Чесменском военном кладбище, а вот фотографии раньше не видел.

Фото плененных фашистов, руины Петергофского дворца, первый поезд с Большой земли, прибывший на Финляндский вокзал 7 февраля 1943 года, и многие другие переносят читателя в тот страшный мир, который упрямо не хочет становится историей и живет в нашем сознании и душах как что-то произошедшее совсем недавно.

В. М. Ковальчук – мастер выбора нового ракурса в осмыслении блокадной истории. Об этом говорит и написанная им в соавторстве с А. Н. Чистиковым книга «Ленинград в годы Великой Отечественной войны». Авторами удивительно точно была выбрана тональность повествования, очень квалифицированно были соединены в общую творческую концепцию, казалось бы, с трудом совместимые жанры: выдержки из документов, краткие исторические очерки и фотографии. Это издание несколько отличается от предыдущего. Оно более наглядно в силу специфики подачи материала. Большой формат книги, крупные фотографии времен блокады, часть из которых никогда прежде не публиковалась, во многом способствуют тому, что книга может быть интересной одновременно людям с разным уровнем подготовки. В ней найдут много нового и профессиональные историки, и молодые петербуржцы, мало что, к сожалению, знающие уже о феномене ленинградской блокады, и даже те, кто на себе испытал все тяготы тех тяжелых лет.

«Исюминкой» альбома (а эту книгу хочется назвать альбомом) стало то, что фотографии органично вписываются в контекст публикуемых документов. Да и сами документы удивительно сочетаемы друг с другом, несмотря на, казалось бы, огромное их отличие. Фрагмент дневника учителя блокадной школы К. В. Ползиковой-Рубец очень уместен рядом с секретной докладной запиской П. С. Попкова, адресованной

А. А. Жданову. Выписка из журнала боевых действий 768-го тяжелого артиллерийского дивизиона удачно соседствует с дневниковыми записями блокадника Н. П. Горшкова. Информационное письмо «О лучших людях трудового фронта» из Выборгского райкома ВКП(б) в горком партии помещено почти рядом с фотографией Ленинградского митрополита Алексия, на груди которого медаль «За оборону Ленинграда».

Эта книга, как и предыдущая, построена по хронологическому принципу. Авторы словно проводят читателя от сентябрьских событий 1941 года до июльских праздничных дней года Победы, когда город, как и вся страна, чествовал своих героев. Фотографии специально подобраны так, чтобы показать порой самые неожиданные стороны блокадной поры и войны в целом: колхозники-беженцы, ведущие коров мимо ленинградских трамваев, дети с перевязанными руками, ногами, головами, частные объявления граждан об обмене личных вещей на продукты питания, читатели в зале Публичной библиотеки в ноябре 1942 года, ленинградцы, отдыхающие на скамейке на улице Чайковского, за спинами которых протянулись грядки с капустой. Конечно, есть и фотографии, от которых стынет кровь, но на то она и военная беда, чтобы не было срока давности для сострадания и сопереживания.

Одна из фотографий (с. 208) неожиданно оказалась для меня очень личной. Датированная 9 маем 1945 года, она зафиксировала рукопожатие студентов-орденоносцев – бывшего фронтовика Л. И. Королева и, как отмечено в тексте, «бывшего партизана» М. О. Малышева. Дело в том, что этого человека я знал лично. Милетий Олегович Малышев на самом деле партизаном не был, но об этом до поры до времени говорить было нельзя. Его «партизанское прошлое», «сохраняющееся» до сих пор, вероятно, и в фондах архивов, это лишь «легенда», без которой в то время было нельзя. На самом же деле он был разведчиком Ленинградского фронта. Его подвигам посвящены воспоминания участников войны, которые мне неоднократно доводилось чи-

тать. После победы он окончил исторический факультет ЛГУ, до самого последнего дня жизни преподавал. Кажется, в 1980 году он блестяще защитил докторскую диссертацию, посвященную обороне Петрограда в 1918 году. Я был на той защите. Мне запомнилось, как сдержанно и основательно говорил диссертант о событиях более чем 60-летней давности, как ярко и убедительно рассказывал о его научном труде председатель диссертационного совета профессор В. А. Ежов. Милетий Олегович в 1982 году был назначен первым оппонентом по моей кандидатской диссертации, но незадолго до защиты его не стало – прямо на истфаке он умер от инфаркта. Позже мой научный руководитель профессор И. В. Погорельский рассказывал мне об одном эпизоде. В конце 1970-х годов М. О. Малышев был направлен в одну из деревень Ленинградской области читать лекцию для местных жителей. Кажется, это была деревня Гостилицы Ломоносовского района. Во время выступления лектора в тишине деревенского клуба неожиданно раздался женский голос:

– Бабы, да это же наш староста! Держите фашиста!

М. О. Малышева задержали и отвели к участковому. Милетий Олегович спокойно попросил милиционера вызвать представителя КГБ. Когда тот прибыл, он объяснил ему, что 30 с лишним лет назад работал в этих местах на нашу разведку. Наведенные справки, естественно, это подтвердили...

Я благодарен авторам книги за то, что они совсем неожиданно напомнили мне об этом замечательном человеке – об одном из многих защитников блокированного Ленинграда, позволили увидеть уважаемого мной ученого совсем молодым.

Эти две книги – несомненное событие в научной жизни страны и в жизни нашего города. Остается только сожалеть, что немногие читатели получают возможность их прочитать. Их переиздание было бы очень своевременным и полезным для многих тысяч людей как в нашем городе, так и далеко за его пределами.

К 75-летию со дня рождения В. А. Петрицкого

10 июля 2006 года исполнилось 75 лет со дня рождения заведующего кафедрой культурологии, социологии и политологии Санкт-Петербургской государственной лесотехнической академии доктора философских наук, профессора В. А. Петрицкого. Юбиляр – видный философ, библиофил, историк, культуролог, литератор, известный далеко за пределами Петербурга и всей России. Многих членов редколлегии и юбиляра связывает прочная дружба. Мы высоко ценим вклад Вилли Александровича в изучение и пропаганду истории Санкт-Петербурга.

В. А. Петрицкий родился в Ленинграде в семье военного моряка. В 1935 году его отец был расстрелян, а семью выслали в Ярославскую область, город Рыбинск. В 1951 году, после окончания средней школы, Вилли Александрович поступил на отделение журналистики филологического факультета Ленинградского государственного университета. Разносторонние способности, интерес к гуманитарным и точным наукам способствовали тому, что В. А. Петрицкий одновременно посещал занятия на филологическом, философском и физическом факультетах. Он по праву считает своими учителями историка литературы профессора П. Н. Беркова, филолога профессора В. Я. Проппа, историка профессора С. Б. Окуня, математика академика В. И. Смирнова, физика академика В. А. Фока, философа и психолога И. С. Кона.

С отличием окончив университет, В. А. Петрицкий вскоре стал известным поэтом, прозаиком, журналистом. В 1971 году он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук по теме «Философско-этическое учение Альберта Швейцера: опыт критического анализа». В 1993 году В. А. Петрицкий стал доктором философских наук, сделав философско-культурологический анализ русской культуры и трудов Альберта Швейцера. Среди ученых, давших высокую оценку его работе, были академики М. Н. Боголюбов, Д. С. Лихачев, польский философ-этик И. Лазари-Павловски. В 1994 году ему было присвоено звание профессора.

Юбиляр и сейчас активно работает в составе двух диссертационных советов, постоянно пишет и издает новаторские по своей сути книги и статьи.

Заслуги В. А. Петрицкого перед нашим городом огромны. В 1974 году он был одним из инициаторов создания Ленинградской организации Общества книголюбов. С 1997 года он – президент Добровольного общества любителей книги Санкт-Петербурга. С 1996 года Вилли Александрович главный редактор альманаха «Невский библиофил».

Вилли Александровича справедливо было бы назвать меценатом-интеллектуалом. Собирая на свои скромные сбережения книги и документы, он от души передает их зарубежным и отечественным музеям, библиотекам. Его дарами пополнился не только отдел рукописей Российской национальной библиотеки, которой он передал свыше 200 рукописей XIX – начала XX веков, но и, например, библиотека им. М. М. Зощенко в Сестрорецке.

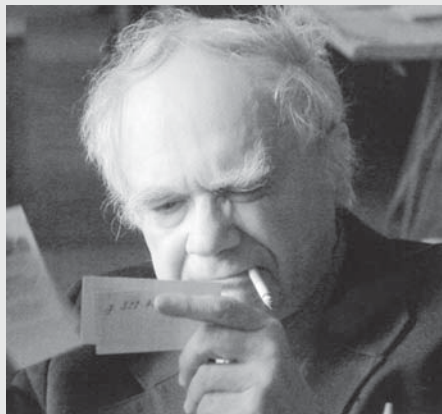
Уже более 30 лет юбиляр руководит старейшим библиофильским клубом России – секцией книги и графики Санкт-Петербургского Дома ученых РАН.

Вилли Александрович по-прежнему очень энергичный и творчески неуязвимый человек. Его сил, идей, творческих порывов хватило бы на целый научно-исследовательский институт! Он представляет собой крупное культурное явление в жизни Петербурга и всей России.

Редколлегия журнала «История Петербурга» сердечно поздравляет В. А. Петрицкого с минувшим юбилеем и желает ему «так держать!» в самом широком смысле этой морской команды. Не сомневаемся, что сын моряка это пожелание исполнит с блеском.

По поручению редколлегии,
С.Н. Полторак

Декабрь 2006 года богат замечательными юбилеями

14 14 декабря исполнилось 80 лет **Марку Григорьевичу Колотову**, историку русской архитектуры, выдающемуся искусствоведу, работающему в области реставрации.

Вклад Марка Григорьевича в дело реставрации памятников Петербурга огромен. Став в 1962 году научным сотрудником специальных научно-реставрационных производственных мастерских, он и по сей день талантливо возрождает архитектуру нашего города. Марк Григорьевич работал главным архитектором НПО «Реставрация», возглавлял научный отдел института «Ленпроектреставрация». На протяжении своей творческой жизни он занимался научными изысканиями, традиционно предшествующими реставрации любого памятника и определяющими уровень и качество реставрационных работ. В годы, предшествовавшие юбилею города, Колотов участвовал в реставрации его важнейших памятников – Янтарной комнаты в Царском Селе, Храма Воскресения Христова («Спаса на крови»), усадьбы Г. Р. Державина и многих других.

Марк Григорьевич неутомимый исследователь, энциклопедически образованный человек, одержимый яркими и интересными идеями. В свои неюные годы он почти ежедневно бывает в архивах, библиотеках, музеях, работает научным консультантом в храмах-памятниках «Исаакиевский собор», «Смольный собор», «Сампсониевский собор», «Спас на крови». Такие люди, как он – золотой генофонд Петербурга.

Желаем Марку Григорьевичу неиссякаемой творческой энергии и ярких открытий!

17 17 декабря исполнилось 70 лет **Вадиму Валентиновичу Знаменову**, директору Государственного историко-архитектурного и садово-паркового музея-заповедника «Петергоф». Посвятив уникальному памятнику всю свою творческую жизнь, Вадим Валентинович создал здесь уникальный дворцовый ансамбль, равного которому сегодня нет в Европе.

С юности мечтая возродить к жизни петергофские руины и сам не веря в свои мечты, Знаменов долгие годы талантливо осуществляет собственные дерзновенные планы. Благодаря его энергии и таланту Петергоф стал не только городом-музеем, но и городом-дипломатом, поскольку именно в нем нередко на официальных церемониях самого высокого ранга вершатся судьбы нашего Отечества.

Сам Вадим Валентинович умеет быть очень разным. Он большой ученый, и его знания об истории и коллекции петергофского ансамбля обширны и глубоки. Он прекрасный вещевед, умеющий ценить вкус и аромат каждого музейного предмета. Он просветитель, широко делящийся своими знаниями с людьми – лично, на лекциях, по телевидению. Он неутомимый труженик, в расписании которого нет выходных. Он эстет, который как никто в музейном мире любит и умеет вдохнуть жизнь в музейные экспозиции.

Петергоф стал его домом. Домом, который он создал и в котором живет.

Сегодня мы желаем Вадиму Валентиновичу здоровья и больших жизненных перспектив.

Редколлегия журнала приветствует и сердечно поздравляет юбиляров со знаменательными датами. В истории Петербурга они играют сегодня яркую и важную роль. Здоровья им и долголетия!

Журнал «История Петербурга»
и Детская библиотека истории и культуры Петербурга
(филиал № 2 ЦГДБ им. А. С. Пушкина)

объявляют **КОНКУРС** рисунка

«Петербургский детский альбом: исторические картинки (История Петербурга – глазами детей)».

Сроки проведения – январь–май 2007 г.
Возраст участников – до 15 лет включительно.

Работы необходимо представить до **15 мая 2007 г.** в Детскую библиотеку истории и культуры Петербурга по адресу: Санкт-Петербург, ул. Марата, дом 72, или выслать по адресу: 191119, Санкт-Петербург, ул. Марата, дом 72, Детская библиотека. **С пометкой «На конкурс».**

Подведение итогов и награждение победителей состоится **1 июня 2007 г.**, в Международный день защиты детей, в Белом зале библиотеки.

Предполагается по итогам конкурса организовать выставки, опубликовать лучшие работы.

ОБЩИЕ ПОЖЕЛАНИЯ К РАБОТАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ НА КОНКУРС:

1. Рисунки должны соответствовать заданной теме.
2. Рисунки могут быть выполнены на любом материале (ватман, картон, холст и т. д.) и исполнены в любой технике (акварель, акрил, тушь, цветные карандаши, мелки и т. д.).
3. Представленные на конкурс работы должны быть не менее формата А4 (210x290) и не более А3 (420x580). Желательно оформление в паспорту.
4. Один участник конкурса может представить не более трех работ.
5. Работы должны быть подписаны с обратной стороны: Ф.И.О, дата рождения, № школы и класс, контактные телефоны, Ф.И.О. родителей.

Справки по телефонам:

315-42-62 (координатор от библиотеки –
Мира Львовна Васюкова, заведующая библиотекой).

534-28-28 (координатор от журнала «История Петербурга» –
Елена Борисовна Малкова).

Сведения об авторах

АЛЕКСАНДРОВА Елена Львовна – доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник Физико-технического института имени А. Ф. Иоффе РАН.

АНТОНОВ Виктор Васильевич – историк, лауреат Анциферовской премии.

БАЧИНИН Владислав Аркадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН.

БЕМ Венедикт Григорьевич – кандидат технических наук, ветеран Вооруженных сил, инженер-полковник запаса.

ВОЛКОВА Мальвина Петровна – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, научный сотрудник Реставрационно-производственного научного центра «Специалист».

ГАЛАНОВ Михаил Маркович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета.

ГИТМАН Марк Михайлович – доцент, заслуженный работник культуры РСФСР.

КАЛЁНОВ Павел Александрович – соискатель ученой степени кандидата исторических наук.

ЛАВРЕНТЬЕВ Николай Владимирович – студент Лесотехнической академии.

ЛУРЬЕ Вячеслав Михайлович – военный историк.

МЕНЬШЕНИНА Наталья Юрьевна – соискатель факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, редактор журнала «Русская литература» Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

МОЛКИНА Ольга Ивановна – преподаватель английского языка, исследователь истории города, автор популярной книги и многих статей о прошлом Петербурга.

НИКИФОРОВА Лариса Викторовна – кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Член Союза художников (секция критики и искусствоведения).

НИКОЛАЕВА Нонна Владимировна – инженер, краевед, выпускница «Института Петербурга», член Воронцовского общества.

ПАЩИНСКАЯ Ирина Олеговна – историк, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Петергоф».

ПОЛТОРАК Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

ПОМЕРАНЕЦ Ким Семенович – кандидат географических наук, дипломант Анциферовской премии 2005 г.

СМИРНОВ Александр Павлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея политической истории России.

ТАЙМАНОВА Ирина Евгеньевна – телережиссер, музыкант, писатель, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории.

ШТАЛЬ Виоланта Павловна – репрессированная, ветеран труда, преподаватель.

ЮХНЁВА Наталия Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера).

Этот номер подготовлен к печати при поддержке читателей нашего журнала
Геннадия Васильевича Васильева и Анатолия Ивановича Приходько.

История Петербурга журнал

№ 6 (34) 2006

Корректор **Т. В. Королева**

Компьютерная верстка и дизайн обложки **Е. А. Тальянова**

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Нестор»

Подписано в печать 10.12.2006. Формат 60 x 84 1/8

Объем 12,5 п. л. Тираж 3000 (1-й завод 1–1000) экз.

Отпечатано в типографии «TOURUSSELL»,

Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 1. Лицензия ПД № 2-69-571.

Заказ №

Цена свободная